

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Научное издание

ТУРЦИЯ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ И ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ВЫБОРОВ 2007 г.
М., 2008. 260 стр.

Отв. ред. Болдырев А.В.
Ульченков Н.Ю.

**ТУРЦИЯ НАКАНУНЕ
И ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ
И ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2007 г.**

Мнение авторов не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89282-354-8
ISBN 978-5-89394-199-9

ISBN 978-5-89282-354-8
ISBN 978-5-89394-199-9

© Институт востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

Москва 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
Н.Г.Киреев НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СВЕТСКОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI В.	7
Б.М.Поцхверия ЛАИЦИЗМ В ТУРЕЦКОЙ КОНСТИТУЦИИ.....	32
Н.Ю.Ульченко ОСНОВНЫЕ ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ В 2006–2007 гг. И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 2008 г.	43
В.И.Шлыков АРМИЯ В ЖИЗНИ ТУРЕЦКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ 2000-х гг.	54
Г.М.Зиганшина СИТУАЦИЯ ВОКРУГ ПАРЛАМЕНТСКИХ И ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ТУРЦИИ В 2007 г.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	91
П.В.Шлыков ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ТУРЦИИ.....	115
Уйсал Гюль ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 22 ИЮЛЯ 2007 ГОДА).....	148
Ю.А.Ли СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ.....	158
И.И.Иванова ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ.....	168
Е.И.Уразова ТУРЕЦКОЕ АГЕНТСТВО ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ И РАЗВИТИЮ (ТИКА): НОВЫЕ ЗАДАЧИ.....	182

В.К.Егоров ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	190
Мехмет Перинчек РОЛЬ ТУРЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПРОЕКТЕ ВЕЛИКОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.....	201
К.В.Вертяев КУРДСКИЙ ВОПРОС И ИНТЕРЕСЫ ТУРЦИИ В ИРАКЕ.....	205
А.Г.Гаджиев ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ТУРЦИИ 2007 г.: ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕС.	219
Н.Э.Рагимов ПРОЕКТ НАВУССО И РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ.....	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 2007 г. Сектор Турции Института востоковедения РАН провел круглый стол на тему «Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г.». В его работе, помимо сотрудников ИВ РАН, приняли участие туркологи из других научных и образовательных учреждений Москвы.

Цель круглого стола состояла, во-первых, в подведении итогов пребывания у власти на протяжении почти пяти лет однопартийного правительства, сформированного происламской Партией справедливости и развития. Сам прецедент с превращением политической силы подобного направления в монополю правящую стал первым в истории Турецкой Республики, одной из основ общественной жизни которой является принцип светскости. Во-вторых, задача собравшихся состояла в определении путей дальнейшего политического, социального и экономического развития страны.

По прошествии нескольких месяцев, по мере того как выступления участников были собраны в виде статей и докладов в рамках подготовки настоящего сборника, стало очевидно, что основная интонация подавляющей части представленных материалов оказалась абсолютно верной. Речь идет об интонации, передающей переходное, переломное состояние турецкого общества, которое стоит на пороге больших перемен, связанных с необходимостью решающего для будущего страны общественно-политического выбора. Как верно предвидели наши эксперты, успех первого срока правления Партии справедливости и развития побудил ее после повторной убедительной победы на выборах к более четкой политической самоидентификации, результатом чего стал ряд законов и законодательных проектов, направленных на формирование более лояльного отношения к исламу и использованию его символики в государственной жизни. В итоге активизировалось и противодействие сторонников светского развития Турции. Пока они пытаются использовать более мягкие механизмы политической дискредитации Партии справедливости и развития, чем воен-

ный переворот: законность ее действий должен рассмотреть Кассационный, а затем Конституционный суд республики. Его решение может привести к закрытию действующей партии власти и серьезным изменениям в социально-политическом будущем Турции.

Какими путями проводился «исламский эксперимент» в Турции, какой резонанс он вызвал в обществе и каковы его возможные последствия – на эти важнейшие вопросы отвечают статьи и доклады участников сборника.

Н.Г.Киреев

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СВЕТСКОСТИ
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в.**

3 ноября 2007 года Партия справедливости и развития (ПСР), возглавляемая Р. Т. Эрдоганом, отметила пятую годовщину прихода к власти. Вторые выборы 22 июля 2007 г. обеспечили ей в нынешнем меджлисе 340 мест (из 550), а двум ее главным оппонентам – 98 мест (Народно-республиканская партия, лидер Д. Байкал) и 70 мест (Партия националистического движения, лидер Д. Бахчели). Второй человек в этой партии, Абдуллах Гюль, в конце августа был избран президентом страны.

После всех произошедших в стране за 5 лет перипетий, после очень сложного для ПСР 2007 г., года двойных выборов, ее руководство, заполучив в свои руки и законодательную, и исполнительную власть, на рубеже 2007/8 гг. решительно приступило к выполнению своей партийной программы и предвыборных обещаний. 2008 год обещает стать первым годом открытого и детального апробирования программных задач партии. Их наиболее полное воплощение предстает в подготавливаемом проекте новой конституции страны.

Согласимся, что главной (и новой) интригой в политической ситуации в Турции первого десятилетия XXI века является то обстоятельство, что за весьма популярными лидерами партии – Т. Эрдоганом и А. Гюлем, другими ее активистами тянется прежний исламистский шлейф – они были близкими соратниками небезызвестного Н. Эрбакана, занимавшего одно время пост премьер-министра, лидера радикальной прошариатской, и поныне активно и с широким размахом действующей в Германии турецкой организации «Милли герюш» (обновленное название – «Ислам Топлumu Милли Герюш»). Причем ее лозунги и декларации 90-х годов совсем не походили на нынешнюю умеренную программу ПСР. Именно за неумеренность и радикализм последняя из представлявших ее в самой Турции

политических партий – «Фазилет» в июне 2001 г. была закрыта Конституционным судом страны, а затем раскололась. Одна из ее двух наследниц, ПСР, с триумфом придя 18 ноября 2002 г. к власти, сочла нужным не возвращаться к прежним, открыто радикальным лозунгам и не переступить (пока?) «красную черту» в своем толковании прежде всего тех определений светскости и ее границ, которые содержит конституция 1982 г. В тексте партийной программы ПСР¹ нет положений, требующих установления в стране шариатского режима, отмены запрета на ношение платка в университетах, обязательного введения в систему образования религиозного фактора и т.п. Т.е. всего того, что формально позволяло бы считать ПСР открыто исламистской партией, отвергающей светскость и призывающей к шариату, в чем десятилетие назад обвинялся военными Н. Эрбакан.

Вполне очевидно, что здесь Эрдоган воспользовался богатым опытом давнего сторонника нурджизма, пропагандиста идеологии «умеренного ислама» Фетхуллага Гюлена, давно покинувшего Турцию из-за судебного преследования и проживающего в США. Учредители ПСР «с самого начала получили в солидных размерах поддержку от джемаата Фетхуллага Гюлена – как по издательской линии, так и другими политическими инструментами». Во время своих визитов в США Т. Эрдоган неоднократно встречался с Фетхуллагом Гюленом, который, «исходя из сложившейся после 28 февраля 1997 г. ситуации (отстранение от власти под давлением военных Н.Эрбакана – Н.К.), «обосновывал необходимость более всесторонних, новых политических оценок. Гюлен, ведя долгие беседы с Эрдоганом, приводил опыт Озала». В том же духе происходили встречи Эрдогана с генеральным консулом США в Стамбуле Каролин Хаггинс, которая убеждала своего собеседника отказаться от радикализма, ведущего к последствиям, схожим с мерами военных против Эрбакана 28 февраля 1997 г. «Такого рода действия уменьшают доверие к турецкой демократии... Я два года работаю в Стамбуле и счастлива, когда уважаемый премьер время от времени наносит мне визиты».²

Судя по всему, намерения ПСР – не исламская революция, а растянутая на несколько лет постепенная и глубокая социально-экономическая реформация в духе умеренного исламизма, мирного джихада,³ с постоянными ссылками на современные демократические ценности, с оглядкой на Европейское сообщество. «Наша партия – вместе со всеми гражданами

страны, без различия пола, этнических корней, верований, мировоззрений.» Партия опирается на принципы «единства страны, светского, демократического, социально-правового государства, гражданственности, демократизации, свободы веры и равенства возможностей». На мировой арене лидер ПСР активно выступает за сотрудничество мировых цивилизаций, подчеркивается и приверженность партии принципам и реформам Ататюрка. Вместе с тем эта партия намерена в проекте новой конституции предложить турецкому обществу свою трактовку понятий «светскость» и «демократия», причем, согласно утверждениям ПСР, именно лаицизм – «самое важное условие демократии». Одна из главных программных установок партии следующая: «Основной смысл лаицизма – нейтральность государства перед различными религиозными верованиями и философскими учениями. В этом смысле лаицизм – одновременно и принцип свободы. Поэтому лаицизм – это понятие, которое контролирует и ограничивает не индивида, а государство». Как считает ПСР, поскольку государство нейтрально перед верованиями, философскими взглядами и убеждениями, лаицизм одновременно является и основой социального мира.⁴

В этом же контексте партия подчеркивает важное значение института «гражданского общества». В СМИ Турции поясняется, что это понятие включает все неправительственные организации, общества, кружки, платформы, вакуфы, союзы различных палат, бирж, адвокатских обществ, профсоюзные объединения, конфедерации, союзы и синдикаты предпринимателей, ремесленников, спортивные объединения, искусствоведческие объединения и т.п. Всеми этими терминами обильно наполнена программа партии. Делая акцент на понятии «гражданское общество», партия в то же время безусловно снимает все сомнения в законности существования ряда религиозных организаций, обществ, например общества Фетхуллаха Гюлена, орденов и т.п. Еще в 1998 г. по поводу того, как понимают гражданское общество исламисты, журналист Айдын Энгин писал: «Являются ли тарикаты организациями гражданского общества? Гражданское лицо и военный так же отличаются друг от друга, как гражданское общество отличается от тариката и мюрид тариката отличается от гражданственности. Считающий себя рабом божьим мюрид тариката полностью противоположен гражданину. Тогда почему стараются представить тарикаты как организации гражданского общества..? Сначала говори-

ли о примирении государства с религией. Чтобы примириться, сначала необходимо поссориться. Но когда поссорилась власть с религией? Открытие школ имамов-хатибов, их ежегодный двукратный рост, поддержка курсов Корана, отчисление с налогоплательщиков средств на содержание имамов при мечетях – где здесь ссоры..? В наши дни гражданственность – это организованная мирная защита граждан от намерения правительств, милитаристов, церкви, мечетей, орденов повелевать, ограничить демократию. Тот, кто не демократ, не может быть гражданином. Рабы не создают гражданское общество.»⁵

Переосмысление светскости, лаицизма – это, очевидно, и есть та основная цель, на которой утверждает свою идеологию элита партии: увязать новое понятие светскости с широкой свободой деятельности в стране «умеренного» исламизма в условиях демократии и приобщения к власти организаций гражданского общества. Но «умеренность» в данном случае предполагает лишь отказ от радикализма в текущей политической деятельности, а не в конечной цели – «мирном построении» шариатского государства. Примером такого увязывания является очередное обострение полемики в обществе, в СМИ вокруг «свободы платка» или «свободы тюрбана».⁶

Согласно поправке, внесенной в Закон о высшем образовании при однопартийном правительстве Т.Озала в 1988 г., разрешалось учащимся закрывать по причине религиозной веры шею и волосы накидкой (покрывалом) или тюрбаном. Однако 7 февраля 1989 г. Конституционный суд, приведя серьезные доводы, эту поправку отменил. Государственный Совет Турецкой Республики – конституционный орган – в 1994 г. принял окончательное решение о том, что в высших учебных заведениях запрещается использовать головную накидку. Какие доводы приводил Конституционный суд, отменяя поправку? Суд счел ее противоречащей принципам светскости и равенства, установленным в не подлежащей изменениям ст. 2-й конституции; противоречащей ст. 24-й, запрещающей использовать религиозные чувства в политике; наконец, ст. 174-й, перечисляющей те законы, которые не подлежат изменениям⁷. Газеты пишут о «возвышении тюрбана», о том, что доля женщин, пользующихся платком и тюрбаном, в 2003–2007 гг. заметно возросла. Тюрбан распространяется среди молодых, образованных женщин, горожанок и представительниц среднего класса, «он стал символом новейшего консерватизма, и удивляться

этому не следует, если в 2007 г. за ПСР проголосовало 47% активного электората и избран президент, у которого жена носит тюрбан». Такие и подобные темы составили основной тон острой дискуссии между защитниками и противниками платка-тюрбана в университетах, появились даже выражения «тюрбанисты» и «антитюрбанисты».⁸

Нечто похожее наблюдалось в конце 90-х гг. в период активности партии «Фазилет» в меджлисе, правда, с другим исходом – такая активность стала одной из причин запрета этой партии 23 июня 2001 г. В семи пунктах постановления Конституционного суда были изложены причины такого запрета, приведены имена депутатов ВНСТ от «Фазилет», которые из-за своей радикальной активности лишались, согласно одному из пунктов ст. 84 Конституции, депутатских мандатов; несколько другим по другой статье, 69-й, запрещалось в течение 5 лет заниматься любым видом партийной деятельности. В числе последних была упомянута и Мерве Кавакчи, прославившаяся не только своим интересом как специалист к электронной технологии, но и демонстративными попытками прийти на заседание парламента с исламистским символом – повязкой (*тюрбаном*) на голове.⁹

Тема возобновившейся полемики – носить или нет платок (тюрбан) в высших учебных заведениях – может показаться ничемной, но в условиях светской и в то же время управляемой умеренными исламистами Турции платок на голове женщины, полоска ткани на голове девушки (тюрбан) оказываются символами не просто веры, а активного, демонстративного приобщения к исламу, шариату, даже реваншем за недавнее прошлое. Призывая к свободному, демократическому, а то и намеренно демонстративному пользованию этими символами, исламисты добиваются переосмысления кемалистской концепции светскости, поэтому столь насторожены все приверженцы и сторонники запрета платка-тюрбана – женщины с открытой головой при исламистском правительстве, президенте «окажутся беззащитными перед серьезным давлением и угрозами, будет узаконено давление на них со стороны соседей и родственников»¹⁰

* * *

Уместно вспомнить – как, в каких чрезвычайных, драматических условиях в турецком конституционном праве появился и затем утверждался принцип светского государства, который теперь так горячо и, можно сказать заново, обсуждается при

новой власти. Это отдельная большая тема, относящаяся к периоду возникновения и упрочения республики в 20–30-е годы. Обратившись к тем временам даже в тезисном режиме, мы убеждаемся, что нынешняя защита веры, ее символики от государственного, судебного контроля, оправдываемого ссылкой на принцип секуляризма, светскости, зеркально противоположна тому принятию и затем защите секуляризма, которую предпринимало кемалистское руководство с тем, чтобы избавить новое государство от остатков шариатского права. Причем это избавление потребовало от кемалистов большого терпения, настойчивости и одновременно осторожности – население было сплошь активно верующим, освобождение страны от оккупантов осуществлялось также и под исламскими знаменами, среди патриотов было немало влиятельных религиозных деятелей.

Так, церемония 23 апреля 1920 г. в Анкаре по случаю учреждения нового меджлиса – Великого Национального Собрания Турции сопровождалась намазом, прославлением освободителей родины и защитников ислама в исторической мечети Хаджи Байрам Вели. И уже в первой временной конституции (закон «Об основных организациях»), принятой в Анкаре в январе 1921 г. новым меджлисом под председательством Мустафы Кемалю, было сказано, что «в полномочия ВНСТ входит исполнение предписаний шариата по конституционному праву – таких, как принятие и исполнение законов, их модификация, отмена и заключение договоров, соглашений о мире, провозглашение защиты родины». Вместе с тем в этом же документе статья 1-я гласила, что «верховная власть безусловно принадлежит нации» (а не султану-халифу, как ранее), статья 2-я – что исполнительная власть и законодательная инициатива исходят от ВНСТ.¹¹ Таким образом, власть султана-халифа заменялась властью ВНСТ, о прежней власти, о халифате не говорилось ни слова.

Очевидно, что тогда, опасаясь развала национального фронта в самый разгар войны с интервентами, кемалисты не стали спешить ликвидировать султанат и объявлять страну республикой. «В те времена республиканского режима боялись, – пишет турецкий автор. – Конечно, в этом государстве убивали и падишахов, но никому в голову не приходила мысль сменить династию Османов. Некоторые идеологи стремились к тому, чтобы ограничить полномочия падишаха, была принята конституция. Но никто не выступал с предложением о респуб-

лике. Такое слово было опасно произносить. Падишах, будучи одновременно халифом исламского мира, олицетворял собою священное начало.»¹²

После изгнания из страны оккупантов в сентябре 1922 г. единый национальный фронт начал распадаться. В начале 1922 г. депутаты правой оппозиции потребовали вернуть власть султану, сохранив также и институт халифата. Чтобы положить конец антикемалистской деятельности оппозиции, 30 октября 1922 г. на заседании ВНСТ было внесено предложение о привлечении к судебной ответственности членов султанского правительства за государственную измену и о ликвидации султана. Депутаты-консерваторы, особенно представители духовенства, выступили против ликвидации султаната, утверждая, что отделение светской власти от духовной является покушением на основы религии. На объединенном заседании трех комиссий меджлиса противники Кемалья одержали победу: большинством голосов законопроект об отделении султаната от халифата первоначально был отвергнут. После этого Мустафа Кемаль обратился к более «убедительным» аргументам и объяснил депутатам, что «суверенитет и власть никому не могут быть переданы в результате академической дискуссии. Суверенитет приобретается путем силы, мощи, даже насилия.»¹³ В итоге 1 ноября 1922 г. закон об отделении султаната от халифата, о ликвидации султаната с передачей ВНСТ всей полноты власти в стране, а также об избрании нового халифа из представителей Османской династии был принят. В правительственном решении отмечалось, что «после нескольких столетий бедствий, которые пережило государство по вине дворца и Бабиали (правительства)», в Анатолии установлена национальная власть. «Османская империя канула в историю, на ее месте возникло новое национальное государство Турция; султанат ликвидирован, его заменяет Великое Национальное Собрание Турции», а стамбульское правительство перестало быть таковым «начиная с 16 марта 1336 (1920) года», т.е. после сдачи Стамбула войскам интервентов.

Что касается халифа, то ВНСТ объявило о намерении назначить на этот пост «достойного и уважаемого представителя дома Османов».¹⁴ Сохранение халифата было кратковременной уступкой феодально-клерикальным кругам в меджлисе, которых поддерживала в этом вопросе и так называемая «генеральская оппозиция». Победа над греками, подписание Ло-

заннского мирного договора в июле 1923 г. укрепили позиции Мустафы Кемалья и позволили продолжить секуляризацию. 29 февраля 1924 г. состоялась последняя традиционная церемония пятничного посещения последним халифом Турции мечети в Стамбуле. А на следующий день, 1 марта, но уже в Анкаре, открывая очередное заседание ВНСТ, Мустафа Кемаль произнес обвинительную речь по поводу векового использования исламской религии в качестве политического инструмента, потребовал вернуть ее к истинному, сакральному предназначению, «срочно и самым решительным образом спасти наши священные религиозные ценности» от разного рода «темных целей и вожделений». Под его председательством на заседании ВНСТ 3 марта были приняты, среди других, законы об упразднении халифата и учреждений шариатского судопроизводства, о передаче вакуфного имущества, весьма обширного, создаваемому генеральному управлению вакуфами. Турецкий автор пишет по этому поводу: «Вакуфные доходы стали поступать в распоряжение не тарикатов и религиозных общин, а в распоряжение государства; над землями, имуществом и торговыми заведениями, принадлежавшими религиозным организациям, был установлен контроль»¹⁵.

Учреждалось государственное Управление по делам религии – ведомство, и сегодня являющееся непосредственным исполнителем религиозной политики государства. Предусматривалась также передача всех научных и учебных заведений в распоряжение министерства просвещения, устанавливалось, что это министерство «для подготовки специалистов высокой квалификации в области религиозной деятельности примет меры по открытию при Стамбульском университете богословского факультета (действовал до 1933 г.), а также по созданию специальных школ для подготовки имамов и хатибов и тому подобных профессиональных кадров в сфере религиозных услуг».¹⁶

Положение о том, что ислам остается государственной религией страны, было сохранено и при принятии 20 апреля 1924 г. нового текста конституции. Турецкие историки называют это противоречие временным, говорят о трудностях перехода общества к новой государственной идеологии, неподготовленностью его к отказу от упоминания шариата, халифата и пр. Одной из главных задач власти в новой Турции было – сохранить контроль над религией, удалив в то же время ее из системы складывающейся государственной республиканской власти.

Оставив верующему мусульманину возможность свободно верить в бога, отмечать религиозные праздники, совершать хадж, молиться в мечети или дома, в пути, издавать книги, познавать Коран, изучать историю религии, но не вовлекать веру в политику.

Историки этого периода постоянно подчеркивают, что государственная власть фактически перешла уже от султана к анкарскому парламенту и исполнением норм шариата ведало уже ВНСТ. После ликвидации 3 марта 1924 г. халифата и министерства шариата и вакуфов упомянутая выше статья утратила свою практическую значимость, изъята из конституции.

Важной мерой на этом начальном этапе деисламизации общества стал принудительный «перевод» населения на ношение европейской одежды. Кемаль все чаще спрашивал: почему турки одеваются не как все во всем мире, почему женщина не может наравне с мужчиной открывать свое лицо? Исмет Иненю пишет в своих воспоминаниях, что в то время ношение европейской одежды турками, прежде всего горожанами, имело особый смысл для Кемалья – оно наглядно свидетельствовало о том, как население поддерживает секуляризацию. В конце ноября того же 1925 г. были приняты законы: о запрете носить фески и папахи, о переходе к европейской одежде, а также о закрытии таких мест религиозной деятельности и поклонения, как текке и завие (обители дервишей), и тюрье (надгробия и усыпальницы дервишских святых), об упразднении общественного статуса их смотрителей. Таких «святых мест» местного паломничества было немало распространено по всей стране.¹⁷

Также некоторое время действовал и османский гражданский кодекс Меджелле, «сохраняя свой религиозный характер». Вскоре его заменил новый светский Гражданский кодекс, секуляризовавший остатки шариатского права, включая положения о браке и семье, он вступил в силу 6 октября 1926 г. Он был переписан с текста швейцарского кодекса, считавшегося тогда самым передовым в Европе, устанавливал в Турции светские принципы частного и семейного права, отменял Меджелле. «С этим законом турецкое общество перешло от цивилизации уммета к современной цивилизации»¹⁸ В записке, сопроводившей первую публикацию этого закона, председатель правительства Исмет Иненю отмечал, что до сих пор республика не имела своего Гражданского кодекса, пользовалась частично Меджелле, который «в своих основах» представлен религией. «Однако жизнь отдельного человека каждый день и даже каждый миг

подвержена коренным переменам. Государства, законы которых основаны на религии, через короткое время не в состоянии удовлетворить потребности страны и нации. Ибо религии отражают вечные истины, в то время как жизнь идет, ее запросы стремительно меняются; ценность и значимость религиозных канонических в условиях необратимого движения жизни – не более чем формальность и мертвые фразы. Неизменность – вынужденная необходимость для религий. Поэтому религиям надлежит оставаться делом совести – это одна из важнейших отличительных черт современной цивилизации»¹⁹

Защите светских правовых принципов были посвящены и некоторые положения Уголовного кодекса 1926 г., действовавшего до 2004 г.. Так, его статья 163-я, периодически модифицируемая и сохранявшаяся в силе до 1991 г., запрещала использование религии в политических и личных целях, определяла за нарушения статьи различные формы наказания, в том числе тюремного. Одновременно этот документ содержал статьи 175, 176 и 177, предусматривавшие уголовное наказание различной тяжести за разного рода действия, предпринимаемые кем-либо с целью помешать верующему любой конфессии отправлять свои религиозные обязанности, либо оскорбляющие его религиозные чувства – словом, поступком, публикацией и т.д. Аналогичные наказания были предусмотрены и для тех, кто препятствует служителям культа выполнять свои, предусмотренные законом обязанности перед верующими.

На этом процесс секуляризации не закончился. В своей известной речи ('Nutuk') 20 марта 1927 г. на 2-м конгрессе правящей Народно-республиканской партии президент Турции М. Кемаль напомнил, что ранее в программу создаваемой Народной партии «не были включены важные и фундаментальные вопросы, такие, например, как провозглашение республики, упразднение халифата, упразднение министерства шариата, закрытие медресе и текке, ношение головного убора... Мне не удалось найти способ включить эти вопросы в программу как можно раньше», – воспрепятствовали этому «отравлявшие народ» «невежественные люди и реакционеры», но «я был твердо убежден в том, что эти вопросы со временем смогут быть решены и народ будет удовлетворен».²⁰ «После Речи великого президента в марте 1927 г., – сообщается в официальной истории Турции, изданной в 1934 г., – пришло время выполнить его рекомендации... Народ хотел и ждал этого. На-

конец 10 апреля 1928 г. собралась группа от НРП... Изменения были приняты единогласно, вторая статья конституции формулировалась следующим образом: «Официальный язык Турецкого государства – турецкий, столица – Анкара.» Из статьи 26-й было изъято положение о том, что в функцию меджлиса входит, кроме многих перечисленных в ней функций, также и исполнение предписаний шариата.²¹

Действительность не позволяла властям откладывать дальнейшие меры секуляризации. Курд Саид-и Нурси, отбывавший в различных местах Восточной Анатолии наказание в виде ссылки за участие в восстании шейха Саида в 1925 г., начал проповедывать свое толкование ислама, согласно которому «единственным подлинным государством является шариатское государство, единственным законом – Коран». Власть, которая не отвечает этим требованиям, незаконна. «Жить, одеваться, действовать следует так, как предусматривает исламская религия. Равенство мужчины и женщины, служба женщины в официальных учреждениях, нахождение на улице без покрывала религией запрещается, это проступок. Новшества, привнесенные республикой, – это разрыв с верой». Как считает цитируемая нами энциклопедия, «нурджизм является самым влиятельным исламистским течением республиканского периода».²²

В декабре 1930 г. произошло крупное вооруженное выступление исламистов в Менемене (близ Измира). Открытый мятеж организовал и возглавил прибывший сюда бродячий проповедник дервиш Мехмед, призвавший верующих «спасти священную веру ислама и восстановить шариат». Была организована кровавая расправа над учителем начальной школы Кубилаем, призванным на военные сборы в Менемен в качестве офицера запаса. Пришельцы водрузили на городской площади зеленое исламское знамя, взятое из соседней мечети. Толпа из нескольких сотен местных жителей поддержала бунтовщиков. Хотя бунт был быстро подавлен, Мустафа Кемаль был возмущен этим событием, особенно когда узнал, что население Менемена приветствовало убийц молодого лейтенанта. Правительство ввело смертную казнь на обширной территории западной Анатолии и направило на место события военный трибунал. Кемаль был в бешенстве, он потребовал, чтобы Менемен был провозглашен «проклятым городом» и сравнен с землей, а его жители переселены, чтобы никакой пощады не

было в отношении религиозных фанатиков, даже женщин. По приговору суда было казнено 28 зачинщиков бунта.²³

Через несколько месяцев после этих событий, по итогам работы 17–18 мая 1931 г. третьего конгресса правящей НРП в ее программу был включен принцип светскости – как один из 6 фундаментальных принципов доктрины партии: республиканизм, национализм, народность, этатизм, светскость (laiklik), революционность.²⁴ 5 февраля 1937 г. правящая бессменно партия включила соответствующую поправку в статью 2 действующей тогда конституции 1924 г.: «Турецкое государство является республиканским, национальным, народным, этатистским, светским и реформистским». С того времени принцип лаицизма считается одним из основополагающих и неизменных основ конституционного права Турции.

Позже в принятом на конгрессе 1947 г. тексте программы НРП, еще сохранявшей тогда статус правящей, много места уделено было задачам и целям партии, как правительственной и как единственной правящей. Некоторые положения о характере государства, о функциях государственных органов напоминали положения конституции. Было, в частности, сказано: «Согласно нашей партии, основой Турецкого государства является национальная, народная, этатистская, светская и революционная республика». Каждое из этих свойств раскрыто подробно, в том числе и понятие светскости-лаицизма («ляиклик»): «Наша партия в качестве основы успеха во всестороннем развитии и подъеме нашей нации видит принятие и реализацию законов, положений и методов, отвечающих потребностям современной цивилизации, научным основам и мировым требованиям; сохранение (буквально «удерживание») религиозного мышления (din fikirlerinin) вне государственных и мировых дел и политики.»²⁵

После 1950 года, с началом многопартийности и при переходе НРП в оппозицию, в редакциях ее программы уже отсутствовали вышеуказанные «основополагающие» одновременно и партийные, и конституционные принципы; в то же время начало программы в статье 1-й перечисляло, а в последующих статьях подробно излагало все те же шесть стрел – республиканизм, национализм, народность, этатизм, светскость, революционность. Ст. 6-я – «светскость» была должным образом, с учетом времени, отредактирована: «Наша партия, придя к власти, берет за основу принятие и реализа-

цию законов, положений и методов, отвечающих потребностям современной цивилизации, научным основам и мировым требованиям; сохранение («удерживание») религии отдельно от государственных и мировых дел и политики. Поскольку свобода совести является естественным правом граждан, невозможно вмешательство в те религиозные верования и обряды, а также в богослужения, которые не противоречат общей морали и общественному порядку. Различия между религиями и верованиями не могут влиять на права граждан и их отношения.»²⁶ Еще более лаконичным был текст программы НРП, утвержденный на 23 съезде партии в 1976 г. Повторены и отредактированы все те же шесть принципов, причем принцип светскости изложен в такой формулировке: НРП – светская партия, «религия отделена от государственных дел. Государство не вмешивается в религиозные верования, однако обязано охранять свободу веры, которая считается священным и неприкосновенным правом человека. Оно также против религии как способа давления, принуждения к религиозности и религиозной вере... Партия видит обязанность государства в том, чтобы препятствовать эксплуатации веры во имя политической цели либо личного воздействия, либо для обеспечения экономических интересов, способствовать тому, чтобы религиозные либо духовные потребности каждого могли соответствовать общественному развитию» и т. д.²⁷

О приверженности лаицизму как неизменному конституционному принципу свидетельствуют программы и всех других, поныне существующих и ушедших в прошлое, партий периода республики, их предвыборные программы, заявления их лидеров. Влиятельный политик и государственный деятель, бывший президент страны С. Демирель в первом издании своей книги «Великая Турция» писал: «Турецкая Республика – светское государство. Такое государство не против верующих, не против религии. Светское государство преисполнено уважения и к религии, и к верующим, и то и другое являются фундаментальными правами»...²⁸ В программе Партии Отечества, созданной Тургутом Озалом и вопреки военной хунте пришедшей к власти в 1983 г., в статье 6 сказано: «Мы не оцениваем лаицизм как элемент ограничения в сохранении моральных ценностей, в применении свободы совести, веры и обрядов, развитии религиозной культуры». Первая происламская партия – Национального порядка, соз-

данная во главе с Н. Эрбаканом в январе 1970 г., в разделе «свобода совести» своей программы имела пункт: «Наша партия против того, чтобы лаицизм, определяемый как гарантия свободы религии и свободы совести, использовался в качестве средства давления на религию и неуважения к верующим».²⁹ Как очевидно, все это свидетельствовало о признании в партийных программах лаицизма как принципа, как конституционного императива, хотя такое признание и сопровождалось оговорками по поводу понимания каждой партией этого принципа. Что касается модификации самого конституционного права, то конституцию 1924 г. со всеми ее модификациями сменила конституция 1961 г., а военный переворот 1980 г. принес стране нынешнюю конституцию 1982 г. Принцип светскости был уточнен в конституции 1961 г. (Турецкое государство – «национальное, демократическое, светское и социально-правовое государство»), ее 19-я статья устанавливала: «Каждый имеет право на свободу совести, вероисповедания и религиозных убеждений. Богослужение, религиозные обряды и церемонии свободны, если они не противоречат общественному порядку, всеобщей морали и законам, принятым во имя указанных целей. Никто не может быть принужден к отправлению религиозных культов или участию в религиозных церемониях и обрядах, к проявлению своих религиозных верований; не может быть обвиненным или осужденным за свои религиозные убеждения».

Эти положения были вновь отредактированы в конституции 1982 г. (Турецкое государство – «демократическое, светское и социально-правовое государство»). Ст. 24-я гласит: «Каждый имеет право на свободу совести, вероисповедания и религиозных убеждений. Богослужение, религиозные обряды и церемонии должны проводиться свободно, при условии, что они не нарушают положения статьи 14. Никто не должен быть принужден к отправлению религиозных культов или участвовать в религиозных церемониях и обрядах, к проявлению своих религиозных верований и быть обвиненным или осужденным за свои религиозные убеждения. Воспитание и обучение религии и этике осуществляется под контролем и надзором государства. Обучение религиозной культуре и этике является обязательным предметом в учебных планах начальных и средних школ. Получение какого-либо другого религиозного воспитания и образования зависит от собственного

желания лица, а для несовершеннолетних – от требования их представителей.

Никому не позволено эксплуатировать или злоупотреблять религией или религиозными чувствами, а также вещами, признанными священными, для обеспечения личного или политического влияния, пусть даже частично; базирование основных устоев, социального, экономического, политического и правового строя государства на религиозных принципах».³⁰

Ныне краткое общепринятое толкование в Турции понятия светскость можно обнаружить в официальном толковом словаре турецкого языка: «Laiklik – лаицизм; разделение государственной и религиозной деятельности; принцип нейтральности государства при реализации свободы веры и свободы совести».³¹ Критика этого понятия светскости со стороны происламских кругов высказывается открыто, она не воспринимается судебными инстанциями как покушение на конституционный светский режим, по крайней мере в последние десятилетия. Во влиятельном турецком журнале «Тюркийе гюнлюгу» в 1997 г. критик светской реформы кемалистов проф. Ф.Байкан отвергал само понятие светскости, считая, что содержание этого термина, внесенного в 1937 г. в конституцию, нигде не приведено. В Европе он означал отделение церкви от государства, но в исламе такого института, как христианская церковь, нет. Нет института священников. Получается, что отделяется от государства не церковь, а религия...Положение о свободе религии и совести, представленное в статье 24 конституции, не содержит какого-либо упоминания термина «светский». «От этого термина следует срочно отказаться, он чужд турецкой культуре». Что касается статьи 24-й конституции, она, не прибегая к термину «светскость», запрещает религиозное государство. Это положение очевидно и достаточно. Тем более что религиозное государство (теократия) невозможно и согласно исламу. Религиозного государства нет в исламе».³² Ровно через десять лет тот же журнал опубликовал статью журналиста М. Акйола под заглавием «Государству нужен не умеренный ислам, а умеренный лаицизм». Автор статьи признает таким образом светский режим как данность, но считает, что он в нынешнее время должен быть умереннее: защитники традиционной, сложившейся (кемалистской?) светскости не учитывают двух новых обстоятельств – во-первых, «в Турции постепенно упрочилось осоз-

нение того, что ислам совместим с лаицизмом», во-вторых, «тенденция радикализации присуща не умеренному исламу», как в том уверяют «лаицисты», а «исламу, подвергающемуся давлению». Отсюда призыв автора – «умерить лаицизм».³³

* * *

Возвратившись к сегодняшним проблемам светскости в Турции, мы отмечаем, что приводимый выше в журнале призыв Мустафы Акйола в принципе совпадает с намерениями нынешней власти конституционно либо сменить «кемалистские» трактовки светскости на «демократические», более отвечающие потребностям гражданского (в их понимании) общества, либо, как минимум, их совместить. Все зависит от того, как общество будет готово участвовать в мирной «исламистской» перестройке через новую конституцию. К решению этой сложной задачи власть «умеренного ислама» привлекла известного в стране специалиста по проблемам лаицизма профессора Э. Озбудуна, предложив ему и его нескольким коллегам выработать первоначальный проект новой конституции для последующего его использования при подготовке окончательного для референдума проекта от имени ПСР. Эта работа была завершена, и в своих последних разъяснениях, в частности 1 ноября 2007 г. в Анкаре на симпозиуме «Гражданская Конституция» проф. Эргун Озбудун допустил возможность серьезных возражений против подготовленного его комиссией проекта:

(а) проект ослабляет принцип лаицизма, даже выхолащивает его суть; (б) проект преследует цели изъять из конституции принципы Ататюрка; (в) проект политизирует право, открыто ставит право под контроль политической власти; (г) с одной стороны, предусмотрено, что избрание президента осуществляется народом, однако, с другой стороны, его полномочия сужаются; (д) проект всеми своими изменениями свидетельствует о повороте назад, от плюралистической демократии к демократии большинства.

Тем не менее автор по каждому такому пункту подробно отметил, что в проекте нет ни одного свидетельства о противоречии главному принципу кемализма – «идеалу современной цивилизации и приверженности идеалам мирного развития» страны. Нет, в частности, речи о намерении ослабить принцип лаицизма. В то же время он высказал убеждение, что, например, нельзя лишать кого-либо права на высшее образование из-за

его одежды, что покрывать студентке голову или нет – это не имеет отношения к лаицизму, это проблема свободы выбора, прав человека. В том же ответе Озбудун приводит ссылки в тексте проекта на клятву депутатов и президента. В ней содержатся слова о «верности принципам Ататюрка и его реформам». Он подробно касается и проблемы «демократии большинства», признавая, что «так или иначе она означает неограниченную власть политической силы, находящейся у власти», и о важной роли сдерживающих институтов – Конституционного суда, организаций гражданского общества, адвокатуры и др.³⁴

В интервью, опубликованном в проправительственной газете «Ени шафак», Озбудун напомнил, что проект уже от имени ПСР не будет просто «спущен сверху», в его обсуждении примут участие представители гражданского общества. Что касается проекта, подготовленного его комиссией, представленной 6 учеными, он может и не совпасть с будущим проектом ПСР, «наша работа носит подготовительный характер», «политическим хозяином проекта будет ПСР... Не думаю, что по своим основным положениям текст, который представит ПСР, будет сильно отличаться от подготовленного нами проекта». Намекая на возможные возражения со стороны армии, он признал: «Нереально считать, что можно сейчас лишиться армии возможности воздействия на политику. Надо учитывать исторический опыт, особенности турецкой революции». По платку «мы предложили формулировку свободного выбора. Головной платок, тюрбан – это проблема не лаицизма, а проблема прав человека».

Любопытно выглядит попытка примирить кемализм с нынешним политическим развитием страны: «Мы не ставили задачу убрать из конституции Ататюрка. Однако если принципы и реформы Ататюрка представить как законы, возникнут серьезные проблемы. Например, этатизм сегодня как конституционное положение будет противоречить приватизации, свободному рынку. Принцип революционности в то время был, наверное, необходим. Однако при нормальной демократии перемены осуществляются не через революцию, а через эволюцию... Мы с уважением относимся к наследию Ататюрка, однако не считаем правильным нашу политическую жизнь зажимать в тиски... Думаю, что турецкий народ обладает достаточной политической зрелостью и спокойно воспримет эту конституцию». Озбудун особо отметил, что работа его комиссии «выполнена не по заказу, а в качестве предложений и без какой-либо оплаты»³⁵.

Здесь уместно отметить, что не дождавшись обещанного власти и проф. Э. Озбудуном «широкого и демократического» обсуждения в 2008 г. проекта конституции и, в частности, упомянутого положения о свободе выбора студентками университетов – накрывать голову или нет, сама высшая власть в лице главы государства А. Гюля назначила в декабре 2007 г. Кемалю Гюрюзу новым председателем Совета по высшему образованию, который отменил действующий запрет на использование в университетах головного платка. Власти и поддерживающие их СМИ утверждают, что конституционного положения о таком запрете не существует, есть лишь инструкция, поэтому сам запрет неконституционен.³⁶ В подкрепление этого тезиса власти пошли даже на принятие отдельного закона, подтверждающего свободный выбор женщины в отношении использования платка-тюрбана. ПСР без труда этого добилась, обладая подавляющим большинством голосов в меджлисе и имея поддержку Партии националистического движения, тем не менее дебаты приняли ожесточенный характер и длились 12 часов.³⁷ Комментируя новый закон, Т. Эрдоган на встрече с руководством местных организаций своей партии 13 февраля заявил: «Гарантом для всех – покрывают они голову или нет – является правительство ПСР. Все мы граждане столь цивилизованной страны, что любая провокация, любое подстрекательство будут обречены на неудачу».³⁸ Поддерживая меры правительства, официоз ПСР газета «Ени Шафак» писала, «что подлинные реакционеры те, кому не по душе свобода религии и совести, верховенство права, принятые всеми обществами глобального мира».³⁹

Оппозиционная печать писала о других «подлинных реакционерах» – произошло нападение с ножом в провинции Мерсин на двух девочек-школьниц по той причине, что у них короткие юбки; женщины немусульманки в Турции чувствуют себя неуютно: «Раньше вокруг себя мы не видели платков, сейчас же женщины постепенно покрывают голову...; говорят, что Турция модернизируется, но давление на немусульман возрастает»⁴⁰. В дни горячих споров по поводу принятия закона «о платке» журналист Фатих Чекирге опубликовал в газете «Хюрриет» большой репортаж о беседе с С. Демирелем. По мнению Демиреля, если власть ведет себя так, как будто она может делать все, что хочет, и решает вопросы путем демонстрации силы, ссылаясь на то, что «народ с нами, парламент с нами, и мы делаем то, что хотим», все другие группы «испытывают

обеспокоенность». «Есть довольные, но есть и те, кто спрашивает – куда мы идем?.. На 85 году существования Республики заявлять – «есть демократия, и я делаю, что хочу,» – это отказ от некоторых принципов, привнесенных революцией. Это будет контрреволюция. И совершенно неизвестно, где начинается контрреволюция и где она кончается, ибо требования религии не ограничиваются покрытой головой, завтра возникнут новые требования – головная повязка в начальной и средней школе...», и т.д.⁴¹ Некоторые газеты отмечают чрезвычайную жесткость полемики между Эрдоганом и руководством НРП, которая оказалась фактически единственной оппозиционной партией в меджлисе после того, как ПСР и ПНД совместно предложили названный законопроект о платке.⁴²

Уже в декабре 2007 г. газета «Заман» начала писать и о том, где и когда целесообразно не пользоваться платком. Так, по ее мнению, понятно желание верующей девушки подчеркнуть свое взросление и начать пользоваться тюрбаном, для женщины в возрасте более подходит платок. Причем такие решения определяются уже не канонами, а модой. Далее – самой женщине придется решать, есть ли нужда покрывать платок, если она работает в сфере услуг. «Таким образом, наше решение о том, какие ограничения применять при пользовании платком, будет определяться нашим умонастроением».⁴³ Любопытно, что подобные рассуждения в прессе стали вызывать обеспокоенность уже тех, кто не собирается на университетских занятиях и экзаменах покрывать голову, они ожидают возможного давления на них соседей и родственников, поскольку теперь за этим стоит сама верховная власть.

И все же окончательные решения о ношении платка или тюрбана могут основываться лишь на положениях конституции. В одном из заявлений Т. Эрдогана на заседании руководства ПСР 24–25 ноября 2007 г. было подчеркнуто: наступающий 2008 год станет в стране годом «скачка», причем средоточием принципов обновления общества и государства станет новая конституция. Нынешняя Конституция 1982 г. не может обеспечить переход страны в 21-й век – она тормозит развитие экономики, «слишком тесны ее одежды». Предстоит обсуждение «проекта Озбудуна» в парламентской комиссии ПСР, затем публично – организациями гражданского общества. И только после этого будет проведен соответствующий референдум.⁴⁴ Лидеры правящей партии убеждают, что это будет конституция

не Партии справедливости и развития, а всех тех, кто готов участвовать в ее обсуждении. Турецкая печать сообщает об активизации организаций «гражданского общества», создании массовой Конституционной платформы в ожидании референдума по новой конституции.⁴⁵ Прошедшие весной 2007 г. в крупнейших городах страны многотысячные митинги в защиту светскости – напоминание о том, что турецкое общество состоит не только из электората ПСР.

Однако радикальный исламизм и национализм в стране обходятся без митингов, прибегая к убийствам и покушениям, расследование которых затягивается на годы. Визит папы Бенедикта XVI в Турцию в декабре 2006 г. по приглашению прежнего президента Сезера и Европа, и власти Турции оценили как удачный, но по показанным телекадрам «Евроньюс» это не было очевидно. Некоторые граждане на улицах Стамбула, редкие теперь для Турции не мусульмане, не спешили повествовать о толерантности режима в стране. Как сообщала радиостанция «Свобода», во встречах с папой участвовал также патриарх Константинопольский Варфоломей. Корреспондент «Свободы» отмечал по этому поводу, что «патриархия неоднократно подвергалась нападкам националистов, которые пытались сорвать службу, жгли изображения священников, закидывали самодельными бомбами православные соборы». У здания патриархии группы манифестантов провели акции протеста, около 100 представителей националистических организаций требовали запретить в Турции деятельность Константинопольской патриархии.⁴⁶ В то же время «в знак уважения к мусульманам мира папа римский посетил Голубую мечеть, памятник мусульманской культуры. Бенедикт XVI встретился с духовным лидером армянской общины и раввином Стамбула».

В январе 2007 г. произошло убийство армянского журналиста Гранта Динка, гражданина Турции. На допросе семнадцатилетний Огюн Семест сознался в этом убийстве: «Я знал, что меня поймут. Видел камеры наружного наблюдения. Я не состою ни в какой организации. Просто давно хотел его убить за все то, что он говорил про нашу страну». Во время похорон многие участники траурной процессии, которая растянулась на восемь километров, несли в руках транспарант черного цвета «Мы все Гранты Динки». Позже, уже в начале 2008 г. сообщалось, что подозреваемому в убийстве в действительности уже 19 лет и ему может грозить тюремное заключение до 24 лет.⁴⁷

За этим убийством последовало позже и другое – в г. Малатья, также на религиозно-этнической почве. Под заголовком «Религиозная дикость» газета «Джумхуриет» писала в апреле 2007 г.: «Пять человек напали на типографию «Зирве», печатающую книги по христианству и постоянно получающую угрозы от националистов-религиозников.» Трое сотрудников, протестантов по вере, – Тилнман Гешке, подданный Германии, а также турки Неджати Айдын и Угур Юксель получили ножевые ранения и были привязаны к сиденьям, затем им перерезали горло». Полиция задержала четырех подозреваемых, все они готовились к поступлению в университет. Ранее типография подвергалась обыску полиции ввиду того, что она «занимается изданием запрещенной литературы». Было изъято большое количество экземпляров Евангелия... Агентство Рейтер высказало мнение, что «некоторые турецкие националисты рассматривают миссионеров-христиан как врагов». Журналист Хасан Джемаль, комментируя расправу в Малатье, напоминает и о прежних убийствах. «Мы не можем сделать так, чтобы в нашем обществе, нашем государстве стали постоянными, начиная с семьи, со школы, современное образование и система обучения, демократический правовой порядок, права человека, азбучные демократические истины. Многое становится болтовней.» «Всевозможный фанатизм легко становится знаменем». «Тот, кто думает иначе, чем ты, – враг религии, предатель родины; мы готовим поколения, лишённые доброты, приветливости и терпения...Если к этому прибавить недостатки в полиции, силах безопасности, дело убийц облегчается».⁴⁸

Свой пример «обновления светскости» – мирно, без резни, демонстрируют некоторые власти на местах, вызывая соответствующую реакцию военных. 27 апреля 2007 г. в интернете на сайте Генштаба Турции появилось сообщение для печати, в котором отмечался в последнее время «рост активности некоторых кругов в их упорном и постоянном стремлении подорвать фундаментальные ценности государства, прежде всего светскость». В качестве альтернативы национальным праздникам, символизирующим независимость государства и единство нации, проводились другие празднества, причем «эксплуатируются святыне религиозные чувства нашего народа, а подлинные цели маскируются под религиозные...» Например, в одном из районов Анкары 23 апреля в день праздника Национальной независимости и Праздника детей был организован конкурс на

лучшего чтеца Корана. 22 апреля в некоторых городах в неуточное время, «когда детям следует быть в постели», их нарядили в «неподобающие возрасту одежды и предложили исполнить религиозные песнопения», попытавшись при этом снять портреты Ататюрка и убрать турецкие флаги. Приведены случаи распоряжений по линии министерства просвещения об организации в школах, особенно провинциальных, ряда религиозных церемоний и празднований.⁴⁹

В сложившейся ситуации властным структурам, партиям, военным кругам, да и организациям гражданского общества, даже таким влиятельным, как Союз торговых и промышленных палат страны, потребуется много усилий и средств для того, чтобы принятие важнейшего правового документа страны прошло успешно и демократично, в условиях взаимных уступок и разумных компромиссов. Влиятельный турецкий обозреватель М.А. Биранд, давно известный своей осторожностью в оценках, опубликовал в декабре 2007 г. в нескольких газетах статью «Мы заново открываем Турцию». Он вспоминает прошлое, время, когда живы были его дед и бабушка, когда «на бородатых приверженцев веры смотрели с подозрением», а его мать, как и многие городские женщины, не носила платка. Жителей провинции горожане видели редко. Заслуга ПСР в том, что «она показала Турцию, которую мы не желали замечать». Это пытался сделать Эрбакан, но «способ и время были выбраны неудачно». В период ПСР появилась и ранее существовавшая, но не слишком способная показать себя религиозная часть Турции. Этому способствовал и рост благосостояния в стране; сообщество верующих, «прежде наблюдаемое лишь при мечетях, стали замечать уже и в отелях, в торговых центрах, организовав свои пляжи, они стали купаться в море». «В сущности, именно они привели к власти ПСР – и потому еще, что другие традиционные партии не сумели удовлетворить их ожидания...Иными словами, ПСР примирила государство с религиозной частью общества...Все эти перемены не следует считать «опасными», надо положительно оценивать процесс. Достаточно, чтобы возрождение религии не означало – «прибрать к рукам» государство и управление страной, разрушить светский парламентский режим, который считается неотделимой частью демократии. Есть ли такая опасность? В данный момент, как представляется, нет, однако признаки, порождающие беспокойство и тревогу, растут».⁵⁰

Наступивший 2008 год покажет, насколько эффективным инструментом примирения окажется предлагаемый умеренными исламистами главный закон государства – новая конституция Турецкой Республики. Турецкое общество давно нуждается в примирении, на этот раз в роли «примирителей» оказалась исламистская ПСР. Однако мало кто уверен, что такое примирение произойдет в 2008 году. Более того, Т. Туренч, обозреватель влиятельной и безусловно светской газеты «Хюрриет» считает, что вновь страна будет занята все теми же проблемами – этого не избежать, поскольку ПСР намерена твердо исполнять намеченные планы по реорганизации общества с помощью новой конституции. В доказательство этого он приводит слова одного депутата ВНСТ, бывшего советника Эрдогана: «Пришло время предоставить больше места исламу среди фундаментальных основ Республики».⁵¹

¹ www.akparti.org.tr/program

² Güngör, Nasuhi. Yenilikçi Hareket. Yeni Dünya Düzeni ekseninde bir değerlendirme. Ankara, Elips Kitap, 2005, с.39, 88–90.

³ Пример краткого современного толкования джихада представлен в турецкой энциклопедии ислама: первостепенным назван экономический джихад, затем культурный и последним – военный. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara – İstanbul, 1988–2003. Cilt 7 İstanbul, 1993, с. 533.

⁴ www.akparti.org.tr/ АК Parti Kurum Kimliği Kılavuzu.

⁵ Cumhuriyet, 27.03.1998.

⁶ В толковом турецком словаре тюрбан (türban) – это полоса ткани, крепко завязанная на голове; баш-ортю (başörtü, baş örtüsü) – женская накидка, косынка, прикрывающая волосы.

⁷ Sabah, 21.09.2007. Это касалось вузов, других «запретных» для платка мест, очевидно, не было. Недавний (до августа 2007 г.) предшественник А. Гюля на президентском посту Кенан Эврен считает, что в законах нет запрета посещать президентскую резиденцию (район Чанкая в столице) женщинам с покрытой головой. Просто до сего времени, т.е. до утверждения Гюля на посту президента 28 августа 2007 г. ни один из его предшественников, начиная с Кемаля Ататюрка, не имел жену, покрывающую платком голову. Milliyet, 19.04.2007.

⁸ Milliyet, 4.12.2007; Yeni Şafak, 7.12.2007.

⁹ <http://www.fp.org.tr/>

¹⁰ Zaman, 7.12.2007.

¹¹ Özbudun E. 1921 Anayasası. Ankara, 1992, с. 82.

¹² Belen, Fahri. Türk kurtuluş Savaşı. Ankara, 1983. с. 143–144.

¹³ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.-Л. 1948, с. 111; Türk Anayasa metinleri. 1939–1980. 2. baskı. Ankara, 1982, с. 93–96.

¹⁴ Türk Anayasa metinleri. 1939–1980. 2. baskı. Ankara, 1982, с. 99–100.

¹⁵ Bulut, Faik. Tarikat sermayesinin yükselişi. Ankara, 1995, с. 364.

¹⁶ Турция между Европой и Азией. М., 2001, с. 5.

¹⁷ Там же, с. 11.

¹⁸ Karal, Enver Ziya. Türkiye Cumhuriyeti tarihi (1918–1960). İstanbul, 1968, с. 142–144.

¹⁹ Son değişiklikleriyle Türk Medeni Kanunu ve Borçlar Kanunu. İstanbul, 1980, с. 6.

²⁰ Atatürk, Kemal. Nutuk. Cilt II. 1920–1927. Altıncı baskı. İstanbul, Milli Eğitim, 1963, с. 718.

²¹ Tarih IV. Türkiye Cumhuriyeti. İstanbul, 1934, с. 215, 216; Kocatürk Utkan. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti tarihi kronolojisi. Ankara. 1983, с. 476.

²² Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Cilt 9. İstanbul, 1983, с. 4864.

²³ Подробнее: Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М., 2007, с. 169, 170.

²⁴ Tunaya, Tarık Zafer. Türkiye’ de siyasi partiler. 1859–1952. İstanbul, 1952, с. 570.

²⁵ Там же, с. 586.

²⁶ CHP’nin El kitabı. İstanbul, 1958, с. 21.

²⁷ Cumhuriyet Halk Partisi Programı. 1976, с. 16.

²⁸ Demirel, Süleyman. Büyük Türkiye. İstanbul, Dergah yayımları, 1975, с. 96, 125–133.

²⁹ Parti Programları. Birinci kitap – Birinci cilt. İstanbul, 1970, с. 399.

³⁰ Конституция Турецкой Республики. Ankara, TİKA, 2004, с. 150.

³¹ Приводится цитата: ‘Türkiye Cumhuriyeti, laikliği umdeleri arasında koymakla, dini, tecavüzden, istismardan, menfaate, şerre alet etmekten kurtardı’. O.S. Orhon. («Турецкая Республика, определив светскость одним из своих основных принципов, спасла религию от ее искажений, эксплуатации, использования в качестве орудия корысти, безнравственности»). Laik (светский) – «тот, кто не смешивает религиозные дела с государственными делами, кто государственные дела держит (воспринимает) отдельно от религиозных». Türkçe Sözlük. Ankara, Türk Dil Kurumu, 1998, с. 1449. (В русско-французских словарях laïcisme переводится как «движение за светский характер» (напр., образования); laïcisation – секуляризация.

³² Türkiye Günlüğü. Ankara, 1997, No 46, с. 22–23, 27.

³³ Türkiye Günlüğü. Ankara, 2007, No 89, с. 57, 59.

³⁴ Zaman, 7.12.2007.

- ³⁵ Yeni Şafak, 11.01. 2008, 19.11.2007.
³⁶ Yeni Şafak, 03.01. 2008.
³⁷ Известия, 11.02 2008.
³⁸ İl Başkanları Toplantısı 13 Şubat 2008. www.akparti.org.tr/
³⁹ Yeni Şafak, 14.02.2008 («Çağdaş gericiiler» ve başörtüsü).
⁴⁰ Milliyet, 14 02 2008.
⁴¹ Hürriyet, 14 02.2008.
⁴² Milliyet, 14 02.2008.
⁴³ Zaman, 22.12.2007.
⁴⁴ www.akparti.org.tr/haber
⁴⁵ Radikal, 13.12.2007.
⁴⁶ Позже патриарх Бартоломей признавал, что «для религиозных меньшинств Турция стала опасной страной». Milliyet, 20.12.2007.
⁴⁷ Свобода, 30.04.2007; Radikal, 06.01.2008.
⁴⁸ Milliyet, 19.04.2007.
⁴⁹ Milliyet, 19.04.2007.
⁵⁰ Milliyet, 7.12. 2007
⁵¹ Hürriyet, 02.02.2008.

Б.М.Поцхверия

ЛАИЦИЗМ В ТУРЕЦКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Лаицизм – прежде всего отличие рационалистичного мышления от религиозного. В политической области это выражается в разделении сфер государства и религии, невмешательстве в дела друг друга¹.

Турецкие авторы следующим образом определяют основные черты лаицизма:

- граждане обладают свободой религии и совести, свободой богослужения;
- лаицистское государство обеспечивает и охраняет эту свободу граждан;
- верование – внутренний мир человека;
- вместе с тем богослужение, религиозные обряды и торжества могут быть ограничены государством с точки зрения общественного порядка и нравственных устоев.

Лидер национально-освободительной борьбы и основатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль (в 1934 г. ему была присвоена фамилия Ататюрк – отец турок) относился с уважением к истинно религиозным чувствам и к тем, кто исповедует ислам, к религиозным институтам. При этом «осью турецкой революции был лаицизм»².

В лаицистском государстве осуществление его политики определяется не религиозными принципами, а умом, логикой, необходимостью и реалиями жизни³.

В Турции лаицизм со времени провозглашения Республики осуществлялся в разделении религиозных и государственных дел, в недопущении вмешательства религии в государственное управление. Лаицизму противоречит эксплуатация и злоупотребление религией и религиозными чувствами с целью политических или личных интересов, а также с целью создания на основе религиозных правил государственного строя.

Эти принципы находили отражение в конституциях. Причем более обстоятельное изложение было в Конституциях 1961 и 1982 гг.⁴.

Лаицизация Турции, основы ее суверенитета были в сущности провозглашены во время войны за независимость, Эрзурумским (23 июля – 5 августа 1919 г.) и Сивасским (4–11 сентября 1919 г.) конгрессами, на которых принимались решения с целью установления господства «национальной воли» и «национального суверенитета»⁵.

Для осуществления лаицизации Турции требовалось обеспечение понимания в народе необходимости отделения церкви от светских дел. Однако глубоко религиозный, к тому же преимущественно неграмотный народ не воспринимал этого⁶. Весьма важной проблемой было поэтому воспитание, светское обучение молодого поколения.

В лаицистском государстве просвещение и образование не могут регулироваться религиозными канонами⁷. Еще во время национально-освободительной войны Мустафа Кемаль, определяя самые важные послевоенные проблемы, относил к ним национальное просвещение. Характерно, что он участвовал 16 июля 1921 г. в Конгрессе по национальному просвещению, несмотря на весьма тяжелое положение на фронтах. Кемаль прибыл на Конгресс и, открывая его, выступил с речью, говоря о национальном современном образовании и отмечая чрезвычайную важность просвещения в жизни народа⁸. Мустафа Кемаль привлек внимание к необходимости ликвидировать разделение общества по уровню образования и культуры. Он и ранее, и позже подчеркивал: образование и просвещение – важный фактор в развитии нации, воспитание нового поколения необходимо для защиты Республики. Им же были определены основные принципы создания новой системы турецкого национального просвещения, в их числе: ликвидация невежества, лаицизм, опора на знания. Все перемены и реформы светского характера были естественны и необходимы⁹.

Турецкое республиканское руководство не допускало взаимопроникновения религиозного и светского образования, которые воспитывали людей с разными умонастроениями. Мустафа Кемаль хотел перехода всей нации на лаицистское воспитание, опирающееся на научное мышление, то есть «мышление, очищенное от религиозных мифов»¹⁰. 22 сентября 1924 г. в беседе с учителями в Самсуне он говорил: «В мире для любого дела, для цивилизации, для жизни, для успеха самый истинный вождь – наука и искусство»¹¹.

В истории Республики Турции лаицизм всегда был одним из постоянных определяющих факторов. В 1927 г. Мустафа Кемаль в «Речи» – воспоминаниях о борьбе турецкого народа за независимость и о создании республики упомянул принцип лаицизма. В апреле 1928 г. Великое национальное собрание Турции (ВНСТ, парламент) приняло ряд поправок в Закон об основах Организации (конституцию) 1924 г., основной целью которых было внедрение лаицизма.

В принятой в 1931 г. программе правящей Народно-республиканской партии (НРП) в качестве основы развития Турции были изложены 6 принципов: республиканизм, национализм, народность, этатизм, *лаицизм*, революционность. В программе НРП лаицизм определялся следующим образом: «Это термин, употребляющийся в смысле отделения веры от мирских дел, религии от государства. Было бы ошибочным понимать это в смысле атеизма. В период нашей революции, давшей победу принципам лаицизма, последний составляет особую и важнейшую тему. ... Партия в области государственного управления приняла в качестве основы создание всех законов и положений в соответствии с принципами и формами, обеспеченными современной цивилизацией, знанием и наукой, светскими и мирскими нуждами. Религиозные представления – дело совести, а посему основным фактором в современном прогрессе нашей нации партия считает отделение религиозных идей от государственных и светских дел от политики»¹².

В феврале 1937 г. во вторую статью Конституции 1924 г. было внесено дополнение – были включены 6 упомянутых принципов, в результате чего были заложены основные черты государства, как отмечают турецкие историки¹³.

После военного переворота 1960 г. была принята Конституция 1961 г. В ней также подчеркивался лаицистский характер государства. В главе 2 говорилось: «Турецкая Республика – националистическое, демократическое, *светское* и социальное государство».

12 сентября 1980 г. произошел военный переворот. Под наблюдением военных образованным ими Консультативным меджлисом была разработана ныне действующая Конституция Турции, принятая на референдуме 7 ноября 1982 г.

В ее преамбуле говорится, что «никакие взгляды и соображения, в том числе верования, не могут противопоставляться турецким национальным интересам, ... принцип лаицизма

не может допускать вмешательства священных религиозных чувств в государственные дела и политику»¹⁴.

Вместе с тем в изданном у нас переводе Конституции 1982 г. (в книге «Турецкая Республика (справочник)») допущена серьезная ошибка. Термин *lâiklik* (лаицизм) переведен как национализм (по-турецки – *milliyetçilik*)¹⁵. Таким образом, искажены кемалистский принцип конституционного строительства и основа политики Республики.

В нынешней (1982 г.) Конституции запрещается использование религии в целях изменения государственного строя страны, запрещается *антилаицистская*, антигосударственная деятельность.

Подобные ограничения были и в предыдущей Конституции.

Гарантом лаицистского характера государства всегда была армия. Она жестко вмешивалась в дела страны, особенно в мае 1960 г., в марте 1971 г., в сентябре 1980 г., в целях сохранения в политике Турции опоры на лаицизм.

В действующей ныне Конституции 1982 г. предусмотрен запрет на изменение, на предложения об изменении первых трех статей Конституции, в которых говорится, что «Турецкая Республика является демократическим, *лаицистским* и социально-правовым государством, ... исповедующим принципы Ата-тюрка», и указывается, что турецкое государство, страна, нация – единое целое. Эти принципы были и в предыдущих Конституциях.

Ныне можно сказать, что традиционно лаицизм признается как определяющий элемент в политике Турции.

Важность политики лаицизма, лежащей в основе государственного строя Турции – стратегического союзника США по НАТО, отмечалась и в американском Конгрессе государственным секретарем Мадлен Олбрайт.

В 2002 г. на парламентских выборах в Турции к власти пришли умеренные исламисты – Партия справедливости и развития (ПСР). В программе правительства говорилось о том, что будет разработана новая конституция страны. В 2007 г. на парламентских выборах вновь одержала победу ПСР. В стране развернулась дискуссия о будущей конституции, об ее основных принципах, процедуре ее принятия.

Одновременно в заявлениях турецких лидеров и в печати отмечалась важность сохранения принципа лаицизма наряду с некоторыми другими основными принципами.

Президент Абдуллах Гюль в сентябре 2007 г. оценил лаицизм в качестве одного из основных принципов, «образующих социальный мир... демократию и правовое государство»¹⁶. Через короткое время Абдуллах Гюль отмечал, что лаицизм «многие годы обеспечивает возможности для народа, и это является гарантией для лаицистского устройства страны»¹⁷.

В деловом мире лаицизм определяется как важный фактор развития страны. Гюлер Сабанджи, глава Холдинга Сабанджи, сказала в интервью: «Мы – продукция 83-летней Республики, в ней заложен лаицизм, я полагаюсь на Республику»¹⁸.

Премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган во время пребывания в США в сентябре 2007 г. заявил, что Турция – страна, придающая значение лаицизму, и добавил, что для страны значимы капиталовложения в экономику с помощью американского делового мира¹⁹.

На Западе понимали позицию турецких руководителей в отношении лаицизма, а власти в Турции готовили конституцию, соответствующую их представлениям об умеренном исламе, но с сохранением принципа лаицизма.

Среди критиков нынешней Конституции (1982 г.) было недовольство даже тем, что она была написана на «испорченном» языке²⁰.

Об основных положениях будущей Конституции Турции говорилось в предвыборном заявлении ПСР в связи с парламентскими выборами 22 июля 2007 г. Заявление представил в главном Центре партии ее Генеральный председатель и премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган. Он сказал, что в новой конституции будут следующие основные положения: Турция – «демократическое, *светское* и социально-правовое государство». В новой Конституции, – говорится в заявлении, – должны быть положения, не меняющие характер Республики, такие, как право и свобода, гарантирующие осуществление стандартов, определяемых Всеобщей декларацией прав человека и Европейской конвенцией о защите прав и основных свобод человека.

В представленном Эрдоганом заявлении также сообщалось, что с целью демократизации политической жизни будут проведены необходимые изменения во всех законах, начиная с Конституции.

В заключении многостраничного Заявления ПСР подчеркиваются основные черты государства:

«Турецкая Республика – демократическое, лаицистское, социально-правовое государство. Сущность его политики – од-

на нация, одно знамя, одна родина, одно государство. ПСР – гарант и Республики, и демократии, и лаицизма»²¹.

В Турции отмечали, что у ПСР есть проект Конституции, который она сама создала. Лидеры ПСР обещали, что после включения добавлений от гражданских и общественных организаций проекту придадут окончательный вид. Но в стране возник вопрос, почему Конституция 12 сентября (принятая 7 ноября 1982 г. и действующая ныне) обновляется? В нее было внесено много изменений, в том числе свидетельствующих о принятии требований Европейского Союза.

Но надо ли создавать новую Конституцию? Приводился пример с Конституцией США. «В нее вносилось немало поправок, но она не менялась 220 лет»²². А ПСР, как только пришла к власти в 2002 г., сразу же заявила о том, что будет создана новая Конституция. Однако в оппозиционных кругах считали, что для этого сначала должен быть создан Учредительный меджлис (учредительный парламент).

Это предложение основано на примерах подготовки конституций после военных переворотов 27 мая 1960 и 12 сентября 1980 гг. В 1960 г. составленная из научных работников комиссия подготовила проект конституции и 17 ноября передала его Комитету национального единства (КНЕ). Далее был принят закон о создании Учредительного собрания, в которое вошли члены КНЕ, представители оппозиционных партий в Меджлисе (парламенте), адвокатских обществ, печати, торговых палат, профсоюзов, университетов, молодежных организаций – всего 272 члена собрания. 9 июля 1961 г. после обсуждения в Учредительном собрании Конституция была принята на референдуме²³. После военного переворота 1980 г. созданная для подготовки проекта конституции комиссия представила проект в Консультативный меджлис, составленный из представителей илов (провинций) и членов Совета национальной безопасности (СНБ). После обсуждения проекта в Консультативном меджлисе он был вынесен на всенародное голосование, с которым было совмещено избрание президента Турции. 7 ноября 1982 г. нынешняя Конституция была принята, президентом страны стал Кенан Эврен, до этого начальник Генерального штаба, председатель СНБ²⁴.

В стране среди академических и вузовских кругов, представителей высшей бюрократии наблюдалось недовольство политикой ПСР, бравшей в свои руки все области жизни общества, в том числе связанные с просвещением и высшим обра-

зованием. Они видели в этом угрозу, которая может быть заложена и в проекте новой Конституции.

С предостережением относительно разработки правительством Турции новой Конституции выступила Конфедерация профсоюзов работодателей Турции. Она пришла к выводу: «Ныне не время для новой Конституции». В заявлении Конфедерации отмечается «взлет напряженности» в стране связан с замедлением экономического роста и нарастающими трудностями в социальной сфере, подчеркивается, что сила и энергия правительства должны быть направлены на решение таких проблем, как безработица, занятость, рост производства, капиталовложения, воспитание молодежи, здравоохранение, социальные гарантии.

Работодатели не хотят споров. Они хотят снятия с повестки дня деятельности ПСР по подготовке новой Конституции. Они считают, что «создание новой конституции неправильно с точки зрения методики и несвоевременно». В заявлении Конфедерации в адрес правительства и общественности говорится: «По вопросу об изменении Конституции необходимо обеспечение диалогов и взаимопонимания». А что касается «философского аспекта», то имеются «принципы и реформы Ататюрка». Не следует забывать, что Конституции не ограничиваются жизнью одной власти – это «документ, определяющий будущее страны»²⁵.

Декан факультета политических наук Анкарского университета Джелял Гёле на праздновании 148-й годовщины факультета сказал в связи с инициативой ПСР по изменению конституции: «Я хочу подчеркнуть, что я несомненно против изменений конституции, направленных на упразднение Республики Ататюрка, основополагающих принципов республики, прямо или косвенно, путем некоторых положений, которые будут включены. Среди чиновников, которые отождествляют себя с нашей Конституцией, невозможно принятие инициатив, направленных на упразднение республики Ататюрка»²⁶.

Комитет ректоров университетов, собравшийся на чрезвычайное заседание в сентябре 2007 г., заявил, что с работой по изменению Конституции не следует торопиться, а деятельностью в отношении Конституции, проводимой только по инициативе правящей партии, процесс демократии «омрачается». Председатель Совета по высшему образованию (СВО) Эрдоган Тезич подчеркнул, что в действующую Конституцию до сих пор вносилось много изменений. Тезич напомнил о том, что статьи нынешней Конституции могут быть изменены, за исклю-

чением первых четырех, что зафиксировано в самой Конституции. Он сказал о многочисленных осуществленных реформах, о понимании лаицизма. Ректоры обратили внимание на противопоставления относительно изменения Конституции, которое будет осуществлено только по инициативе власти, и обратились к ПСР с призывом: «Сделайте перерыв».

Тезич зачитал заявление ректоров и представителей некоторых ректоров. В нем указывалось, что в нынешнюю Конституцию внесено много изменений, что ВНСТ может изменять Конституцию, но первые 4 статьи неизменяемы²⁷. Вскоре после этого Тезич был освобожден, а среди ректоров продолжены начавшиеся ранее замены.

Весьма важно и показательное решение Кассационного суда, связанное с подготовкой Советом Министров новой Конституции. После почти 5-часового заседания Кассационный суд выступил со следующим заявлением:

– категорически неприемлемо в проекте Конституции прямое или косвенное ослабление принципа лаицизма, создающего фундаментальную основу Республики, отказ от которой невозможен, лаицизма, рамки которого определены решениями Высшего суда;

– если даже представляется, что защищаются положения о том, что Конституция не может быть изменена и не может быть внесено предложение об ее изменении, то также недопустимо ослабление фундаментальных принципов Республики путем изменений, которые могут быть введены в других статьях Конституции²⁸.

Во время предвыборной кампании в связи с выборами парламента в 2007 г. лаицизм нередко упоминался в выступлениях лидера правящей ПСР и премьер-министра Тайипа Эрдогана на многочисленных митингах. В Эрзуруме Эрдоган обращался к митингующим как к верующим «в лаицистскую республику, ... в социальное государство». В Сивасе вспоминалось известное Обращение Ататюрка к молодежи. В связи с этим обращалось внимание на то, что молодежь будет проводником принципов, которые определены в Конституции (демократия, лаицизм, социальное государство)²⁹.

Обращаясь перед парламентскими выборами ко всему миру, Эрдоган подчеркивал, что в Турции все являются «сторонниками демократии, лаицизма социально-правового государства»³⁰.

Во время избирательной кампании 2007 г. неоднократно повторялся тезис: «Одна нация, один флаг, одна родина, одно государство». Этот тезис направлен и против претензий курдов, выдвинувших идею государства двух наций в связи с разработкой проекта Конституции.

Во время упомянутой предвыборной кампании выявились и возможные особенности будущей Конституции и процедуры ее принятия. ПСР полагала, что основной чертой Конституции должно быть взаимопонимание в обществе. Она декларировала, что отношения между государством, обществом и отдельными гражданами должны быть фактором общественного согласия, созданного «на базе права, свободы и ответственности». В Конституции должны быть отражены основные особенности Турции – «демократия, *лаицизм* и социально-правовое государство»³¹. ПСР заявляла, что новая Конституция должна готовиться с широким участием общественности, о чем было немало дискуссий в прессе, что отмечено ранее. Однако в 2007 г. до участия общественности дело не дошло.

После парламентских выборов 2007 г. турецкое руководство пошло в феврале 2008 на отмену введенного в 1925 г. запрета на ношение женщинами тюрбанов, чему предшествовала, особенно широко в прессе, длительная дискуссия между противниками и сторонниками отмены.

В Анкаре были протесты против этого решения.

Республика Турция – страна умеренного ислама, традиционно лаицистская. Важным фактором, приводившим дважды к власти ПСР, является тяжелое экономическое положение страны. Сыграли роль бедность и высокая инфляция. В такой обстановке большое внимание уделялось пропаганде ПСР мусульманских традиций – семьи, мусульманской нравственности, что привлекало избирателей. ПСР обращает большое внимание на развитие возможностей религиозных институтов.

После прихода ПСР к власти государственный бюджет Министерства по делам религии вырос в 2007 г. по сравнению с 2003 г. в 3,5 раза³². Даже с учетом инфляции рост заметный. Во время выборов ПСР использовала вместе с тем привлекательность перспективы улучшения экономического положения в стране с помощью США и Европы. Турция – страна с глубокими лаицистскими корнями, что считается благоприятным фактором в ее весьма сложных переговорах с Европейским Союзом с целью вступления в эту организацию.

Гарантом лаицизма, как и других основных, принятых еще при Кемале Ататюрке принципов турецкой государственности, является турецкая армия.

Предупреждением режиму ПСР можно считать обширный анализ предпосылок и хода военного переворота 12 сентября 1980 г., опубликованный во влиятельной газете «Джумхуриет»³³. Взяв власть в руки в 1980 г., военные произвели аресты, взяли под стражу как крайне левых, так и крайне правых, в том числе клерикальных деятелей. Были увеличены наказания за пропаганду раскола нации, тоталитаризма и нарушение лаицистских принципов Республики.

И ныне, после прихода к власти ПСР, армейское командование делало заявления о необходимости сохранения в политике и в Конституции принципов, которые были упомянуты ранее. В мае 2003 г. начальник Генерального штаба Турции генерал Хильми Ёзкёк заявил, что правительство привлекает на ответственные посты исламистов, и предупредил, что возможно вмешательство военных, защитников *лаицистских* принципов³⁴.

В марте 2004 г. второй начальник Генерального штаба Турции, генерал армии Илькер Башбуг, находясь в США сказал, что Турция – «*лаицистское*, демократическое, социальное и правовое государство, как оно характеризуется во 2-й главе Конституции. Лаицистское государство и государство умеренного ислама не могут существовать одновременно. Какой была создана Турция, такой она и будет»³⁵. Это прозвучало как предупреждение и совет властям неукоснительно сохранять принципы лаицизма.

¹ Türkiye Cumhuriyeti Tarihi. II. Ankara, 2004, с. 291.

² Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. I–III. Ankara, 1989. III, с. 93, 175.

³ Atatürkçü Düşünce. 1992, с. 107.

⁴ Ислам на современном Востоке. М., 2004, с. 56–70; Современная Турция: проблемы и решения. М., 2006, с. 44–58.

⁵ Atatürkçü... с. 129.

⁶ Там же, с. 677.

⁷ Там же, с. 167.

⁸ Atatürk'ün... II, с. 19–21.

⁹ Там же... с. 249.

¹⁰ Atatürkçü..., с. 176.

¹¹ Atatürk'ün... II, с. 202.

¹² Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. 1919–1927. Т. IV. М., 1934, с. 330.

¹³ Türkiye Cumhuriyeti... II, с. 89.

¹⁴ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. Istanbul, 1982, с. 4.

¹⁵ Турецкая Республика. Справочник/Отв. ред. Киреев Н.Г., М., 1990, с. 295.

¹⁶ Cumhuriyet, 20 Eylül, 2007.

¹⁷ Hürriyet, 24 Eylül, 2007.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Vatan, 26 Eylül 2007.

²⁰ Переход на «истинно» турецкий язык осуществлялся ранее, но не дал положительного результата. 14 ноября 1944 г. премьер-министр Сарачоглу внес в ВНСТ предложение о переложении Конституции на «истинную» – старую лексику (türkçeleştirilme). 31 декабря был внесен проект закона (Gotthard Jachscke. Türkiye Kronolojisi (1938–1945). Ankara, 1990, с. 112–113). В 1945 г. Конституция была переписана с учетом внедрявшейся в стране старой лексики, но в 1952 г. был восстановлен текст 1924 г.

²¹ <http://turkiye2023.wordpress.com/2007/06/24/ak-parti-secim-beyannamesini-acikladi-hedefimiz.2023>.

²² m.asik@milliyet.com.tr.(9.12.2007)

²³ Türkiye Cumhuriyeti.. II, с. 576.

²⁴ Там же... с. 631.

²⁵ Cumhuriyet, 21 Eylül, 2007.

²⁶ Milliyet, 6 Aralık, 2007.

²⁷ Cumhuriyet, 20 Eylül, 2007.

²⁸ Vakit, 29 Eylül, 2007.

²⁹ Türkiye Bülteni. S. 49. Haziran 2007, с. 34.

³⁰ Türkiye Bülteni. S. 50. Temmuz 2007, с. 2.

³¹ Там же, с. 7.

³² «ali dag»<eskitufek61@yahoo com>

³³ Cumhuriyet, 20.09.2007.

³⁴ http://www.federalpost.ru/out/print_9470.html

³⁵ Hürriyet, 20.03.2004.

Н.Ю.Ульченко

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ В 2006–2007 гг. И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 2008 г.

Летом 2007 г. в Турции прошли досрочные парламентские выборы. Повторную победу на них одержала правящая Партия справедливости и развития (ПСР), получив возможность вторично сформировать однопартийное правительство.

Каковы ожидаемые контуры экономической политики правительства?

Наиболее вероятным сценарием является продолжение экономического курса предыдущих лет, который характеризовался последовательным осуществлением стабилизационных мероприятий, прежде всего в финансовой сфере. При этом основные параметры сдерживающей фискальной и кредитно-денежной политики согласовывались с МВФ в обмен на очередной транш кредитной поддержки, согласованной между Турцией и Фондом. **Первый** аргумент в пользу подобного прогноза – несомненные успехи, достигнутые Партией справедливости и развития в период первого срока правления (ноябрь 2002 – июль 2007 гг.) не только в сфере экономической стабилизации, но и, как следствие, в оживлении экономического роста и подъеме благосостояния. Достижения правительства ПСР в экономике использовались в качестве важнейшего довода предвыборной кампании. Их анализу отведено заслуженно большое место в предвыборной декларации партии¹, предвараемой, кстати, красноречивым слоганом: «Нет» остановке в достижении безопасности и стабильности, «Да» – дальнейшему движению вперед.

Для понимания действительного значения экономических достижений ПСР следует напомнить о той экономической ситуации, в которой страна находилась на момент прихода партии к власти, а именно, осенью 2002 г. Турция с трудом оправлялась от последствий пережитого в начале 2001 г. очередного

финансово-экономического кризиса. И хотя начавшаяся реализация Программы построения сильной экономики Турции обеспечила первые признаки оживления, ряд важнейших макроэкономических показателей по-прежнему свидетельствовал о сложной ситуации в экономике страны: инфляция по итогам 2002 года достигла 45%, ставка по долгосрочным кредитам превышала 63%, отношение дефицита госфинансов к ВВП составляло почти 12%, а отношение госдолга к ВВП – почти 80%².

Как же позиционировала ПСР свои достижения в сфере экономики в предвыборной декларации? В основном по принципу контраста, оказавшемуся максимально выигрышным. Период 2003–2007 гг. был объявлен самым блистательным в экономической истории республики. Среди развивающихся стран Турция была признана «восходящей звездой» и «успешным примером для подражания». Аргументировались подобные утверждения следующими весьма убедительными фактами³:

1) Правительство ПСР сумело достичь наиболее значимых успехов в стабилизации макроэкономической ситуации. Средний уровень профицита первичного бюджета⁴ в 1993–2002 г. составлял 0,4% ВВП, тогда как в 2003–2006 гг. – 6,5%. В итоге к 2006 г. удалось решить проблему дефицита госфинансов: суммарный профицит достиг 3% ВВП. Отношение госдолга к ВВП снизилось почти вдвое до 45%. Важным элементом экономической стратегии по стабилизации экономики стала ее последовательная и активная структурная перестройка. Поэтому если за первые годы осуществления программы приватизации (1985–2002) суммарные доходы государства от реализации госсобственности составили 8 млрд.долл., то в период с 2003 г. и до выборов 2007 г. они возросли до 30,6 млрд. долл.

2) В итоге впервые за 34 года экономической истории удалось снизить годовой уровень инфляции до показателей, выражающихся однозначной цифрой: по предварительным оценкам по итогам 2007 г. она составила 8,5%.

3) Макроэкономическая стабилизация позволила поддерживать устойчивые и при этом достаточно высокие темпы роста. Если в период с 1997 по 2001 гг. среднегодовые темпы роста турецкой экономики составили 0,3%, то в 2003–2006 гг. – 7,3%. С 2002 г. национальный доход страны вырос в 2,2 раза с 181 млрд. долл. до 400 млрд. долл., что позволило Турции занять 17-е место в мировом экономическом рейтинге. Пересчет национального дохода по паритету покупательной спо-

способности обеспечил Турции 6-е место в Европе. Национальный доход на душу населения по текущему обменному курсу составил в 2006 г. 5 477 долл. против 2 598 долл. в 2002 г.

4) Поскольку, как подчеркивалось в предвыборной декларации Партии справедливости и развития, «основная цель экономической политики – повышение благосостояния и степени удовлетворенности народа», то особое место в документе уделялось успехам партии в борьбе с бедностью и неравномерностью в распределении доходов. Значение коэффициента Джинни снизилось с 0,44 в 2002 г. до 0,38 к концу первого срока правления ПСР. Количество людей, доход которых, исчисленный по паритету покупательной способности, составлял менее 1 доллара в день, снизился с 2 промилле в 2002 г. до 1 промилле в 2006. При этом в декларации подчеркивалось, что аналогичный показатель для Китая – 13 промилле, Мексики и Бразилии – 8 промилле, России – 2 промилле.

5) Экономические достижения Турции существенно повысили ее привлекательность для внешних инвесторов: существенно возрос приток прямых иностранных инвестиций в экономику страны. На протяжении ряда лет их годовой уровень оставался стабильным и составлял в среднем 1 млрд. в год. Но по итогам 2006 г. он продемонстрировал в полном смысле слова взрывной рост, достигнув отметки 20,2 млрд. долл. За первый квартал 2007 г. приток иностранных инвестиций составил 10 млрд. долл. В итоге золотовалютные резервы страны выросли с 27 млрд. долл. в 2002 г. до 65 млрд. по состоянию на май 2007 г.

Второе важное обстоятельство, впрочем, тесно связанное с общими успехами в развитии экономики, которое также указывает на наиболее вероятный преемственный характер экономической политики, заключается в следующем. Пройдя через период осуществления непопулярных мер, обвинений в отсутствии самостоятельной экономической политики, которая отражала бы политическую идентичность Партии справедливости и развития, обвинений в беспрекословном следовании экономическим установкам МВФ и забвения собственных предвыборных обещаний социального характера, ПСР наконец дождалась дивидендов от политики финансового сдерживания. Спустя четыре года эта политика открыла возможность использовать меры не только ограничительного, но и популярного характера. Так, верхняя ставка личного подоходного налога

была снижена с 45% до 35%, а ставку налога на прибыль корпораций в 2006 г. удалось снизить с 33% до 20%. Налог на добавленную стоимость на ряд групп товаров и услуг, в том числе лекарства, основные продукты питания, одежду, текстильную продукцию, медицинские и туристические услуги был снижен с 18% до 8%⁵. Правда, справедливости ради, следует оговориться, что политика партии в сфере косвенного налогообложения не была столь же последовательно направлена на снижение ставок. В период правления ПСР возросли налоги на потребление алкогольных напитков и сигарет, предметы роскоши. Кроме того, был введен налог на потребление автомобильного топлива. Таким образом, налоговая политика отражала попытку балансирования между соблюдением жесткого фискального курса, как того требует МВФ, и усилиями по формированию позитивного имиджа партии среди избирателей. Тем не менее, используя реформы в системе прямого налогообложения, авторы предвыборной декларации партии с гордостью заявили: «Мы обещали открыть светлую страницу в сфере налогообложения и открыли ее»⁶.

Снижение в ходе упорядочения фискальной сферы доли процентных выплат в структуре бюджетных расходов позволило увеличить удельный вес государственных инвестиций с 7% в 2002 г. до 10% в 2006 г., одновременно доля персональных расходов (расходов на выплату заработной платы госслужащим) выросла с 20% до 25,5%. Что касается трансфертов бюджета в пользу государственных фондов социального страхования, то в 2002 г. они составили 9,5% бюджетных расходов, а в 2006 – 16%⁷. В итоге правительству ПСР удалось активизировать свою социальную политику, как это и было заявлено в предвыборной программе. Экономическая политика вознаградила правящую партию доверием избирателей и позволила позиционировать правительство ПСР как сохраняющее верность данному слову и не допускающее обмана.

Таким образом, нынешний момент обеспечивает Партии справедливости и развития поистине уникальное сочетание стабильного и предсказуемого экономического развития с началом возможности более или менее активной социальной политики. Заслуженный ПСР шанс на популярность без экономического авантюризма, разумеется, должен использоваться и преумножаться за счет продолжения осмотрительной фискальной политики и направления высвобождающихся средств

на формирование более популярного имиджа партии. При этом следует обратить внимание на то, что хотя самостоятельной экономической линии партии выработать так и не пришлось, на фоне несомненных достижений страны в сфере экономики обвинения в безоглядном следовании требованиям МВФ и ожидания альтернативной комплексной экономической политики сошли на нет.

Именно в духе неотступного продолжения экономической политики выдержана предвыборная декларация Партии справедливости и развития. В частности, в ней говорится: «В дальнейшем к достигнутым нами успехам в экономике добавятся новые, мы не допустим какой-либо остановки или возврата назад». Далее контуры будущей экономической политики очерчиваются более конкретно: «Партия справедливости и развития в целях сохранения макроэкономической стабилизации и роста продолжит курс на обеспечение финансовой дисциплины... В предстоящие годы бюджет будет неуклонно осуществляться в рамках тех представлений о финансовой дисциплине, которые отвечают представлениям нашей партии о финансовой и экономической политике»⁸.

Подчеркивая долгосрочный, ориентированный на широкую экономическую перспективу характер экономического курса, ПСР заявила о постановке целей не только на предшествующий пятилетний период, но и на 2013 год и даже на дату столетия Турецкой Республики – 2023 г. Так, к 2013 г. планируется довести национальный доход на душу населения по текущему обменному курсу до 10 тыс. долл., а по ППС – до 15 тыс. долл., национальный доход, как ожидается, составит 800 млрд. долл., уровень инфляции будет исчисляться однозначной цифрой, прогнозируется дальнейшее снижение безработицы и рост экспорта до 200 млрд. долл. Цели на 2023 г. не столь детализированы, но ожидается, что по размерам национального дохода, исчисленного по ППС, Турция займет место среди 10 сильнейших экономик мира⁹.

Основные тезисы предвыборной декларации Партии справедливости и развития воспроизведены и в программе сформированного ею нового, 60-го, правительства Турции. В частности, на преемственность экономического курса указывают следующие тезисы: «Первый важнейший элемент нашей экономической программы – финансовая дисциплина. ПСР, находясь у власти, из года в год придерживалась объявленных целей

бюджетной политики. Второй важнейший элемент – осуществление кредитно-денежной политики в рамках независимости Центрального банка ...Мы не отступимся от цели удержания инфляции на уровне, исчисляемом однозначной цифрой. Наша цель на протяжении нового периода пребывания у власти – обеспечив и в дальнейшем стабильность цен, придать ей устойчивый характер... Наше правительство с целью сохранения макроэкономической устойчивости и экономического роста продолжит ранее избранный им курс на соблюдение финансовой дисциплины...»¹⁰.

В уверенной тональности продолжения экономической политики предыдущих лет выдержан и прогноз журнала «Economist» на 2009 г., опубликованный 31 октября 2007 г. Как справедливо отмечает журнал, весьма ответственным обещает стать 2008 г., когда истекает срок действия заключенного в мае 2005 г. очередного соглашения с МВФ о стабилизационном кредите. По мнению экспертов журнала, преемственный характер экономической политики приведет к тому, что даже если новое соглашение с МВФ не будет заключено, следует ожидать согласования определенных форм двустороннего сотрудничества с тем, чтобы надежно обеспечить продолжение политики бюджетной дисциплины и экономических реформ, направленных на закрепление финансовой и структурной сбалансированности в экономике Турции. Как ожидают эксперты «Economist», бюджетный дефицит в 2007–2008 гг. возрастет до 2,5–3% ВВП против менее чем 1% в 2006 г., что будет связано как с более значительными процентными выплатами по долгу, так и снижением размеров запланированного суммарного профицита всей системы госфинансов¹¹ с 6,5% ВВП до 5,5% в 2008 г. Темпы роста, ожидающиеся по итогам 2007 и 2008 гг., – 5%, в 2009 г. прогнозируется их повышение до 5,5% за счет как расширения внутреннего спроса, так и продолжения уверенного роста экспорта¹².

Несмотря на убедительность аргументации в пользу продолжения экономического курса ПСР и отсутствия для него явных внутренних (сильной и организованной оппозиции внутри страны) и внешних угроз (неразрешимых проблем и противоречий в отношениях с МВФ), существуют серьезные угрозы, которые можно определить как внешние экономические угрозы конъюнктурного происхождения. Любая экономическая модель, которая, на первый взгляд, удивляет парадоксальным сочета-

нием успехов стабилизационной политики с политикой экономического роста, непременно имеет свои уязвимые точки, которые во многом и объясняют происхождение феномена. Среди ряда позитивных макроэкономических тенденций в Турции большую настороженность вызывает стремительно растущий дефицит по счету текущих операций платежного баланса. Данный показатель имел более, чем скромные значения в 2002 году – около 1,5 млрд. долл. Неуклонно повышаясь на протяжении всего периода правления Партии справедливости и развития, он достиг в 2006 г. 31,6 млрд.¹³ Увеличившись по сравнению с 2005 г. на 40%, он составил 8% национального дохода. За период с апреля 2006 г. по март 2007 г. дефицит по счету текущих операций превысил 32 млрд. долл.¹⁴

Итак, что стоит за столь стремительным ростом? Нынешнюю политику экономического роста турецкие экономисты определяют как «политику высоких процентных ставок и низкого валютного курса». Центральный банк Турецкой Республики (ЦБРП) использует высокие процентные ставки в качестве основного инструмента достижения финансовой стабилизации и контроля над инфляцией (См табл.1).

Таблица 1

**Уровень инфляции и процентных ставок
в странах ЕС и Турции в 2005 г.**

Страны	Уровень инфляции (%)	Ставка по долгосрочным кредитам
Бельгия	2,5	3,4
Германия	1,9	3,4
Греция	3,5	3,6
Испания	3,4	3,4
Франция	1,9	3,4
Ирландия	2,2	3,3
Италия	2,2	3,6
Люксембург	3,8	3,4
Голландия	1,5	3,4
Австрия	2,1	3,4
Португалия	2,1	3,4
Финляндия	0,8	3,4

...окончание таблицы 1

Чехия	1,6	3,5
Дания	1,7	3,4
Эстония	4,1	4
Литва	6,9	3,9
Латвия	2,7	3,7
Венгрия	3,5	6,6
Мальта	2,5	4,6
Польша	2,2	5,2
Словения	2,5	3,8
Словакия	2,8	3,5
Швеция	0,8	3,4
Англия	2,1	4,5
Болгария	5	3,8
Румыния	9,1	нет данных
Турция	8,1	16,2
Уровень, допустимый в соответствии с Маастрихтскими критериями в 2005 г.	2,53	5,37

Составлено по: S. Dilekli, T. Eraslan. AB üyesi ülkelerde ve aday ülkelerde ekonomik gelişmeler. Devlet Planlama Teşkilatı Müsteşarlığı. AB ile İlişkiler Genel Müdürlüğü, 2007. – www.dpt.gov.tr

На протяжении трех первых месяцев 2006 г. ставка оставалась стабильной. В апреле наблюдалось ее некоторое снижение. В мае в связи с дефицитом ликвидности на международном рынке наблюдался отток капитала из Турции, как и других развивающихся стран. Вследствие этого началось обесценение лиры и обозначились опасные изменения в инфляционных ожиданиях рынка. Для того, чтобы не допустить развития нежелательных тенденций, Центральный банк на протяжении июня и июля трижды повышал процентные ставки одновременно с проведением валютных интервенций (продажа валюты). В 2007 г. происходило снижение процентных ставок на турецком рынке, в частности в октябре, но они по-прежнему оставались сравнительно высокими.

В результате, во-первых, у турецких инвесторов сформировалось устойчивое предпочтение в пользу иностранного рынка

при поиске привлеченных источников. Во-вторых, потеря из-за высоких ставок банковских институтов как источника инвестиций заставляет турецких предпринимателей искать ресурсы на фондовом рынке. В итоге турецкая биржа активно привлекала и привлекает «горячие деньги» из-за рубежа. Ее доходность для иностранных инвесторов составила к концу 2007 г. 76%¹⁵. Притягиваемый высокими доходами спекулятивный краткосрочный капитал охотно приходит на турецкий рынок, обеспечивая удержание на низком уровне курса турецкой лиры (См. табл.2), что также делает свой вклад в антиинфляционную политику.

Таблица 2

Курс лиры к доллару США

Год	Среднегодовой курс покупки доллара США	Изменение курса по сравнению с предыдущим годом (%)
2000	0,62	-
2001	1,22	96,1
2002	1,50	23,1
2003	1,49	-0,5
2004	1,42	-5,0
2005	1,34	-5,7
2006	1,43	6,6

Составлено по: *TOBB. Ekonomik Rapor 2006. Ankara, 2007, с. 102.*

Но одновременно происходит и дальнейший рост импорта, возобновляя потребность экономики страны во внешних источниках финансирования.

По мнению некоторых экспертов, привлекательность турецкого финансового рынка – это, помимо прочих факторов, обратная сторона позитивных тенденций по стабилизации экономики и росту надежности вложений.

Итак, основной заемщик в сегодняшней Турции – это частный сектор. Краткосрочный долг частного сектора (практически монополиста в сфере краткосрочных заимствований) все последние годы оставался наиболее динамичной частью внешней задолженности страны: с 15 млрд. в 2002 г. он вырос до 39 млрд. в 2006 г. при одновременном росте удельного веса краткосрочной задолженности в общей сумме внешнего долга страны с 13 до 20%. Одновременно объем среднесрочного и

долгосрочного долга частного сектора вырос за тот же период с 29 млрд. долл. до 82 млрд., а его доля в данном виде внешней задолженности – с 26 до 50%¹⁶. Таким образом, урегулирование проблемы госдолга происходило одновременно с нарастанием долговых проблем в частном секторе страны.

Частично проблему быстрого роста задолженности частного сектора облегчает отмеченный выше беспрецедентный рост прямых иностранных инвестиций. Но как справедливо отметил председатель Союза турецких палат и бирж Р.Хисарджиоглу, даже если в нынешней ситуации удастся профинансировать столь значительный дефицит по счету текущих операций, в будущем это создаст проблемы¹⁷. То есть Турция будет оставаться весьма чувствительной к конъюнктурным колебаниям мирового рынка, влияющим на поведение как спекулятивных инвесторов, так и кредитных институтов. Поэтому в действительности недопущение развития очередного валютно-финансового кризиса, теперь уже не по особому турецкому сценарию, а по групповому сценарию стран ЮВА, требует от Турции привнесения определенных новых моментов в экономическую политику.

Лидеры объединения турецких предпринимателей исламского толка – МЮСИАД (Müstakil Sanayi ve İşadamları Derneği, MÜSİAD) – заявили сразу же после июльских выборов, что если предыдущее 59-е правительство стало правительством экономической стабилизации, то от 60-го правительства ожидается новая программа, в центре которой должно оказаться повышение конкурентоспособности реального сектора экономики, в частности, посредством снижения процентной ставки и повышения доступности кредитов. Правда, далее, оставаясь верным традиции эксцентричных экономических рекомендаций, МЮСИАД заявил в своих пожеланиях-рекомендациях о целесообразности возврата к стратегии импортзамещения, а также о целесообразности совмещения повышения конкурентоспособности экспортных отраслей и отраслей, ориентированных на местный рынок, с проведением политики сокращения импорта¹⁸. Следует отметить, что подобное предложение весьма сложно реализовать в нынешней ситуации развития турецкой экономики: в 2006 г. лишь 12% импорта пришлось на потребительские товары, тогда как около 72% – на промежуточные товары (сырье и полуфабрикаты) и свыше 17% – на инвестиционные¹⁹. Поэтому более взвешенными выглядят оценки другой организации турецкого бизнеса, объединяющей его более крупных и бывалых предста-

вителей – Союза турецких палат и бирж, ТООБ (Türkiye Odalar ve Borsalar Birliği, TOBB). В его отчете за 2006 г. настойчиво рекомендуется создание системы сбора информации о состоянии национальной промышленности. Базируясь на собранной информации, предлагается разработать новую промышленную политику, ориентированную на рост экспорта и широкое освоение промышленными предприятиями передовых технологий²⁰. Иными словами, в основе требований ТООБ – повышение добавленной стоимости продукции турецкого экспорта и урегулирование на этой основе проблемы дефицитности внешней торговли и текущего счета платежного баланса.

В.И.Шлыков

АРМИЯ В ЖИЗНИ ТУРЕЦКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Политическая роль армии в Турции выросла из специфически турецкого исторического, социального и культурного контекста. Военная служба всегда играла центральную роль в турецкой культуре. Сама Османская империя, созданная и поддерживаемая завоеваниями, предназначенная для завоеваний и вдохновляемая ими, по крайней мере в первые века своего существования являлась государством-воином. Османское общество превозносило воинские доблести и ценности, хотя скорее это относилось к романтическим акынджи, чем к армии как институту. Так, в поздней Османской империи, в частности, во времена Махмуда II воинская повинность была ужасно непопулярной, а дезертирство было постоянной проблемой. Но особая роль армии в турецкой жизни является не просто наследием исторического прошлого. Не только турецкое общество все еще находится во власти ценностей, социальных установок и традиций, которые поддерживают роль армии, но и для огромного большинства турок армия и воинские ценности все еще лежат в сердцевине любого определения того, что значит быть турецким¹.

Хотя большая роль армии в жизни общества в Турции глубоко заложена в самой основе культурной матрицы турецкого менталитета, но этого явно недостаточно для прояснения ее роли в условиях Турецкой Республики XXI века, когда налицо благоприятная экономическая ситуация, отсутствие политической нестабильности, непосредственно угрожающей государству и обществу и оправдывающей вмешательство армии в политику. Но все становится на свои места, когда мы осознаем факт того, что Турция является идеологическим государством, где кемализм выступает в роли государственной идеологии. Демократия с ее плюрализмом мнений и государственная идеология в принципе несовместимы друг с другом. Именно

¹ Güven ve İstikrar içinde durmak yok yola devam, с.26–59. Haziran 2007. – www.akparti.org.tr

² Там же, с. 39.

³ Там же, сс. 26–35.

⁴ В рамках первичного бюджета доходы и расходы сводятся без учета выплат процентов по госдолгу.

⁵ Güven ve İstikrar içinde durmak yok yola devam, с. 37.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 38.

⁸ Там же, с. 41.

⁹ Там же, с. 34–35.

¹⁰ Hükümet Programı. Başbakan R.T.ERDOĞAN Tarafından TCMM'ne Sunulan 60'ıncı Hükümet Programı. 31 Ağustos 2007. – www.basbakanlik.gov.tr

¹¹ Госфинансы Турецкой Республики наряду с консолидированным бюджетом включают также дополнительные звенья, например, финансы государственных фондов социального страхования.

¹² См. Forecast. Oct.31st 2007. From the Economist Intelligence Unit. Source: Country Forecast. – www.economist.com/countries/Turkey...

¹³ См. TOBB. Ekonomik Rapor 2006. Ankara, 2007, с. 104.

¹⁴ TCMB Finansal İstikrar Raporu – Mayıs 2007, с. 4. – www.tcmb.gov.tr

¹⁵ Milliyet, 4.11.2007.

¹⁶ Подсчитано по: Ekonomik Rapor 2006, с. 111.

¹⁷ Ekonomik Rapor 2006, с. IV.

¹⁸ MÜSİAD Basın Bülteni, 28.07.2007 – www.musiad.org.tr

¹⁹ Ekonomik Rapor 2006, с. 94.

²⁰ Там же, с. IV.

в этом заключается корень противоречия современной Турции. Первый кризис кемализма мы относим ко второй половине 40-х гг., когда Турция переходила от монопартийного режима к многопартийному и возникла реальная борьба за голоса избирателей².

Отношения между военной элитой, как частью государственной, и политической элитой или же иначе военно-гражданские отношения (понятие, имеющее широкое хождение в западной политологии и социологии) в Турции характеризуются сочетанием преемственности и перемен. Какова природа этих отношений? Два фактора, относящихся к историческим и политическим условиям, являются наиболее существенными для ответа на этот вопрос: роль армии как защитницы кемализма и османское наследие вертикально организованного общества³.

Османская традиция тесных военно-государственных связей продолжилась и в период Республики, предоставив вооруженным силам исключительную роль в обществе, простирающуюся и на гражданскую сферу. Армия стала не только защитницей Республики, но также и стражем светского характера государства и шести принципов кемализма. Героический образ армии как защитницы, осознание наличия внешних военных угроз в регионе и ее комплиментарное отображение в СМИ и в учебниках по истории Турции для учебных заведений всех уровней облегчают заметное присутствие армии в обществе.

В Турции армия и по сей день является институтом, которому доверяют больше всего. Уровень доверия к ней колеблется от 76 до 91%, но армия постоянно занимает первое место. Судебные органы, полиция и меджлис по степени доверия находятся далеко позади. Весной 2006 г. международная исследовательская организация GfK провела опросы в 22 странах, согласно которым в Турции о своем доверии к армии заявил 91% опрошенных. Подобного высокого показателя уровня доверия армии как государственному институту нет больше нигде в мире. В Западной Европе этот уровень составляет 68% и следует после врачей, учителей и полиции, а самое последнее место занимают политики⁴. Как пишет турецкий журналист Таха Акьол: «У нас даже во времена, когда говорилось об уменьшении уважения к армии, она всегда оставалась институтом, пользующимся наибольшим доверием»⁵. И этому есть определенные причины. Во-первых, это геополитический фактор. Ни в одной стране Западной Европы люди не испытывают такого беспокойства по поводу безопасности, как в Турции.

Внешние угрозы и угрозы терроризма создают у турецких граждан потребность в доверии к своей армии. Сегодня любой из них соглашается с необходимостью для Турции иметь сильную армию, способную отрезвить всякого потенциального противника. Все споры касаются лишь отношений армии и политики. Во-вторых, огромную конструктивную роль армия сыграла в становлении современного турецкого государства и его конституционном развитии. В-третьих, армия опирается на многовековую институциональную историю: в Турции существует непрерывная традиция армии, она никогда не переживала катастрофы разрушения и укоренила систему своих ценностей и традиций.

Картина, наблюдаемая в сегодняшней Турции, свидетельствует о переходной фазе развития, в которой находится турецкое общество, и подходит под характеристики, приведенные в концепции С. Хантингтона о роли армии в модернизирующемся обществе⁶. В традиционных обществах армия является единственным современным институтом, а само общество безгласно и застойно. Однако с развитием процессов урбанизации, просвещения, становления предпринимательского среднего класса общество оживляется, становится все более разнородным, появляются сталкивающиеся друг с другом общественные запросы, идеи, растут противоречия внутри общества. Общество современного типа неизбежно является плюралистическим. Поэтому политики всегда должны быть гибкими. По этой причине армия не может заниматься политикой, ибо логика политиков и военных несовместима. По той же причине в любом уголке мира политик воспринимается как гибкий, непостоянный, не заслуживающий доверия человек. Поэтому, как утверждает Таха Акьол, «при защите страны турецкий народ со своим здравым смыслом доверяет своей армии, а в политике всегда выбирает гражданских деятелей»⁷.

Самым глубоким противоречием, отличающим турецкую демократию в 90-х – начале 2000-х гг., является демонстрируемая неспособность гражданских политиков контролировать армию. Турецкие военные пользуются высокой степенью армейской автономии. В развитых странах Западом органом контроля гражданской администрации является министерство обороны во главе с гражданским министром. Иное дело в Турции. Вот что пишет в своей книге под весьма красноречивым названием «Приказывайте, командир» известный турецкий

журналист Али Биранд: «В штате министерства обороны числится 3000 человек персонала, из них лишь 5% гражданских лиц. Более того, даже личного секретаря министра назначает НГШ. Был случай, когда министр столкнулся с тем, что его офицер-порученец на следующий день был заменен другим»⁸.

Во времена Ататюрка начальник Генерального штаба был подчинен непосредственно президенту. После 1945 года президент Исмет Иненю, следуя модели «западных демократий», понизил статус НГШ, подчинив его министру обороны. Но, предпринимая этот шаг, который покончил со следами особого статуса офицеров внутри государства, он не принизил почетного статуса военной профессии. Тем не менее заговорщическая деятельность в армии против возможного ангажированного злоупотребления политической властью началась именно в его время⁹. Али Биранд приводит слова турецких генералов: «Мы не находимся в полном подчинении у гражданских политиков, как это имеет место в Западной Европе или Америке. По сравнению с ними мы более автономны и в своих вопросах более влиятельны»¹⁰. Военная автономия может рассматриваться на двух уровнях: во-первых, институциональная автономия, соответствующая структурным особенностям, и, во-вторых, политическая автономия относительно политических целей и влияний. Первая воплощает защитную цель: «армия защищает ядро своих профессиональных функций от нежелательного вмешательства со стороны посторонних». Вторая заключает в себе как идеологические, так и поведенческие измерения; политическая автономия армии является наступательной стратегией, переходящей институциональные границы и представляющей отвращение военных или даже открытое неповиновение гражданскому контролю¹¹.

Растущая политическая роль вооруженных сил является в лучшем варианте анахронизмом, а в худшем – несообразной с приверженностью режима к нормам, ассоциируемым с либеральной демократией и свободным рыночным капитализмом. Существование параллельных государственных структур, с одной стороны, гражданских, а с другой, военных, подрывает власть и демократическую ответственность избранных гражданских правительств. Более того, несмотря на глубокий разрыв в турецкой политике между словесной риторикой и действием, структурные перекосы и противоречия, порожденные движением по направлению к более «либеральному» экономи-

ческому и политическому строю и борьбой с курдским сепаратизмом в лице Курдской рабочей партии, не следует допускать, что прошлое определяет будущее. Существуют как внутренние, так и глобальные условия, отнюдь не совпадающие, а наоборот, противостоящие этике турецкой армии¹².

По иронии судьбы в результате «турецкого эксперимента в демократии», как назвал его Фероз Ахмад¹³, роль армии в политике возросла, а не ослабла. В конце 50-х гг. провал попыток парламентской демократии в Турции обеспечить процветание, эффективное правление и политическую стабильность вновь вернул армию на политическую сцену, а впоследствии создал у нее и в обществе представления об армии как о последнем гаранте стабильности и общественного порядка и наличии у нее своего рода мандата на вмешательство в политический процесс.

Конституция 1961 года, принятая после военного переворота 27 мая 1960 г., повысила де-юре статус Генерального штаба и де-факто степень его автономности, выведя из подчинения министру обороны, как это было при Аднане Мендересе, и переподчинив его непосредственно премьер-министру. В рамках иерархии государственного протокола начальник Генерального штаба (НШГ) занимает теперь четвертое место после президента, премьер-министра и председателя меджлиса¹⁴. По конституции 1961 года был создан также Совет национальной безопасности в качестве консультативного органа при правительстве, включающий ведущих членов правительства и высшее командование вооруженных сил. СНБ стал важнейшей площадкой для регулярных контактов гражданского и военного руководства, где происходят оглашения позиции армии по ключевым вопросам в сфере политики.

4 января 1961 г. был принят Закон 211 «Устав Внутренней службы Турецких Вооруженных сил», содержащий наиболее детальное изложение правовой роли и обязанностей вооруженных сил. Ключевой в этом Законе является статья 35, которая гласит: «Обязанностью Турецких Вооруженных сил является защита и сохранение Турецкого отечества и Турецкой Республики, как определено в Конституции»¹⁵.

У турецких военных никогда не было сомнений в отношении своего права на вмешательство. Всякий раз, когда они его совершали в любой форме: будь то военный переворот или же предъявление «меморандума», военные всегда ссылались на

«Устав внутренней службы». В 1960 г. это была статья 34 Закона № 2771 от 1935 г., а в 1980 г. – новая редакция статьи 35 Закона № 211. Вот как оценивает значение этой статьи бывший НГШ генерал Хильми Озкек: «Это прекрасная статья. Она является в то же время и политическим тормозом. Потому что иногда политические партии могут поддаться крайностям, а эта статья их тормозит. После этого некоторые политики жалуются, что бюрократия якобы создает препятствия. Однако эта статья хороша и для политиков, потому что иногда лица, занимающие высшие административные посты, для того, чтобы понизить голос нижестоящих, прибегают к ее защите»¹⁶. Определяя функции армии, генерал Озкек заявляет: «Мы стражи режима. По закону наша задача охранять и оберегать режим, когда с ним что-то случается. Мы не являемся врагами ни политики, ни политиков. Мы лишь стражи режима. Вооруженные силы находятся выше любых политических движений и вне их»¹⁷. Однако после 1983 года армия стала менее склонна прибегать к угрозе силой, предпочитая использовать более тонкие методы и средства для того, чтобы гарантировать политику правительства в тех границах, которые армия считает допустимыми.

Конституция 1982 года, принятая в условиях прямого военного правления, сохраняла основные принципы своих предшественниц. Так, ее преамбула гласит, что она была «сформулирована в соответствии с концепцией национализма, а также реформами и принципами, провозглашенными основателем Турецкой Республики Ататюрком, бессмертным лидером и не имеющим себе равных героем». Неизменяемая статья 2 конституции провозглашает, что «Турецкая Республика является демократическим, светским государством, основанным на нормах прав; опирающимся на концепцию общественного спокойствия, национальной солидарности и справедливости, уважающим права человека; верным национализму Ататюрка и основанным на главных принципах, изложенных в преамбуле»¹⁸. Но все же в нее были внесены некоторые изменения, существенно расширявшие полномочия президента. Кроме того, 9 ноября 1983 г. был принят новый Закон 2945 «О Совете национальной безопасности и Генеральном секретариате СНБ», резко повысивший статус данного органа и превративший его в важнейший инструмент влияния армии на политическую жизнь страны¹⁹.

В 80-х – первой половине 90-х гг. после возвращения к гражданскому правлению Генштаб редко вмешивался в поли-

тику правительства. Генералы предпочитали давать рекомендации или, как говорит генерал Озкек: «Переворот не является выходом. Самый лучший выход – это доведение до общест-венности мнения начальника Генерального штаба»²⁰. Методы, используемые для трансляции этих рекомендаций заинтересо-ванным лицам, варьируются в зависимости от сферы политики, а также от природы и характера осознаваемых угроз, их важ-ности или неотложности, а кроме того, возможной ответной реакции гражданской администрации. В тех сферах, где армия играет ключевую роль в детальном формулировании политики, она стремится использовать официальные трибуны в рамках государственного аппарата. Самой важной из них является уже упоминавшийся Совет национальной безопасности.

СНБ был создан по конституции 1961 года, а статья 118 конституции 1982 года серьезно повысила статус этого органа. Теперь это был не просто консультативный орган; теперь ка-бинет министров должен был давать приоритет рассмотрению его рекомендаций. «Совет министров рассматривает в первую очередь решения Совета национальной безопасности относи-тельно мер, которые он считает необходимыми для сохране-ния, существования и независимости государства, целостности и неделимости страны, обеспечения мира и безопасности об-щества»²¹. Принятый в 1983 году Закон № 2945 «О Совете на-циональной безопасности и Генеральном секретариате СНБ» предоставил генеральному секретарю СНБ, который являлся действующим генералом, право неограниченного доступа к любому гражданскому органу управления для того, чтобы осу-ществлять мониторинг за реализацией рекомендаций, пред-ставленных СНБ кабинету министров²².

На заседаниях СНБ председательствует президент. Вплоть до 2003 г. эти заседания проводились один раз в месяц. Кро-ме президента в заседаниях участвовали премьер-министр, министр иностранных дел, министр внутренних дел и ми-нистр обороны, а армию представляли НГШ, командующие сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными сила-ми, а также командующий жандармерией. Теоретически это означало, что соотношение сил внутри СНБ было поделено поровну между гражданскими и военными. Однако на практи-ке численное соотношение внутри СНБ почти не имело прак-тического значения, поскольку обсуждаемые вопросы никогда не ставились на голосование. Члены СНБ обсуждали сюжеты,

включенные в повестку дня, а затем по вопросам, получившим общее одобрение, президент формулировал итоговое заявление, которое затем должно было быть представлено кабинету министров²³.

Рабочим органом СНБ является его секретариат, в задачу которого входит подготовка и разработка под руководством генерального секретаря директивных и рабочих документов СНБ и составление различного рода справок для раздачи членам СНБ. Благодаря тому, что генеральный секретарь СНБ всегда являлся действующим полным генералом или адмиралом, а также тому, что в составе секретариата СНБ, численность сотрудников которого доходила до 400 человек, доминировали офицеры, как состоящие на действительной службе, так и отставные, данный орган превратился в достаточно влиятельный инструмент формулирования политики правительства в сфере безопасности, понимаемой весьма широко. Следует также добавить, что военные эффективно могли определять повестку дня заседаний и диктовать то, что будет обсуждаться²⁴.

В дополнение к СНБ армия могла также отслеживать действия гражданских властей через участие в деятельности ряда других правительственных органов, таких как Совет по высшему образованию, который наблюдает за состоянием высшего образования, или же Высший совет по радио и телевидению, надзирающий за вещанием на границу. Один из трех членов в коллегиях Судов государственной безопасности, рассматривающих дела, связанные с безопасностью, являлся военным судьей. Кроме того, существует практика еженедельных встреч с премьер-министром и президентом соответственно, где на высшем уровне начальник Генштаба имел возможность доводить озабоченность армии до сведения политического руководства.

В распоряжении армии находится также целый ряд неформальных каналов для трансляции своих проблем и зондирования настроений как в обществе в целом, так и среди влиятельных кругов. Они включают частные контакты между ведущими генералами, министрами и официальными лицами, публичные заявления на официальном уровне, в ряде выступлений, а также в комментариях в СМИ. Хотя подобные высказывания и комментарии часто кажутся как бы спонтанными, непосредственными, однако они никогда не являются выражением личного мнения и неизменно заранее одобрены начальником Генштаба²⁵. При этом следует отметить, что круг лиц, которые

могут высказываться в СМИ, очень ограничен и включает только высшее командование вооруженных сил.

Генеральный штаб поддерживает тесные связи с чиновниками, ответственными за те сферы политики, к которым проявляется особый интерес. В частности, такие, как министерство иностранных дел. Он также способен продвигать свою собственную инфраструктуру экспертизы, большая часть которой обеспечивается системой того, что называется «рабочими группами», состоящими из штабных офицеров или в самом Генштабе, или в штабах видов вооруженных сил. Рабочие группы не являются постоянными, а формируются и распускаются в соответствии с потребностями²⁶.

В конце 80-х и начале 90-х гг. ограничения, наложенные военным режимом 1980–1983 гг., медленно ослабевали, приводя многих турецких и иностранных наблюдателей к заключению, что эра военных переворотов закончена²⁷. Однако ряд факторов способствовал сохранению армией прочных позиций на политической арене.

Первым из них является эскалация волнений, развязанных на юго-востоке Турции в 1984 году Курдской рабочей партией. К началу 1990-х гг. борьба переросла в гражданскую войну низкой интенсивности, а основная ответственность за борьбу с РПК перешла к регулярной армии, и фактически большая часть юго-восточной Турции управлялась военными.

Ухудшение положения с безопасностью совпало с кризисом доверия общественного мнения признанным политическим лидерам Турции наряду с масштабной коррупцией, галопирующей инфляцией и постоянным высоким уровнем безработицы. Это разочарование в свою очередь подпитывало быстрый рост электоральной поддержки политических партий с исламистской программой.

В марте 1994 года исламистская Партия благоденствия (ПБ) завоевала наибольшее число голосов на местных выборах и получила контроль над рядом крупнейших городов Турции, включая Стамбул и Анкару. После парламентских выборов 25 декабря 1995 года ПБ стала крупнейшей партией в парламенте, хотя получила всего лишь 21,4% голосов и 158 мест из 550. В июне 1996 г. ПБ сформировала вместе с Партией верного пути, у которой было 135 мест, коалиционное правительство, и лидер ПБ Неджметтин Эрбакан стал первым в истории Турции открыто исламистским премьер-министром.

Первые несколько месяцев пребывания у власти правительства ПБ-ПВП характеризовались в большей степени неразберихой и неопределенностью, чем какими-либо радикальными политическими инициативами. Тем не менее само нахождение у власти исламистской партии было неприемлемо для Генерального штаба. В последние месяцы 1996 г. ведущие генералы сделали серию публичных заявлений, предупреждавших о том, что лаицизм находится под угрозой. В январе 1997 года командующие вооруженных сил провели совещание на военноморской базе Гельджюк, что на Мраморном море, и окончательно сформулировали стратегию действий по отстранению ПБ от власти²⁸.

В отличие от 1980 года Генштаб отдал предпочтение не прямому захвату власти, а координированию и оживлению действий оппозиции Партии благоденствия. Предел мечтаний армии заключался в том, чтобы, поощряя публичные протесты и действуя из-за кулис, попытаться отодвинуть исламистов от власти, не прибегая не только к силе, но даже и к угрозам применения силы. Тем не менее 3 февраля 1997 года генералитет воспользовался случаем, чтобы напомнить ПБ, что полномасштабный переворот все еще остается последним выбором, когда через весь пригород Анкары Синджан проследовала колонна танков, после того как местный мэр, член Партии благоденствия Бекир Йилдыз выступил с речью в поддержку шариата²⁹.

На заседании СНБ 28 февраля 1997 г. армия представила гражданскому правительству перечень из 18 антиисламистских мер, которые она хотела видеть реализованными. Этот список был подготовлен секретариатом СНБ в сотрудничестве с рабочими группами в Генштабе. Спектр предлагаемых мер был широк: от ограничения исламистских СМИ, приостановки финансовой помощи муниципалитетам со стороны организаций «Милли герюш» вплоть до закрытия частных школ и курсов по изучению Корана или же передачи их под контроль Главного управления по делам религии и вакфов. Предполагались также ограничения в отношении государственных школ имамов-хатибов, известных как лицеи имамов-хатибов³⁰, которые, как полагала армия, использовались для насаждения антилаицистских ценностей. Число подобных школ выросло с 398 в 1982 г. до 497 в 1993 и 609 в 1997 годах, а ежегодная численность выпускников составляла 43 000 человек³¹. Первоначально, пытаясь уклониться от прямого ответа, Эрбакан, в конечном счете, со-

гласился передать перечень кабинету министров. 14 марта меры были одобрены меджлисом. Но частным образом функционеры ПБ настаивали на том, что партия не может себе позволить реализацию указанных мер без того, чтобы не отдалить от себя широкие массы³².

В апреле и мае 1997 года Генеральный штаб усилил давление на общественное мнение и косвенно на правительство, проведя целую серию брифингов для СМИ, юридических и деловых сообществ по поводу растущей угрозы лаицизму, создаваемой ПБ. Каждый брифинг заканчивался продолжительной овацией³³.

22 мая 1997 г. прокурор Вурал Саваш направил запрос в Конституционный суд с требованием запретить Партию благоденствия на основании того, что она пытается подорвать принцип лаицизма, закрепленный в турецкой конституции³⁴. Армия также продолжала действовать за кулисами, осторожно проводя работу среди членов Партии верного пути в попытке убедить их выйти из состава коалиции. Работа эта увенчалась успехом, и последовавшие отставки лишили правительство ПБ-ПВП большинства в меджлисе. Девять лет спустя «меморандум 28 февраля» будет назван «постмодернистским военным переворотом»³⁵.

18 июня 1997 года правительство было вынуждено подать в отставку, и ему на смену пришла трехпартийная коалиция, включавшая и многих из тех, кто недавно вышел из ПВП. Итак, как пишет английский журналист Гарет Джоунс, «несколько месяцев спустя после «меморандума 28 февраля» без танков и пушек и при широкой общественной поддержке армия заставила Эрбакана отказаться от власти»³⁶. Так произошло крушение надежд Эрбакана, неоднократно заявлявшего, что «коалиция ПБ-ПВП просуществует до 2000 года»³⁷. 16 января 1998 г. Конституционный суд Турции формально закрыл ПБ и запретил Эрбакану заниматься политической деятельностью в течение пяти лет³⁸. Частным образом тогдашний начальник Генерального штаба Хаккы Карадайи предсказывал, что исламистскому движению потребуется по меньшей мере десять лет, чтобы восстановиться³⁹. Это весьма примечательное заявление свидетельствует о полной недооценке на тот момент степени структурированности исламистского политического движения и непонимании тех глубоких корней, которые оно пустило в турецком обществе. В этом генерал Карадайи и его ближайшее окружение вскоре смогут убедиться сами.

Первоначально казалось, что прогноз Хакки Карадайи был правильным. Хотя члены распушенной ПБ заново организовались как Партия добродетели (ПД), но в отсутствии лидерства Эрбакана исламисты выступили неудачно, получив на парламентских выборах 18 апреля 1999 г. лишь 15,4% голосов⁴⁰. Однако твердые сторонники лаицизма в лице высших судебных органов Турецкой Республики, которые наряду с армией представляют государственную элиту, и поэтому в данном случае действуют в тесном, но неафишируемом сотрудничестве, не останавливаются на достигнутом, а стремятся искоренить политические структуры исламистов. Три недели спустя, 7 мая 1999 г. прокурор Вурал Саваш вновь направляет в Конституционный суд запрос с требованием на сей раз закрыть Партию добродетели на том основании, что она является продолжением Партии благоденствия и что ее лидеры были причастны к подрыву основ лаицизма. Конституционный суд официально распустил ПД 22 июня 2001 года⁴¹.

На фоне, казалось, явного отступления исламистского движения пришедшая к власти после парламентских выборов трехпартийная коалиция в составе Демократической левой партии (ДЛП), Партии националистического движения (ПНД) и Партии отечества (ПО), возглавлявшаяся патриархом турецкой политики Б. Эджевитом, в рамках программы приведения турецкой демократии в соответствие с копенгагенскими критериями приступила к серьезным преобразованиям, которые затрагивали также роль и место армии в турецком обществе. Первым шагом в этом направлении стало постепенное снижение институционального влияния Генерального штаба. 18 июня 1999 г. было внесено изменение в ст. 143 конституции «Суды государственной безопасности», ограничившее их полномочия только периодом чрезвычайного положения, а военные судьи были вообще удалены из состава коллегий данных судов⁴². В октябре 2001 г. меджлис внес изменения в ст. 118 конституции Турции с целью увеличения представительства гражданской администрации в СНБ, включив в его состав министра юстиции и любого из вице-премьеров. В то же самое время было изъято положение, требовавшее от кабинета министров отдавать приоритет рассмотрению рекомендаций СНБ. Оно было заменено указанием о том, что кабинет будет просто «уведомлен» о них⁴³.

Более широкие реформы пришли в январе 2003 г., а затем в июле последовало их продолжение. Знаменательно, что во

время реализации этих нововведений Турцией вновь управляло исламистское правительство, хотя и сформированное более умеренной Партией справедливости и развития (ПСР) под руководством Тайипа Эрдогана, бывшего мэра Стамбула от Партии благоденствия.

Эти действия администрации Эрдогана свидетельствовали о ее стремлении максимально понизить институциональный статус армии, лишив ее важного инструмента влияния на политику правительства. Так, было отменено обязательное условие о том, чтобы генеральный секретарь СНБ был действующим генералом (первый гражданский генеральный секретарь был назначен в октябре 2004 г.), также как и его право неограниченного доступа в любую гражданскую организацию или орган власти с целью ведения мониторинга за выполнением рекомендаций СНБ, а фактически осуществления контроля за работой государственного аппарата⁴⁴. Правила, касающиеся назначений в секретариат, были сделаны более прозрачными, приведя к увеличению доли гражданских служащих и к сокращению персонала СНБ на 25%. Возможно, самым наглядным свидетельством намерений руководства ПСР в отношении армии явилось изменение регулярности заседаний СНБ: из ежемесячных они теперь проводятся раз в два месяца. Это сделало гораздо более сложным для Генерального штаба использование СНБ в качестве инструмента поддержания давления на гражданское правительство.

Нет никакого сомнения в том, что «меморандум 28 февраля» или, как его называет американский турколог из Гудзоновского института Зейно Баран, «постмодернистское вмешательство»⁴⁵, первоначально привел исламистское движение Турции в замешательство. Но он также ускорил и процесс смены поколений внутри движения. К моменту запрета Партии благоденствия в январе 1998 г. Эрбакану был уже 71 год, и он находился во главе движения уже свыше 30 лет. Если бы Эрбакан имел возможность возложить на себя лидерство Партией добродетели, то маловероятно, чтобы кто-нибудь осмелился бы бросить ему вызов. В результате ПД возглавил родившийся в 1930 г. Реджаи Кутан, который был известен как ближайший сподвижник и доверенное лицо Эрбакана, но лишенный его харизмы лидера и не обладавший сильным авторитетом. Как писала газета «Хюрриет», «сколько бы ни пытался Реджаи Кутан доказать обратное, но не избавившись от назойливости

Эрбакана, пусть знает, что фактический лидер партии не он, а Эрбакан»⁴⁶.

Неутешительные результаты выборов 18 апреля 1999 г. вызвали ожесточенные споры о стратегии партии и ее руководстве. Все четче внутри ПД проявлялся раскол на два крыла: старую гвардию исламистов и молодых умеренных политиков, ратовавших за обновление партийного руководства, идеологии и общественного имиджа партии.

В мае 2000 г. состоялся съезд партии, на котором младшее поколение исламистов в лице Абдуллаха Гюля бросило вызов лидерству Кутана в ПД. Несмотря на открытое лоббирование против Гюля, за него проголосовала почти половина делегатов. Когда 18 июня 2001 г. ПД была запрещена, исламистское движение раскололось. В июле Кутан и старшее поколение основали Партию счастья, а месяцем позже, 14 августа 2001 г., младшее поколение, возглавляемое Эрдоганом, создало Партию справедливости и развития (ПСР).

Выбор времени основания ПСР оказался в высшей степени удачным. Валютный кризис в феврале 2001 г. породил в Турции самый тяжелый экономический спад за последние 50 лет. В 2001 г. ВВП сократился на 9,5%. Летом 2002 года все более раздираемая разногласиями трехпартийная коалиция окончательно развалилась, и на 3 ноября 2002 г. были назначены досрочные парламентские выборы. Хотя большая часть видных деятелей ПСР являлась в свое время членами ПБ и ПД, из них лишь Гюль занимал пост государственного министра в коалиционном правительстве ПБ и ПНП в 1996–97 гг. Таким образом, на фоне падения общественного доверия ко всем другим политическим партиям ПСР могла позиционировать себя как нечто совершенно новое. На ноябрьских выборах ни одна из политических партий, ранее представленных в прошлом составе меджлиса, не смогла преодолеть 10%-ный барьер. ПСР получила 34,3% голосов, принеся ей 363 места. Единственной партией, представленной в меджлисе кроме ПСР, стала левоцентристская Народно-республиканская партия, которая получила 19% голосов и 178 мест. Оставшиеся 9 мест достались независимым депутатам⁴⁷.

ПСР также повезло с тем, что она пришла к власти в момент, когда турецкая экономика начала выходить из рецессии 2001 года. После того, как 12 декабря 1999 г. на конференции в Хельсинки Турция была официально названа кандидатом

на членство в ЕС, трехпартийное правительство инициировало серию реформ по демократизации в надежде гарантировать назначение даты начала переговоров о вступлении. Не менее важным для правительства ПСР было то, что начальником Генерального штаба являлся генерал Хильми Озкек, назначенный на этот пост в конце августа 2002 г.

В Турции назначение на пост начальника Генштаба, фактического командующего армией в мирное время, происходит в конце августа, обычно на четырехлетний срок. Возрастной предел на этой должности 67 лет. Теоретически начальник Генштаба выбирается кабинетом министров, который предлагает на утверждение президенту имя кандидата. Но практически кандидат подбирается уходящим начальником Генштаба. Хотя и отсутствует официальная иерархия родов войск, но традиционно начальником Генштаба всегда бывает представитель сухопутных войск, обычно командующий сухопутными войсками⁴⁸.

До назначения Озкека в Генеральном штабе рассматривалась его кандидатура, которая далеко не для всех была бесспорной. Определенные сомнения вызывали два обстоятельства: во-первых, значительная часть военной карьеры генерала Озкека прошла вне Анкары, включая несколько лет пребывания на различных должностях в аппарате НАТО, что порождало вопросы о его опыте и понимании им сложных вопросов внутренней политики, функционирования государственного механизма и умения отстаивать интересы армии во взаимоотношениях с гражданской администрацией; во-вторых, было известно, что он является практикующим мусульманином и соблюдает пост во время Рамазана, однажды прервав его во время заседания СНБ вместе с членами правительства от ПСР⁴⁹, хотя никто не был уверен будет ли это влиять на его обязанность защищать лаицизм. Уходящий начальник Генерального штаба генерал Хюсейн Кывырыоглу, не имея каких-либо конкретных свидетельств, негативно характеризующих Озкека, не был настроен вынуждать последнего уйти в отставку. Но он нейтрализовал возможные последствия прихода последнего на должность НГШ, обеспечив назначение на ключевые посты заместителя НГШ и командующего сухопутными войсками двух известных сторонников жесткой линии по отношению к исламистам – генералов Яшара Бююканыта и Айтача Ялмана соответственно. Так как Ялман достигал предельного

возраста до того, как истечет срок пребывания Озкека на должности, то это реально делало Бююканыта очевидным преемником Озкека.

Победа ПСР на ноябрьских выборах 2002 г., будучи неожиданной, встревожила многих в Генштабе. Хотя в ходе предвыборной кампании ПСР в своих заявлениях неоднократно делала акцент на своей приверженности лаицизму и позиционировала себя как «мусульманского демократа», нежели как исламистскую партию, но в Генштабе мало кто верил в то, что эти торжественные заявления были искренними. Однако кроме утверждений, носящих общий характер, о том, что ПСР может представлять угрозу лаицизму, армия мало что могла сделать, ибо нынешняя ситуация, коренным образом отличалась от той, что была в 1997 году, когда существовала возможность альтернативы правительству Эрбакана в виде создания трехпартийной коалиции. Теперь же такая возможность отсутствовала. Единственный вариант отстранения от власти ПСР – это совершение полномасштабного военного переворота и установление прямого военного правления по образцу 1980 года. Однако с тех уже далеких времен многое изменилось в Турции как в сфере политики и социальных отношений, так и в сфере экономики, что является ныне особенно критичным для армии. Укажем только на один факт: в 1980 г. в Турции отсутствовала фондовая биржа, где действовали местные и иностранные инвесторы, которая являлась важнейшим инструментом привлечения капиталов для инвестиций в экономику Турции. Теперь влиятельные экономические круги, представленные Организацией турецких промышленников и предпринимателей (ТЮСИАД), превратились в одного из важнейших актеров на политической сцене, от которого напрямую зависит процветание страны. Поэтому ранее возможно было проблему обеспечения политической стабильности решать с помощью вмешательства армии, и это никак не отражалось на экономической привлекательности страны, а предпринимательские слои в целом спокойно относились к наведению порядка путем введения режима чрезвычайного положения. Теперь же ситуация изменилась: не только необходимость соответствовать копенгагенским критериям ЕС является препятствием на пути вмешательства армии в политику, но и любое ее резкое движение сразу же повлечет за собой ухудшение инвестиционного климата и падение привлекательности для иностранных инве-

сторов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для экономики Турции, являющейся в настоящее время составной частью мировой экономики. А за этим незамедлительно последует негативная реакция и ТЮСИАД, и фондовой биржи. Поэтому в нынешних условиях у Генштаба не было никакого желания в отношении установления военного правления.

Даже до законодательных реформ 2003 года изменения в расстановке сил на политической арене уже ограничили возможности армии в использовании политических рычагов с помощью неформальных механизмов. Взаимное недоверие и антипатия между Генштабом и ПСР привели к сокращению числа неформальных контактов, а это в свою очередь, с одной стороны, снизило способность армии оказывать давление, а с другой стороны, усилило ее подозрительность в отношении конечных целей ПСР. В политике нет ничего хуже непредсказуемости, всегда необходимо точное знание намерений сторон. Отсутствие достоверной информации ведет к возникновению подозрений. Эрдогану и его окружению следовало бы использовать в качестве важнейшего средства от военного переворота политику открытости и прозрачности при проведении своего курса, чтобы не будить излишних сомнений в искренности своих действий и подозрений в отношении своих намерений. Таким образом, для военного руководства возможности доведения своей позиции до гражданской администрации ПСР серьезно сузились до участия в заседаниях СНБ, проводимых теперь раз в два месяца, и еженедельных встреч генерала Озкека с премьер-министром, сначала Гюлем, а затем Эрдоганом. В создавшихся условиях для Генштаба осталось лишь два канала для донесения своей позиции по вопросам внутренней и внешней политики и оказания влияния на общество и администрацию ПСР – это публичные заявления в ходе пресс-конференций и заявления, вывешиваемые на официальном сайте Генштаба. Однако воздействие на общественное мнение с помощью публичных заявлений не было достаточно эффективным и вызывало определенные трудности.

Как писала 28 ноября 2002 г. газета «Миллиет», «сегодня правительство получает вотум доверия, и в Турции начинается новый период. Может ли этот период стать «периодом возвышения»? 70 миллионов граждан Турции ждут стабильности и развития»⁵⁰. ПСР после прихода к власти не только продолжила, но и ускорила проведение реформ, начатых предшествую-

щей администрацией Б. Эджевита с целью скорейшего вступления в ЕС. В конце 2002 года опросы общественного мнения показывали, что свыше 70% турок поддерживают членство в ЕС. Принимая во внимание определенную настойчивость ЕС в отношении установления гражданского контроля над армией, любая открытая попытка со стороны военной элиты влиять на политический процесс с помощью публичных заявлений установочного характера содержала по меньшей мере риск отсрочки получения Турцией от Брюсселя даты начала переговоров, что в свою очередь нанесло бы ущерб общественному престижу Генштаба. Тем более, что влиятельный политический обозреватель Али Биранд отмечал: «Армия не хочет, чтобы она воспринималась как препятствие на пути в Европу»⁵¹. В другой статье он, раскрывая планы армии, пишет: «Основной курс Генерального штаба на 2000-е годы заключается в поддержании хороших отношений с США, однако в долгосрочной перспективе – в достижении полного членства в ЕС»⁵².

Именно при таких обстоятельствах 28 августа 2002 года генерал Хильми Озкек становится начальником Генерального штаба. Эта смена караула на высшем посту в армии сыграла важную роль в поддержании отношений между военными и гражданскими лидерами как между лояльными оппонентами, поскольку Озкек воспринял ататюркизм – путеводную звезду для офицерского корпуса Турции – в качестве мировоззрения, открытого для перемен, а не как идеологию, т.е. закрытую систему мышления. Это было продемонстрировано, например, через его отношение к журналистам, которым Озкек гораздо охотнее излагал свои мысли, чем безапелляционно заявлял, как он должен действовать при определенных обстоятельствах. Характерным в этом отношении было его общение с корреспондентом газеты «Хюрриет» Седатом Эргином в конце октября 2002 г. По большей части он был внимателен и осторожен, чтобы избежать повторения затертых штампов. Согласно Озкеку, армии следует обрести новое видение. Офицерам не надо удовлетворяться только следованием примерам прошлого. Существует потребность в расширении интеллектуальных горизонтов офицерского корпуса⁵³. В соответствии с тем же направлением Озкек даже полагал, что существует потребность в реинтерпретации ататюркизма. Он указал, что «человек не может быть ататюркистом только потому, что он носит на лацкане пиджака значок с изображением Ататюрка. Он дол-

жен быть способен смотреть в том же направлении, что и Ататюрк, и иметь такой же дар предвидения, что был у Ататюрка»⁵⁴. Наиболее поразительно, что сообщалось о том, что Озкек ставил под сомнение целесообразность вмешательства армии в политику и превозносил более демократическое решение: «Армия выступила 27 мая, 12 марта и 12 сентября. Были ли эти выступления успешными? Нет! Если бы они были успешными, то политики, отстраненные от политической деятельности, не смогли бы вернуться в политику. Те, кому была запрещена политическая деятельность, позднее стали премьер-министрами и президентом Республики. Это показывает, что вмешательство армии не является панацеей. Начиная с сегодняшнего дня, нам следует больше доверять оценке народа»⁵⁵.

У генерала Озкека имелись проекты по пересмотру учебных планов военных училищ для того, чтобы воспитать новое поколение офицеров, которые также будут доверять оценкам народа. Аналогичным образом НГШ констатировал, что патриотизм не является монополией военных⁵⁶.

В дополнение к растущему доверию к мнению народа Озкек полагал, что религия могла бы играть роль на уровнях индивида, сообщества и/или государства; т.е. благочестивые люди могут проводить светскую политику. Так, он пришел к тому, чтобы испытывать уважение к религиозным верованиям и предпочтениям людей «до тех пор, пока они не несут их в общественное пространство как символ политического ислама»⁵⁷. В результате, когда ПСР оказалась победительницей на выборах в ноябре 2002 года, генерал Озкек направил поздравления Тайипу Эрдогану, который в то время еще не был избран в меджлис. Впоследствии НГШ так ответил на вопрос журналиста: «Выборы состоялись в соответствии с демократическими правилами. Результаты отражают предпочтения наших людей, которые я уважаю»⁵⁸. Две недели спустя во время своего официального визита в США он заявил представителям американской администрации в Вашингтоне, что выборы в Турции прошли в соответствии с действующими правилами и положениями, и здесь нет повода для беспокойства⁵⁹.

Элементарное уважение Озкеком требований либеральной демократии привело его к стремлению держаться в стороне от повседневной политики. Еще когда он был командующим сухопутными силами, он не делал публичных заявлений перед журналистами. Накануне всеобщих выборов в ноябре 2002 го-

да, когда журналисты его спросили, за какую политическую партию он отдаст свой голос, Озкек ответил: «Не задавайте солдату таких вопросов. В любом случае я предпочитаю не давать комментариев о политике. Мы, солдаты, пойдем и проголосуем как граждане, а не как солдаты»⁶⁰. Позднее в целом Озкек остался лоялен тому же принципу; по его представлению всякий публичный институт должен заниматься своим делом. Так, на вопрос о том следует ли открывать второй фронт в приближавшейся тогда войне в Ираке, он, во-первых, корректно провел разницу между военными и политическими аспектами вопроса, а затем выразил свою точку зрения по первому блоку, но не по второму⁶¹.

Как результат формирующихся при генерале Озкеке нормальных отношений между армией и правительством НГШ в ряде случаев старался скорее убедить лидеров ПСР, чем просто пытаться навязать им волю армии. Так, когда Абдулла Гюль, в то время министр иностранных дел, зарезервировал свою позицию в отношении решения Высшего военного совета об увольнении из армии ряда офицеров и унтер-офицеров на том основании, что они присоединились к политическому исламу, Озкек терпеливо разъяснил причины увольнения, включая случаи унтер-офицеров, отдающих приказы офицерам, поскольку первые имеют более высокий ранг, чем вторые, в религиозных орденах, членами которых они являются⁶².

Отнюдь не неожиданно и то, что «политический ислам» или предполагаемые усилия со стороны правительства возвратить государство, основанное на исламе, временами заставляло военных отходить от лояльной позиции по отношению к ПСР. Всего лишь два с половиной месяца спустя после прихода к власти правительства ПСР генерал Озкек скупно заявил: «28 февраля было следствием определенных процессов в Турции. Эффект не должен быть отличным, если причины продолжат существовать»⁶³.

Первое испытание отношений между армией и администрацией состоялось в течение первых недель после победы ПСР на выборах. Консервативные сторонники ПСР голосовали за нее в ожидании, что партия ослабит ограничения на религиозное образование и устранил запрет на ношение исламского хиджаба в государственных учреждениях и университетах. 20 ноября 2002 г. президент Ахмет Недждет Сезер улетал в Прагу для участия в саммите НАТО. В аэропорту Анкары Эсен-

бога его провожал новый спикер меджлиса Бюлент Арынч вместе со своей женой, которая, как и большинство жен лидеров ПСР, носила хиджаб. Для генералов участие в протокольной церемонии женщины в хиджабе было покушением на лаицизм. 28 ноября командующие ВС Турции отправили Арынчу молчаливое предупреждение, посетив его служебное помещение в меджлисе, где в полном молчании они посидели три минуты перед тем как покинуть его кабинет.

23 апреля 2003 г. командование армии бойкотировало прием, данный Арынчем по случаю Дня национального суверенитета и Дня детей, после того как военные выяснили, что на приеме в качестве хозяйки будет присутствовать жена Арынча в хиджабе. Неделью спустя после заседания СНБ 30 апреля 2003 г. Генштаб настоял, чтобы в отчете для СМИ содержалась декларация о том, что «заседание подчеркнуло важность скрупулезной защиты принципа лаицизма, который является одной из базовых характеристик государства»⁶⁴. 5 мая 2003 г. Генштаб обнародовал свое собственное заявление для печати, позиционируя себя как «главную гарантию светского, демократического и социального характера Турецкой Республики»⁶⁵.

Лояльная позиция НГШ по отношению к правительству Эрдогана далеко не всегда получала одобрение со стороны военной элиты. Генерал Озкек постоянно испытывал давление как со стороны своего ближайшего окружения, так и со стороны офицерского корпуса, который ожидал от своего командующего проведения более жесткой линии. Это разочарование усилилось осенью 2003 г., когда правительство обнародовало проекты реформ в области образования, которые, по мнению лаицистов, поощряют рост числа школ имамов-хатибов и облегчат их выпускникам поступление в университеты. Когда Озкек оказался не в состоянии этому противостоять, то другие лица из высшего командования взяли инициативу на себя, получив предварительно одобрение от своего начальника. 9 сентября 2003 г. генерал Ялман встретился с ректорами университетов для того, чтобы обсудить их оппозицию законопроекту о реформах. 14 октября генерал Илькер Башбуг, который в августе 2003 г. был назначен заместителем НГШ (2. GK başkanı) дал брифинг для прессы, на котором он резко заметил, что 25 тысяч слушателей ежегодно оканчивают школы имамов-хатибов, в то время как ежегодная кадровая потребность Управления по религиозным делам, единственного государственного органа,

который может легально трудоустроить религиозные кадры в Турции, составляет лишь 5 000 человек⁶⁶. Впоследствии правительство ПСР отложило свои попытки протолкнуть реформы в области образования через меджлис.

4 мая 2004 г. ПСР, явно ободренная завоеванием 41,7% голосов на муниципальных выборах 28 марта 2004 г., внесла на рассмотрение меджлиса новый пакет реформ в области образования. 6 мая Генштаб опубликовал заявление, в котором реформы описываются как представляющие угрозу лаицизму, и сделал следующее предупреждение: «Взгляды и позиция Вооруженных сил Турции по отношению к определению Республики как демократического, светского и социально-правового государства остаются сегодня теми же, что были вчера, и останутся такими же и завтра»⁶⁷.

Пакет реформ был утвержден меджлисом 13 мая 2004 г. Однако две недели спустя, 27 мая, Закон был отклонен президентом Сезером на основании того, что реформы несовместимы с конституционным принципом лаицизма. По турецким законам президент может отклонить принятый закон лишь один раз. Однако ПСР отказалась повторно направлять закон в меджлис. 3 июля 2004 г. Эрдоган с сожалением признал: «Как правительство мы не готовы платить слишком большую цену»⁶⁸.

Рвение, с которым генерал Озкек реагировал на законопроект о реформах в образовании, на время успокоило сторонников жесткой линии в Генштабе и напугало правительство ПСР. На протяжении второй половины 2004 г. обе стороны проявляли осторожность, беспокоясь за то, чтобы не нанести ущерба шансам Турции на получение на саммите ЕС в Брюсселе 16–17 декабря 2004 г. даты начала переговоров о вступлении в эту организацию. Несмотря на существенную оппозицию, особенно по поводу сохраняющегося отказа Турции гарантировать дипломатическое признание или открыть свои порты и аэропорты для Республики Кипр, ЕС в конце концов согласился начать переговоры с Турцией о членстве 3 октября 2005 г. Решение ЕС стало для ПСР пирровой победой. Хотя оно обеспечило дату начала переговоров, дискуссия, которая предшествовала данному решению, продемонстрировала, что оппозиция ряда государств-членов присоединению Турции к ЕС идет гораздо глубже, чем споры по поводу Кипра. Поскольку надежды на неизбежное вступление начали убывать, то же произошло и с поддержкой процесса вступления в ЕС. Знаменательно, что в январе 2005 г.

Генштаб обнародовал два своих самых жестких заявления по поводу внешней политики с момента прихода ПСР к власти; в каждом из случаев инициатива заявлений исходила не от Озкека, а от заинтересованных командующих.

25 января 2005 г. генерал Башбуг предупредил, что Турция не будет празднично стоять, если иракские курды попытаются взять под контроль богатую нефтеносную провинцию Киркук или преследовать туркоговорящее меньшинство туркоманов. В тот же самый день во время визита на Северный Кипр генерал Бююканыт, который на тот момент являлся командующим сухопутными силами, заявил, что ни один военнослужащий из размещенного на острове 35-тысячного контингента турецких войск не будет выведен прежде, чем будет достигнуто «твердое и окончательное решение кипрской проблемы»⁶⁹.

Хотя Озкек успокаивал других командующих, что он постоянно предупреждает Эрдогана о соблюдении лаицизма, мало кто был убежден в этом. В самом Генеральном штабе на протяжении последующих месяцев 2005 г. продолжало расти разочарование как правительством, так и самим Озкеком. Во время своих еженедельных встреч с премьер-министром его предшественников обычно сопровождал адъютант, который вел протокол встречи. Озкек прервал подобную практику и встречался с Эрдоганом с глазу на глаз. Когда бы они ни появлялись вместе на публике, создавалось впечатление, что между Эрдоганом и Озкеком установились непринужденные, даже гармоничные отношения. Хотя мало кто верил в то, что он благожелательно относится к упразднению лаицизма, многие в Генеральном штабе стали беспокоиться, что, будучи сам человеком верующим, Озкек не понимает угрозы, которую представляет ПСР⁷⁰.

Его подчиненные генералы Яшар Бююканыт и Илтер Башбуг стояли перед дилеммой. Если бы Башбуг и Бююканыт публично критиковали НГШ, то они не только нанесли бы ущерб публичному имиджу армии, но и сделали бы себя открытыми для обвинений в несоблюдении субординации, предоставляя генералу Озкеку удобный предлог отправить их в отставку до истечения срока его полномочий на посту начальника Генерального штаба в августе 2006 г.

В это время на политическом горизонте забрезжила новая проблема. Многие сторонники лаицизма были даже больше озабочены перспективой того, что может произойти, когда Ах-

мед Сезер завершит свой президентский срок в мае 2007 г. По турецкому законодательству президент избирается мджлисом. Громадное большинство ПСР в мджлисе означает, что она будет реально способна провести своего собственного кандидата. С тех пор как ПСР взяла власть, Сезер отклонил несколько законов и блокировал назначение на ключевые посты в государственном аппарате сотен сторонников ПСР. Было известно, что у Тайипа Эрдогана вместе с министром иностранных дел Абдуллахом Гюлем, наиболее вероятным кандидатом, который заменит его на посту премьер-министра, имелись президентские амбиции⁷¹. В последние месяцы 2005 г. и в 2006 г. при сохраняющемся отсутствии политической партии, которая могла бы бросить вызов ПСР, многие лаицисты начинают вновь смотреть в сторону армии. Это было особенно заметно по ведущим турецким газетам. Колумнисты, которые до этого всего лишь несколькими годами раньше нападали на армию за ее вмешательство в политику, начали приглушать свою критику. Как отмечает Гарет Дженкинс, «многие из этих коммунистов также находились среди тех, кто устроил военным овацию на брифинге для прессы весной 1997 г.»⁷². Тем временем в Генеральном штабе сторонники жесткой линии считали время, оставшееся до того дня, когда уйдет Озкек и его место займет Бююканыт. Они были не единственными, кто ожидал, что новый начальник Генерального штаба будет более напорист и тверд.

Приход на смену Хильми Озкеку генерала Яшара Бююканыта совсем не устраивал исламистов. Поэтому вокруг этого будущего назначения развернулась самая настоящая интрига. Были предприняты весьма изощренные шаги, чтобы ему воспрепятствовать. В марте 2006 г., т.е. всего за пять месяцев до назначения на пост НГШ, сторонник ПСР, прокурор г. Ван Ферхат Сарыкая (юго-восточная Анатолия) безуспешно попытался впутать Бююканыта в уголовное дело по обвинению во внесудебном убийстве подозреваемого сторонника РПК, совершенном 9 ноября 2005 г. агентами жандармерии в городе Шемдинли. Это была тактическая ошибка исламистов. В деле не только отсутствовали свидетельства, достаточные для того, чтобы инкриминировать Бююканыту участие, но и сама попытка впутать генерала просто возмутила всех его сторонников.

Худшее для исламистов должно было последовать позже. 10 мая 2006 г. Эрдоган немедленно покинул церемонию по случаю годовщины Государственного Совета, высшего адми-

нистративного суда Турции, после того как председатель Суда предостерег, что республика находится под угрозой со стороны религиозного фундаментализма⁷³. 17 мая Алпарслан Арслан, 28-летний адвокат, симпатизирующий ультранационалистам и исламистам, прошел в здание Государственного Совета в Анкаре и застрелил одного из судей, Мустафу Юджеля Озбильгина и ранил четырех других. Когда он был арестован, Арслан сказал полиции, что он совершил убийство в знак протеста против запрета на ношение хиджаба⁷⁴.

Расследование полиции предположило, что Арслан действовал по собственной инициативе. Но для многих лаицистов он представлял всех тех, кто выступал против запрета на хиджаб. Похороны Озбильгина в Анкаре вылились в анти-ПСР-овскую манифестацию. Эрдоган отказался присутствовать, предпочитая открыть новое шоссе на средиземноморском курорте в Анталии. Однако Генштаб выступил в полном составе. Весь военный персонал, дислоцированный в столице, присутствовал на похоронах, включая высшее командование, которое прошло на траурную церемонию по улицам под приветствия и аплодисменты участников похорон. Вследствие нападения на Государственный Совет различные элементы турецкой судебной системы выпустили совместное заявление, призывавшее все институты, ответственные за защиту лаицизма, выполнить свои обязанности⁷⁵. Никто не сомневался в том, что во главе этих институтов находился Генеральный штаб.

В начале лета 2006 г. группы внутри ПСР начали кампанию по диффамации Бююканыта, включая электронные сообщения (электронная почта), факсы и различного рода истории, публиковавшиеся в исламистской прессе, где выдвигались среди прочего предположения о его якобы еврейском происхождении. В ответ действующие и отставные генералы, включая бывших начальников Генерального штаба, засыпали Озкека электронными письмами, факсимильными посланиями и телефонными звонками, предупреждая его не пытаться препятствовать Бююканыту стать его преемником. В начале августа 2006 г. Сезер направил письма Хильми Озкеку и Эрдогану, предлагая им немедленным одобрением назначения Бююканыта пресечь любые спекуляции. Они согласились. Несколько дней спустя генерал Башбуг был назначен на пост командующего сухопутными силами и ожидалось, что он сменит Яшара Бююканыта, когда последний выслужит свой срок в августе 2006 г.

Мало у кого в Турции были сомнения, что назначение Бююканыта в качестве начальника Генерального штаба означало начало новой эры в отношениях между армией и гражданской политической элитой. В конце июля 2006 г. журнал «Темпо», имеющий в Турции крупнейший тираж, опубликовал на 10 страницах располагающий к себе портрет Бююканыта под многозначительным названием «Сокол с сердцем голубя»⁷⁶. 28 августа церемонию передачи полномочий от Озкека Бююканыту транслировали 11 телевизионных каналов. Уже в ходе церемонии Бююканыт, принимая командование, огласил свое первое предупреждение правительству, заявив: «Защита фундаментальных принципов республики не является предметом внутренней политики, это обязанность армии»⁷⁷. В конце сентября 2006 г. командующие сухопутными войсками, военноморскими силами и ВВС, каждый по отдельности, сделали публичные заявления, предупреждая об угрозе, создаваемой Турцией исламским фундаментализмом. 2 октября Бююканыт выступил с обращением по случаю начала нового учебного года в Военной академии в Стамбуле, которое вновь транслировалось по 11 телевизионным каналам. В своем обращении Бююканыт прямо указал на правительство, предупреждая, что Генеральный штаб никогда не позволит подрывать лаицизм. В аудитории Военной академии находился бывший начальник Генштаба генерал Кывыркоглу, громко заявивший после окончания выступления Бююканыта: «Наконец, наше четырехлетнее молчание закончилось»⁷⁸.

Речь Бююканыта имела двух адресатов: во-первых, военную элиту и офицерский корпус, которых необходимо было успокоить; во-вторых, правительство и его сторонников, которых следовало предупредить. В декабре новый НГШ продемонстрировал также свою готовность высказываться и по вопросам внешней политики. Когда в прессе появились утечки информации о том, что правительство ПСР с целью сохранить рабочий характер переговорного процесса о вступлении Турции в ЕС якобы готово открыть один из портов для захода кипрских судов, генерал Бююканыт резко осадил правительство за то, что оно предварительно не проконсультировалось с Генеральным штабом⁷⁹. Однако ЕС не только отверг предложение правительства Турции как явно недостаточное, но и с 11 декабря 2006 г. приостановил вплоть до открытия для кипрских судов и самолетов всех портов и аэропортов Турции переговоры по

8 из 35 тем процесса вступления. Внутри Турции данное решение было воспринято как еще одно доказательство того, что ЕС не имеет намерения когда-либо принять Турцию в качестве члена. В конце декабря 2006 г. опросы общественного мнения показали, что поддержка вступления в ЕС сократилась в Турции до 30–35%⁸⁰.

14 февраля 2007 г. в речи, произнесенной в ходе визита в Вашингтон Бююканыт попытался одновременно успокоить турецких сторонников лаицизма и передать тонко завуалированное предупреждение правительству Турции. Он отметил, что существуют «динамичные силы, защищающие Турцию», и добавил: «Турция является демократическим, светским, социальным и унитарным государством. Не существует и никогда не будет существовать силы, которая может заставить ее свернуть с этого пути. Турецкая Республика – это республика, основанная Ататюрком, и эта республика выживет со своим строем, со своими основополагающими принципами вплоть до скончания века»⁸¹.

Мало сомнений в том, что Бююканыт в отличие от Озкека имеет поддержку большинства турецкого офицерского корпуса. Но с этим приходит громадное бремя ожиданий, не только внутри Генштаба, но также и со стороны гражданских лаицистов.

Турецкая общественность привыкла к активной роли, которую армия играет в политической жизни. Внутри государства армия является совершенно автономным институтом, выполняет важную функцию в процессах принятия политических решений, и в своем качестве как «стража государственного суверенитета» структурирует и контролирует политическую власть. Поэтому фактически в турецкой политической системе господствует поставленная с ног на голову иерархия: армия исключена из политического контроля, но политическая власть подконтрольна надзору военных. Понятие «система военного патронажа» довольно точно описывает функционирующий в Турции строй⁸².

Тем не менее могут быть периоды, отмеченные прямым вмешательством армии в политику, когда «система ненавязчивой опеки» превращается в «систему непосредственного руководства». Основным мотивом, который стоит за случаями вмешательства, происходящими в среднем каждые десять лет, является факт того, что рамки дискурса, определяемые военными как «официальное мнение государства», серьезно оспа-

риваются оппонентами или же когда, как в настоящее время, социальная и политическая динамика в повседневной жизни и политике заходит за границы, определенные армией, подводя страну к критическому положению.

К апрелю 2007 г. Турция достигла подобной критической точки. На первый взгляд, казалось, что основанием для данного кризиса является крушение двойной исполнительной власти – президент и премьер-министр – модель, которая, согласно замыслу военной элиты, представляет дифференциацию между государственной властью и политической властью. Данная модель базировалась на существовании президента, который как представитель государства в целом не нес политической ответственности, но тем не менее обладал значительными политическими полномочиями, включая назначение высших гражданских чиновников и судей судов высшей инстанции.

Когда «президентский замок» должен был вот-вот перейти к правящей ПСР, за политическим гулом последовало вмешательство армии. В своем заявлении 27 апреля 2007 г. армия объявила, что «она выполнит свои обязанности», т.е. возьмет власть, если правительство не будет действовать с должным уважением к интересам государства⁸³.

Интересна в этой связи реакция общества на этот ожидаемо неожиданный демарш армии⁸⁴. Ничто не напоминает прежние времена, когда политики смиренно внимали словам генералов. На жесткое заявление Генштаба, направленное против антилаицистских выступлений, правительство дало ответ в похожем тоне. В его заявлении, оглашенном министром юстиции и одновременно пресс-секретарем кабинета Джемилем Чичеком, а затем размещенном на официальном сайте правительства, сказано, что «выступление Генерального штаба, являющегося структурой, связанной с премьер-министром, с заявлениями, направленными против правительства, не может быть мыслимо в демократическом правовом государстве. Это заявление воспринято как противоправительственная позиция. Согласно конституции, вследствие своих обязанностей НГШ подчинен премьер-министру. Цель данного заявления – оказать давление на Конституционный суд»⁸⁵.

Пробудился и крупный бизнес. Последовала реакция авторитетной организации турецких предпринимателей ТЮСИАД. Ее президент Ялчиндаг, выступая в Самсуне, заявил: «Напряженность, возросшая в связи с заявлением НГШ, достигла сво-

ей высшей точки. Мы находимся перед лицом серьезного политического кризиса. Турция обладает способностью решать любые вопросы в рамках демократии. Созданное заявлением ГШ положение не является подходящим для демократии»⁸⁶. Серьезное предостережение армии звучит и в статье Д. Сазака: «Армия, испытывающая сильную склонность к вмешательству в политику, должна помнить о кризисе февраля 2001 года. Падающую экономику с помощью приказов и команд сложно поставить на рельсы» (Milliyet, 01.05.2007).

В турецкой политической традиции подобное предупреждение можно квалифицировать как «переворот второй степени»: хотя орудия молчали, но эффект был тот же. Фактически заявление армии достигло желаемых последствий. Конституционный Суд воспринял данное предупреждение со всей серьезностью, и президентские выборы были блокированы, а меджлис принял решение о досрочных выборах⁸⁷. На этой стадии с помощью принуждения и угроз военная элита попыталась защитить свою собственную политическую роль как стража существующего порядка путем предотвращения крушения дуализма исполнительной власти государства против модели политической администрации. (Ссылка в примечании: Поведение турецкого генералитета вписывается в одну из причин столкновения в рамках военно-гражданских отношений профессиональных военных с гражданской властью, сформулированных Сэмюэлем Файнером в своей известной работе «Человек верхом на лошади»: «Военные могут полагать, что находятся на службе у государства, а не на службе у правительства, которое в данный момент лишь пребывает у власти. А это может привести их к противопоставлению общества и временно занимающей свое место администрации»)⁸⁸. Поэтому кризис в нынешней Турции может быть определен как кризис самой государственной власти и управления.

Результаты парламентских выборов 22 июля 2007 г. и президентских выборов 30 августа свидетельствуют о том, что взгляды ПСР пользуются возросшей поддержкой. Они привели к поляризации общества по линии лаицизм-исламизм, символом которого стал хиджаб. Оценивая события, связанные с парламентскими выборами и выборами президента, можно прийти к заключению, что армия во главе с генералом Бююканытом и поддерживающие ее сторонники лаицизма, предводительствуемые Денизом Байкалом и НРП, борьбу проиграли: им не

удалось воспрепятствовать избранию Абдуллаха Гюля на пост президента Турции, а мощные митинги в защиту лаицистских и кемалистских ценностей, прошедшие в начале мая, не только не снизили уровень электоральной поддержки ПСР, но и не способствовали его росту у НРП.

Ныне происходит своего рода разделение обязанностей: столкнувшись с тем, что его предупреждения не возымели особого действия на премьера Эрдогана и руководство ПСР, и фактически потерпев неудачу воспрепятствовать А. Гюлю занять пост президента Турции, Генштаб как бы отступает на второй план, уступая место судебным органам. Ведь до этого Конституционный суд уже трижды запрещал исламистские партии. В начале января 2008 года прокурор Кассационного суда (Yargıtay Cumhuriyet Başsavcısı) Абдуррахман Ялчинкая, идя по стопам своего предшественника Вурала Саваша, сделал предупреждение в адрес ПСР⁸⁹. И вновь, в отличие от недавнего прошлого, жесткий ответ со стороны Эрдогана последовал немедленно. Выступая 19 января 2008 года в спортивном комплексе Халдун Алагаш на 2-й конференции женских организаций стамбульского района Умрание, он заявил: «В Турции ни у кого нет права выступать против национальной одежды. И не должно быть. Это личное предпочтение граждан. Пусть они перед нами то и дело не вытаскивают Конституцию. Мы не меньше них знаем Конституцию. Если в этой стране существует принцип разделения властей, если в этой стране законодательная, исполнительная и судебная власти не будут вмешиваться в дела друг друга, каждый должен очень хорошо знать свое место и свои вопросы. Никто не может рассматривать и ставить себя выше исполнительного или законодательного органа. Пусть так и знает. Особенно никто не может ставить себя в положение законодателя мнений, и судебная инстанция не является подобным законодателем»⁹⁰.

Углубление демократии обычно ведет к демократической консолидации, но только не в сегодняшней Турции. Наоборот, расширение демократических рамок и углубление демократии во все большей степени демонстрируют глубокий раскол в турецком обществе, делая, таким образом, и саму демократию более хрупкой. Поэтому парламентские выборы 22 июля 2007 г. должны рассматриваться в контексте все более поляризующегося общества.

Атмосфера, царящая в обществе с момента прихода к власти ПСР, наполнена тревожным ожиданием событий. Али

Биранд пишет: «После переворота 12 сентября 1980 г. и вплоть до сегодняшнего дня говорят о том, при каких условиях и когда армия вновь вмешается в политику, т.е. вопрос этот стоит постоянно, и все ждут. При этом никаких особых возмущений нет, что для демократии крайне ненормально. Причем никто даже не думает, что армия выступит в связи с Кипром или же курдским вопросом. Единственным предлогом для переворота видится лаицизм. Между тем сегодня даже по вопросу лаицизма видна невозможность переворота. Изменился характер отношений ВС со значительной частью общества. Все изменилось после 28 февраля 1997 г.»⁹¹.

Военная элита рано или поздно вынуждена будет примириться с реалиями действительности. Абдуллах Гюль – конституционный глава государства, верховный главнокомандующий, обладающий правом уволить в отставку любого генерала. К тому же постоянная демонстрация своего неодобрения и неприятия во время различного рода протокольных мероприятий, во-первых, выглядит несолидно, тем более, что каждый подобный случай тут же освещается в СМИ; во-вторых, она не приносит никаких видимых результатов; в-третьих, она не может продолжаться слишком долго и рано или поздно должна закончиться. О том, что «лед тронулся», свидетельствуют события, происшедшие во время церемонии встречи жены президента Гюля Хайрюннисы Гюль по возвращении ее из первой зарубежной поездки в Пакистан. Как пишет под заголовком «Первое рукопожатие» газета «Миллиет», «в аэропорту Эсенбога среди встречавших находился командующий Центральным районом Анкары генерал Наджи Оздемир, с которым она (жена президента. – В.Ш.) обменялась рукопожатием»⁹².

Сейчас Турция стоит на пороге серьезных событий, затрагивающих ее правовую систему, идеологические основы государства, ее ожидает принятие новой конституции, должен быть окончательно решен вопрос с исламскими символами, одним из которых является мусульманский женский головной убор хиджаб. Все эти проблемы носят для турецкого общества острый характер, и при неблагоприятном развитии событий борьба вокруг этих ценностей может серьезно дестабилизировать ситуацию в стране. В современной Турции на смену поляризации (дихотомии) общества на правых и левых, имевшей место в 60–70-х гг., в 90-е гг. приходит противостояние сторонников лаицизма и исламистов. Именно эта дихотомия, углубляющая-

ся с момента прихода к власти 3 ноября 2002 г. происламской Партии справедливости и развития, и активная вовлеченность в нее армии на стороне защитников принципов кемализма придает своеобразие нынешнему политическому процессу. В политике существует два типа борьбы: борьба за ценности (смыслы) и борьба за интересы. Как писал профессор А.С. Панарин, «принцип интереса в политике повышает рациональность поведения участников. Напротив, там, где человек отстаивает священные принципы и ценности, от него требуются бескомпромиссность, жертвенность, героическая решительность. Эти качества с точки зрения морального принципа выглядят несравненно предпочтительнее, чем прагматическая рассудочность и эгоизм, но с точки зрения правового принципа нормативной беспристрастности и стабильности все выглядит как раз наоборот. Прагматики договариваются, достигают компромисса, отступают, когда надо, и умеют ждать своего часа. Ценностно воодушевленные искатели правды в политике опасны для нее тем, что склонны доводить свою борьбу «до конца», питают отвращение к компромиссам и готовы торжество принципа ставить выше политической стабильности»⁹³. В сегодняшней Турции борцами за ценности можно назвать именно сторонников лаицизма. «Принцип отделения ценностей от интересов требует не только секуляризации политики, в собственном смысле слова, но и ее деидеологизации»⁹⁴. Следует признать, что на данный момент Турецкая Республика является идеологическим государством, где кемализм и есть государственная идеология.

Бесспорно, все слои турецкого общества смотрят сейчас в сторону армии: одни в твердой уверенности, что она, наконец, остановит «фанатичных» исламистов, а другие ожидают от нее взвешенного поведения, ибо в нынешних обстоятельствах, когда практически полстраны выразило поддержку Эрдогану и его партии, а армия занята ведением трансграничной операции против отрядов Курдской рабочей партии, результаты которой пока трудно назвать блестящими⁹⁵, военная элита стоит перед необходимостью принимать непростые решения. Полномасштабное выступление армии в Турции является сейчас лишь гипотетической возможностью, не в меньшей степени потому, что прошлый опыт показал, что перевороты не могут гарантировать долговременной стабильности и наносят ущерб общественному престижу Генерального штаба.

Итак, между военными и гражданскими властными структурами отношения в Турции всегда характеризовались комбинацией преемственности и перемен. С 1930-х гг. военные смотрели на себя как на гаранта внутренней стабильности и территориальной целостности, стража идеологического наследия Ататюрка и мистическое воплощение турецкой нации. Несмотря на недавние правовые нововведения, которые ограничили некоторые из инструментов, используемых армией в качестве политического рычага, правовые основы для выполнения ее роли и обязанностей остаются неизменными уже свыше 70 лет. Однако форма, в которой армия пыталась реализовать свою интерпретацию этих обязанностей и гарантировать, что правительственная политика остается в рамках, которые она считает приемлемыми, всегда была предметом для изменения.

Подобным образом, хотя армия всегда традиционно пользуется значительным уважением среди массы населения в Турции, степень этого уважения варьируется между различными сегментами общества и соответственно превалирующим обстоятельствам. Некоторые из ее обожателей даже становятся раздраженными авторитарной самоуверенностью армии в периоды стабильности и экономического подъема; в то время как многие из ее самых жестких критиков без особых колебаний обращаются к ней, когда, как им кажется, страна движется к хаосу или кемалистские ценности находятся под угрозой.

В начале 2008 г. Турция производит впечатление страны, движущейся к периоду поддерживаемой неопределенности на фоне замедляющейся экономики, угасающих надежд на прием в ЕС, поднимающегося национализма и растущих трений с курдами Северного Ирака. В такой среде и при продолжающемся отсутствии политической партии, способной бросить вызов ПСР, многие турки вновь опять будут смотреть на армию страны не только как на силу для стабильности, но и как на оппозицию правительству де-факто.

¹ Jenkins G. Continuity and change: prospects for civil-military relations in Turkey. // *International Affairs*, vol. 83, 2007, n. 2, c. 340.

² Шлыков В.И. Кризис кемалистского режима в Турции во второй половине 40-х годов XX века. // *Труды Института практического востоковедения*. М., 2005, т. I, с. 244–268.

- ³ Narlı N. Civil-military relations in Turkey. // Turkish Studies, vol. 1, n. 1, (Spring 2000), c. 107.
- ⁴ Milliyet, 04.10.2006.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Huntington S.P. Political order in changing societies. New Haven – London, Yale University Press, 1969.
- ⁷ Milliyet, 04.10.2006.
- ⁸ Birand M.A. Emret komutanım. İstanbul, 1987, c. 416.
- ⁹ См. Ipekçi A., Coşar Ö. İhtilalin iç yüzü, İstanbul, 1965, c. 11–28.
- ¹⁰ Birand M.A. Emret komutanım. İstanbul, 1987, c. 414.
- ¹¹ Sakallıoğlu Ü.C.Op.cit., c. 152.
- ¹² Sakallıoğlu Ü.C. The Anatomy of the Turkish military's political autonomy. // Comparative Politics, January 1997, c. 151.
- ¹³ См.: Ahmad F. The Turkish experiment in democracy 1950–1975. Westview Press, Boulder, 1977.
- ¹⁴ İba Ş. Ordu, devlet, siyaset. İstanbul: Çiviyazlar, 1998, c. 190–192.
- ¹⁵ Resmi Gazete, 10.01.1961, № 10703.
- ¹⁶ Milliyet, 10.04.2007.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Цит. по: Конституции государств Европы. М.: Норма, 2001.
- ¹⁹ См.: Resmi Gazete, № 18218, 9.11.1983.
- ²⁰ Milliyet, 10.04.2007.
- ²¹ Цит. по: Конституции государств...
- ²² См.: Resmi Gazete, № 18218, 11.11.1983.
- ²³ Jenkins G. Continuity and change: prospects for civil-military relations in Turkey. // International Affairs, vol. 83, 2007, n. 2, c. 344.
- ²⁴ Ibid., c. 344.
- ²⁵ Jenkins G. Op. cit., c. 345.
- ²⁶ Bölükçiray N. 28 şubat süreci. Ankara, Tekin Yayınevi, 1999, c. 99–117; 149–166.
- ²⁷ Hale W. Turkish politics and the military. London, Routledge, 1994, c. 294–295.
- ²⁸ Bayramoğlu A. 28 şubat. Bir müdahalenin güncesi. İstanbul, Birey Yayıncılık, 2001, c. 207–209.
- ²⁹ Bayramoğlu A. Op. cit., c. 100–105.
- ³⁰ Bölükçiray N. Op. cit. c. 36.
- ³¹ Jenkins G. Op. cit., c. 346.
- ³² Ibid., c. 346.
- ³³ Bölükçiray N. Op. cit., c. 137–139; Bayramoğlu A. Op. cit., c. 156–165.

- ³⁴ Milliyet, 22.05.1997.
- ³⁵ Yeni Şafak, 27.02.2006.
- ³⁶ Jones G. Turk general rattles sabre before «coup» anniversary. 27.02.2007, www.globalresearch.ca
- ³⁷ Milliyet, 15.06.1997.
- ³⁸ Milliyet, 18.01.1998.
- ³⁹ Jenkins G. Op. cit. c. 347.
- ⁴⁰ Hürriyet, 19.04.1999.
- ⁴¹ Sabah, 23.06.2001.
- ⁴² Resmi Gazete, 18.06.1999, n. 23729; Resmi Gazete, 22.06.1999, n. 23733.
- ⁴³ Resmi Gazete, 17.10.2001, n.24556.
- ⁴⁴ Resmi Gazete, 18.01.2003.
- ⁴⁵ Yeni Şafak, 28.11.2006.
- ⁴⁶ Hürriyet, 13.03.1999.
- ⁴⁷ Milliyet, 4.11.2002.
- ⁴⁸ См.: Birand M. Emret komutanım, İstanbul, Milliyet Yayınları, 1987.
- ⁴⁹ Milliyet, 11.04.2007.
- ⁵⁰ Milliyet, 28.11.2002.
- ⁵¹ Milliyet, 28.03.2002.
- ⁵² Milliyet, 29.03.2002.
- ⁵³ Ergin S. Manşet vermeyen ilk Genelkurmay Başkanı. // Hurriyet, 3.11.2002.
- ⁵⁴ Heper M. The Justice and Development Party Government and the Military in Turkey» // Religion and Politics in Turkey. London, Routledge, 2006, c. 75.
- ⁵⁵ Hurriyet 27.08.2003.
- ⁵⁶ Milliyet, 29.08.2004.
- ⁵⁷ Hurriyet, 9.01.2003.
- ⁵⁸ Milliyet, 04.10.2004.
- ⁵⁹ Heper M. Op.cit., c. 76.
- ⁶⁰ Hurriyet, 6.11.2003.
- ⁶¹ Milliyet, 10.01.2003.
- ⁶² Heper M. Op.cit., c. 77.
- ⁶³ Heper M. Op.cit., c.78.
- ⁶⁴ Hurriyet, 01.05.2003.
- ⁶⁵ Jenkins G. Op. cit., c. 349.
- ⁶⁶ Hurriyet, 14.10.2003.
- ⁶⁷ Milliyet, 7.05.2004.

-
- ⁶⁸ Radikal, 04.07.2004.
- ⁶⁹ Milliyet 26.01.2005.
- ⁷⁰ Jenkins G. Op.cit. с. 357.
- ⁷¹ Jenkins G. Op. cit., с. 352.
- ⁷² Jenkins G. Op.cit., с. 352.
- ⁷³ Milliyet, 11.05.2006.
- ⁷⁴ Hurriyet, 18.05.2006.
- ⁷⁵ Cumhuriyet, 27.07.2006.
- ⁷⁶ Tempo, 27.07.2006.
- ⁷⁷ Sabah 28.08.2006.
- ⁷⁸ Milliyet, 29.08.2006.
- ⁷⁹ Jenkins G. Op.cit., с. 355.
- ⁸⁰ Jenkins G. Op.cit., с. 356.
- ⁸¹ Radikal, «Cumhuriyet en riskli dönemde», 15.02.2007.
- ⁸² Bayramoğlu A.. The Limits of democracy, or «Seizure of the state from within» // The Two souls of Turkey, Summer, 2007, с. 7.
- ⁸³ Milliyet, 28.04.2007.
- Профессор Х. Оздемир так оценивает поведение армии: «После 12 сентября время переворотов завершилось. Теперь у военных другой подход. Меморандум 28 февраля 1997 года продемонстрировал вхождение в новый период. Заявление 27 апреля показало, что вооруженные силы могут попытаться реализовать свою роль по защите конституционных и республиканских принципов с помощью скромного заявления для печати... Совершение переворотов традиция не кемалистская, а младотурецкая. Как любой человек или организация претерпевают изменения, точно также руководство ВС и сами военные структуры переживают сейчас серьезные перемены. Это можно назвать превращением в некий вид инспекции общества». [Milliyet, 19.01.2008]
- ⁸⁴ Мало кто на турецкой политической сцене может конкурировать с потенциальной значимостью военного истеблишмента, и в то же время мало что содержит в себе столь много непредсказуемого [Harris G. The Role of the military in Turkey: Guardians or decision-makers? State, democracy and military Turkey in the 1980s. Berlin-N.-Y., 1988, с. 179].
- ⁸⁵ Milliyet, 29.04.2007.
- ⁸⁶ Milliyet, 01.05.2007.
- ⁸⁷ Bayramoğlu A. Op.cit., с. 8.
- ⁸⁸ Finer S. The Man on the Horseback: the Role of the military in politics. Penguin Books, 1976, с. 22–23.

-
- ⁸⁹ Hurriyet, 17.01.2008.
- ⁹⁰ Milliyet, 19.01.2008.
- ⁹¹ Milliyet, 23.05.2007.
- ⁹² Milliyet, 6.12.2007.
- ⁹³ Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М.: Книжный дом «Университет», 2000. с. 150–151.
- ⁹⁴ Панарин А.С. Цит. соч., с. 151.
- ⁹⁵ Недаром даже такой деятель, как лидер Партии националистического движения Юсуф Бахчели призвал в связи с этим генерала Бююканыта уйти в отставку. Milliyet, 11.12.2007.

Г.М.Зиганшина

СИТУАЦИЯ ВОКРУГ ПАРЛАМЕНТСКИХ И ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ТУРЦИИ В 2007 г.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Спустя пять лет после внушительной победы в ноябре 2002 г. происламской Партии справедливости и развития, сформировавшей однопартийное правительство, противостояние исламистов и лаицистов во главе с высшими армейскими офицерами достигло кульминационной фазы. Среди основных событий 2007 года – досрочные парламентские выборы, на которых вновь победила ПСР, что позволило ей провести в президенты своего кандидата и, таким образом, сосредоточить в своих руках основные ветви государственной власти, провести конституционные поправки, отменяющие сложившуюся традицию избрания президента в парламенте, и даже начать готовить покушение исламистов на «священную корову» – кемалистскую идеологию. Наконец, начало военной операции турецкой армии против баз Рабочей партии Курдистана (РПК) в Северном Ираке – также закономерный результат этой внутривнутриполитической борьбы.

Основные события внутривнутриполитического кризиса 2007 г. разворачиваются вокруг фигуры Абдуллаха Гюля¹, вице-премьера и министра иностранных дел предыдущего кабинета, избранного президентом страны. Символично, что с его приходом количество невоенных президентов страны практически сравнялось с числом президентов из военной среды.² В свои 57 лет он стал одним из самых молодых президентов наряду с М.К.Ататюрком, возглавившим страну в 42 года, и И.Иненю, занявшим эту должность в 54 года. Наконец, он стал первым главой государства, чья супруга, как и жены многих первых лиц нынешнего правительства, носит мусульманский платок – упрощенную форму арабского хиджаба. Между тем в Турции ношение платков в госучреждениях, учебных заведениях и официальных представительствах строго запрещается законом как

несовместимое со светским образом жизни. Позиция светских сил в лице армейского генералитета, Высшего комитета по образованию и судебных органов в этом вопросе одинаково жестка как в отношении простых граждан, так и власть имущих. Светская оппозиция блокирует различные законодательные инициативы ПСР, направленные на легализацию платков; студентки, покрывающие головы, подвергаются дисциплинарным взысканиям вплоть до исключения из учебных заведений, митинги в защиту ношения платков разгоняются самым решительным образом. Так, митинг «закрытых» активисток в Изми-те, организованный правозащитной организацией «Мазлюм-дер» 13 апреля 2007 года, был разогнан полицией с применением дубинок и слезоточивого газа.³

Помимо платка жены, другой волнующей светских избирателей Турции темой является прошлое А.Гюля, а именно – принадлежность к происламскому движению, обвиняемому светской частью общества в покушении на лаицизм, в стремлении привнести в существующий государственный порядок шариатские нормы. По этому поводу А.Гюль неоднократно заявлял, что религия – универсальная ценность, очень личная, несовместимая с государственными делами. Но, впрочем, ее роль не следует приуменьшать, беря пример с членов консервативных европейских партий, которые регулярно ходят в церковь. Непокоримой ценностью для сторонников лаицизма в Турции является также национализм, которому исламисты традиционно противопоставляют религиозную солидарность. Свое отношение к национализму Гюль выразил, назвав себя «гражданином Турции, выросшей из османской традиции, где все народы были равны».⁴

В отличие от преемственных путей к президентскому креслу А.Гюля был наиболее долгов – эпопея с его избранием продлилась четыре с половиной месяца. В прессе в качестве наиболее вероятных кандидатов на пост президента назывались сам Р.Т.Эрдоган, А.Гюль, государственный министр Б.Ата-лай,⁵ нынешний генеральный секретарь Организации Исламская конференция Э.Ихсаноглу. Кроме того, рассматривались другие представители ПСР: депутат от Анкары Э.Ярбай, депутат от г.Коджаэли В.Генюль, спикер ВНСТ Б.Арынч.

Неудивительно, что Эрдоган медлил с обнародованием имени А.Гюля, вплоть до самого голосования сохраняя свое решение в тайне. Многочисленные лидерские устремления

внутри ПСР свидетельствуют о том, насколько велик был риск размежевания различных группировок внутри партии, во многом построенной вокруг личной харизмы Эрдогана, в случае выдвижения им собственной кандидатуры и ухода с поста ее председателя. Именно поэтому премьер-министр воздержался от этого шага, остановив выбор на своем «втором номере». Другой причиной, по которой премьер-министр колебался с определением преемника А.Н.Сезеру, несомненно, было активное сопротивление «светских» граждан.

В апреле-мае 2007 года в разных уголках Турции при участии свыше 500 организаций, включая оппозиционные партии и их лидеров (Народно-республиканская партия, Демократическая левая партия, Рабочая партия Турции, Народная левая партия), различные неправительственные организации и профсоюзы (Общество ататюркистской мысли, Общество в поддержку современного образа жизни, Национальный союз гражданского общества, левое объединение профсоюзов ДИСК и др.), ректоров университетов, отставных военных, эстрадных исполнителей, прошли митинги в поддержку светского характера Турецкой Республики. Поражает их масштаб: шествие в Анкаре, начавшееся с выступления на площади Тандоган и продолжившееся у мавзолея Ататюрка, насчитывало 370 тысяч человек. На митинг в Стамбуле, прошедший 29 апреля на площади Чаглаян, собралось по разным оценкам, уже 1,5–2 миллиона участников, причем более 40% из них были женщины, что позволило обозревателю «Хьюриет» Э.Озкоку назвать стамбульский митинг «делом рук женщин».⁶ Другой рекорд стамбульского митинга заключался в том, что в городе в те дни было продано свыше 6 миллионов турецких флагов. Митинг в Измире, прошедший 13 мая в День матери и потому начавшийся с возложения цветов к могиле матери Ататюрка Зюбейде-ханым, насчитывал 200 тысяч участников.⁷

О целях проведения и требованиях этих акций можно судить по хлестким лозунгам, большинство из которых было направлено против Р.Эрдогана, кандидатуры А.Гюля и в защиту светскости («Турция – светская, и останется светской», «Нет молле в Чанкая», «Народ очнулся, имам⁸ упал в обморок», «Имам из Касымпаши,⁹ почем продал родину?»). В части лозунгов находчиво обыгрывалась эмблема Партии справедливости и развития – электрическая лампа («Не жги свет впустую – погаси лампочку», «Эдисон – и тот сожалеет», «Не уходите

в отпуск, не погасив свет»). Мнения демонстрантов по поводу роли армии в происходящем разделились: одни требовали оставить армию в покое и указывали на то, что военные должны обладать большими правами, чем простые чиновники на службе («Самые великие солдаты – наши», «Армия и народ – рука об руку», «Мы – солдаты нашей армии»), другие несли лозунги, где говорилось, что не армия, а народ должен решить судьбу страны демократическим путем («Народ – за дело, армию – в казармы», «Нет перевороту и шариату»). Измирцы сделали акцент на прозвище «неверные», которым во время одной из предвыборных кампаний наградил их Р.Т.Эрдоган («Мы – неверные измирцы, хозяева Эгейского моря, форпоста светскости», «Солнце сегодня восходит на Западе», «Я – неверный. Если любовь к родине и ататюркизм означают неверие, то я – измирец и горжусь этим», «Пусть те, кто живет на американские доллары и арабские реалы, проиграют нам, неверным», «Будьте такими же мусульманами, как неверные измирцы»).

Пресса широко и восторженно освещала демонстрации, видя в них проявление национальных чувств, верности республиканским принципам и любви к Ататюрку. Один из журналистов, Э.Чельашан сравнил их мощь с «пробудившимся ото сна, опомнившимся великаном».¹⁰ Другой, Ш.Кючюкшахин, назвал их митингами тех 66% турецкого общества, которые не голосовали за ПСР на выборах 2002 г., отметив, что партия извлекла выгоду из демократической процедуры выборов, но, придя к власти, повела себя недемократично, игнорируя оппозицию и избирателей, голосовавших против них, доказав тем самым, что народное волеизъявление хорошо лишь тогда, когда работает в интересах ПСР.¹¹ Авторы задавались вопросом: правильно ли эрдогановцы поймут призывы митингующих, прислушаются ли к их требованиям? Кандидатуру А.Гюля СМИ также восприняли с опаской. Наиболее распространенной реакцией стала тревога по поводу того, что светские ценности окажутся под угрозой, в исполнительную власть «просочатся тюрбаны» (т.е. исламисты), особенно часто упоминался тот факт, что жена Гюля подала в суд на собственное государство.

Реакция лидеров ПСР на митинги была довольно прохладной и скептической. Эрдоган в своих выступлениях отмечал, что не все участники митингов были настроены против ПСР, к тому же при желании правительство могло бы организовать альтернативные им шествия, однако это было бы безответст-

венно. В другой раз он заявил, что его партия уважает свободу собраний, но не будет устраивать ответные митинги, т.к. не хочет поляризации общества. По поводу основного лозунга демонстрантов – «Турция – светская и останется светской», Эрдоган отметил, что и его партия также строго придерживается лаицизма, поэтому причина конфликта для него неясна.

Звучали и довольно резкие, вызывающие оценки, такие, например, как у министра образования от правящей партии Х.Челика, выступавшего с речью в г. Конья: «Пресмыкающиеся не любят света, он слепит им глаза. Так и наше служение государству ослепило некоторых. Неискренне, выучив пару лозунгов, выйти на площадь и кричать о патриотизме и национализме».¹² Мэр стамбульской провинции, г.Эсенюрт, Н.Кадыоглу избрал мишенью одного из своих выступлений измирские лозунги как оскорбляющие религиозные чувства: «Мы хорошо знаем этот Измир. Пусть вспомнят, кого наши деды бросали в Эгейское море, и не играют с нашей верой».¹³ Н.Кадыоглу также удивил общественность тем, что переименовал местный парк имени «75-летия Республики» в «Парк купчей и кадастра».

Особый интерес общественности вызывала позиция военных. 12 апреля глава Генерального штаба Яшар Бююканыт озвучил пожелания армии в отношении кандидата в президенты: «Он должен быть не на словах, а на деле верен конституционным принципам». После того, как претендентом от ПСР был назван А.Гюль, армейская верхушка забила тревогу: на сайте Генштаба было опубликовано заявление об угрозе режиму, сходное по содержанию с речью А.Н.Сезера в военном училище.

Поводом послужил вечер чтения коранических сур в г.Денизли, устроенный 18 апреля местным муфтиятом совместно с городской партией ПСР в честь дня рождения пророка Мухаммеда, в котором участвовали школьницы в платках. С точки зрения содержания, а также речевых оборотов воззвания, ставших уже своего рода штампами, текст заявления можно назвать подлинным манифестом кемализма: «В последнее время наблюдается рост активности кругов, пытающихся разрушить основные принципы турецкого государства, в особенности лаицизм. Эта активность расцвела на благодатной почве благодаря отдельным чиновникам и представляет собой попытки по-новому трактовать универсальные ценности, а также создавать символы, альтернативные нашему флагу – воплощению независимости государства и единства нации. Те,

кто ведет подобную деятельность, не стесняются злоупотреблять религиозными чувствами граждан, скрывают свои подлинные намерения, маскируя антигосударственную направленность своих действий под видом религии».¹⁴

В заявлении скрупулезно перечислены все обнаруженные военными нарушения принципа лаицизма государственными чиновниками, включая проведение религиозных чтений в честь дня рождения пророка в Урфе, Мардине, Газиантепе и Диярбакыре, а также злополучный вечер в Денизли.

Наибольшие разногласия среди наблюдателей относительно дальнейших намерений военных вызвал финальный пассаж заявления: «Турецкие вооруженные силы (ТВС) с озабоченностью следят за ситуацией, не нужно забывать, что, будучи гарантом лаицизма, турецкая армия не может оставаться в стороне, и открыто и решительно выразит свое отношение к проблеме. ТВС сохраняют за собой право, данное им законом, защищать республиканские принципы, и последовательно и решительно настроены в этом отношении».¹⁵

Меморандум посеял среди многих граждан беспокойство и боязнь нового военного вмешательства, так что в последующие дни оно упоминалось в СМИ не иначе, как «виртуальный ультиматум» (тур. «e-muhtıra»). В прессе отмечалось, что ситуация чрезвычайно напоминает обстановку 1971 г., когда в результате схожего меморандума правительство С.Демиреля было вынуждено уйти в отставку. Газеты обратились за комментариями к отставным военным и участникам прошлых военных переворотов – генералам К.Эврелю, Н.Озгену, Х.Толону и др. Те в целом с удовлетворением восприняли заявление Генштаба, признав, что его мишень – министерства образования и внутренних дел, а также спикер парламента, а цель – отстранение Гюля от участия в выборах.¹⁶ Некоторые журналисты полагали, что даже если реакция в стране приняла угрожающие размеры, то тем не менее заявление военных антидемократично и несовместимо с атмосферой народного волеизъявления, царящего на митингах, и не армии, а парламенту решать, как быть с кандидатурой Гюля.

Западные представители также предостерегали военных от нарушения гражданских свобод. Глава Комиссии по расширению ЕС Оли Ренн заявил, что президентские выборы должны проходить демократическим путем, без каких-либо посторонних вмешательств. Необходимо уважать всенародно из-

бранное правительство, и данная ситуация является «тестом», проверкой для военных.¹⁷ Различные европейские депутаты и общественные деятели, включая бывшего министра иностранных дел Германии Й.Фишера, подписали открытое письмо с осуждением позиции армейской верхушки. В письме говорилось, что угроза лаицизму преувеличена военными, а турецкая законодательная система никогда не была так близка к европейским стандартам, как при кабинете ПСР.¹⁸ Заместитель госсекретаря США Дэн Фрид также подчеркнул, что турецкий президент должен быть избран политическим путем.¹⁹

Отдельные чиновники отважились требовать отставки главы Генштаба, например, депутат ПСР М.Х.Кутлу, за что получил предупреждение от руководства своей партии. Р.Эрдоган также позвонил Я.Бююканыту, чтобы подтвердить приверженность правительства светскости, а также сообщил, что вопросы, связанные с нарушением этого принципа в школах, расследуются. После встречи Эрдогана с Бююканытом заявление Генштаба «по техническим причинам» перекочевало в архив сайта. Вероятно, Генштаб полагал, что избрание А.Гюля через парламент будет заблокировано. Поскольку в заключительной части заявления Генштаба говорилось, что тот, кто не согласен с известным патриотическим лозунгом Ататюрка: «Как счастлив тот, кто называет себя турком», является врагом республики, «Хюрриет» предположила, что ультиматум Генштаба, возможно, был адресован лично А.Гюлю, заметившему однажды, что эта формулировка, свято чтимая кемалистами, неуместна в горах провинции Диярбакыр, где, как известно, живут в основном курды.²⁰

Остаток времени до парламентских выборов прошел под знаком растущих разногласий между президентом и правительством. Незадолго до объявления кандидатуры Гюля президент А.Н.Сезер произнес в военном училище речь, в которой говорилось, что никогда еще турецкий режим не находился под такой угрозой, как теперь, и что внешние силы пытаются превратить Турцию в умеренную исламскую республику. Он упомянул о необходимости для президента быть верным конституционным принципам, которые в настоящее время открыты для атак со стороны внешних и внутренних врагов – сепаратистов, реакционеров, террористов. Их нападкам подвергаются также турецкие вооруженные силы. Президент отметил, что любой ислам – умеренный или радикальный – стремится к ша-

риату. Между тем Турция восемьдесят с лишним лет назад сделала выбор в пользу лаицизма.²¹ Несколько дней спустя на открытии музея Ататюрка в Чанкая президент вновь повторил слова об опасности режиму.

Интересно, насколько неоднозначно его слова были восприняты обществом. Опрос газеты «Хюрриет» показал, что с утверждением А.Н.Сезера согласны 51,7% опрошенных. Другая половина респондентов убеждена, что угроза режиму отсутствует, причем каждый пятый выбрал ответ «не согласен, поскольку это политическое манипулирование», и столько же человек присоединились к варианту, что если ситуация действительно настолько серьезна, то почему президент и Совет национальной безопасности до сих пор о ней молчали.²²

Другим последовательным противником законодательных инициатив ПСР стала Народно-республиканская партия. Поскольку избрание президента существующим составом парламента очевидно вело к победе кандидата от ПСР, оппозиция с самого начала призывала бойкотировать президентские выборы, чтобы приблизить проведение парламентских, которые могли поменять соотношение сил в ее пользу. Оппозиционеры «вспомнили», что формальным условием для избрания президента в 1-м и 2-м турах является участие в процедуре голосования не менее 367 депутатов, для 3-го тура достаточно простого большинства. Если же большинство не набрано, то кандидаты, набравшие максимум голосов, соревнуются в 4-м туре. Если и в этом случае выборы не состоялись, меджлис распускается, и проводятся новые выборы.²³

Сразу после оглашения результатов первого тура члены НРП обратились в Конституционный Суд с заранее подготовленным текстом, в котором обвинили спикера парламента в нарушении устава меджлиса и потребовали аннулировать результаты первого тура, где за Гюля проголосовало 357 человек из 361 присутствующих. Несмотря на немалые усилия, потраченные А.Гюлем на то, чтобы собрать кворум и убедить лидеров оппозиции и независимых депутатов принять участие в голосовании, большинство из них (Э.Мумджу, М.Агар, М.Караялчин, Э.Ширин, Я.Н.Озтюрк) присоединилось к бойкоту.

Конституционный суд удовлетворил обращение НРП, признав результаты первого тура выборов недействительными и создав тем самым прецедент к блокированию последующих голосований. Когда первый тур президентских выборов состо-

ялся повторно, Гюль вновь не набрал нужного кворума; видя, что выборы президента в меджлисе зашли в тупик, он снял свою кандидатуру. Не дожидаясь проведения следующего тура, председатель Центризбиркома М.Айдын назначил проведение досрочных парламентских выборов на 22 июля. Впрочем, их можно назвать досрочными лишь условно, поскольку по графику 30 июня меджлис так или иначе должен был уйти на каникулы, а парламентские выборы были намечены на ноябрь 2007 года.

Решение Конституционного суда было встречено противниками исламизма с ликованием, как и известие о досрочных парламентских выборах. Сторонники же ПСР восприняли постановление суда довольно болезненно. СМИ растиражировали заявление Р.Эрдогана, в котором он назвал его «пулей, выпущенной в демократию»,²⁴ и обвинил оппозицию в том, что она, так и не приобщившись к демократии, «наживается на имени Ататюрка», навязывает свою волю большинству, игнорируя национальные интересы. Он верно спрогнозировал, что «проблема 367» усложнит процедуру выборов президента в парламенте и в будущем.

Резолюция суда заставила сторонников А.Гюля задуматься об иных способах его утверждения на президентском посту, в частности, о всенародных президентских выборах. Фракция ПСР подготовила соответствующий пакет законодательных поправок к конституции, который к тому же наделял президента возможностью занимать свой пост два срока подряд по пять лет (в действующем законодательстве – один срок в семь лет без права переизбрания) и отменял обязательность разрыва кандидата со своей политической партией. Кроме того, существенно упрощался порядок принятия решений в парламенте – вместо 367 депутатов предлагалось ввести положение о легитимности заседаний меджлиса при наличии 1/3 депутатов на протяжении двух туров. Законодательный срок полномочий парламента решено было сократить с пяти до четырех лет. Отдельный пункт пакета гласил, что положение о вступлении любых конституционных изменений в силу в течение года не распространяется на данные поправки.

Обсуждение поправок прошло в напряженной обстановке парламентских баталий, в том числе рукопашных. Предвидя противодействие закону со стороны светского президента и, следовательно, вынесение его на всенародное голосование

(референдум), депутаты ПСР приняли решение о сокращении срока, предшествующего этому голосованию, со 120 дней, предусмотренных законом, до 45 для турецких граждан, проживающих в стране, и до 30 – для живущих за границей. Очевидно, что таким образом правительство намеревалось одним ударом убить двух зайцев – провести парламентские выборы и референдум одновременно.

Как и ожидалось, наиболее последовательным противником пакета поправок выступил сам глава государства А.Н.Сезер. Он не раз публично осуждал идею всенародного избрания президента. Так, на встрече с преподавателями университета Гази в резиденции Чанкая он заявил, что поправки к конституции принимаются в спешке, между тем как данный вопрос требует пристального внимания.²⁵ Президент дважды воспользовался правом «вето» в отношении упомянутого пакета поправок, а также сокращения срока подготовки референдума. При повторном рассмотрении поправок Сезер не только отказался ратифицировать «пакет», но и обратился в Конституционный суд для его полного аннулирования, тем самым автоматически вынеся его судьбу на референдум.

Видные государственные чиновники опасались, что эти изменения могут привести к правительственному кризису, усилению роли президента и нарушению равновесия между ним и премьер-министром. Например, председатель Высшего комитета по образованию проф. Э.Тезич считал, что последствием всенародных президентских выборов может быть автократический режим, несовместимый с парламентским строем. К тому же, по его словам, кандидат, утвержденный на всеобщем голосовании, будет политически ангажирован. В ответ на критику депутаты ПСР напомнили, что нынешний президент поддерживает курс НРП и проводит соответствующую политику, поэтому также не может считаться нейтральным.²⁶ В данном случае совершенно очевидно, на наш взгляд, что опасения противников поправок в большей степени вызваны не столько угрозой установления автократического президентского режима, сколько осознанием того, насколько прочны позиции их политических оппонентов-исламистов, которые с вводом всенародного президентского голосования могут еще больше окрепнуть.

Народно-республиканская партия снова обратилась в Конституционный суд, на этот раз с требованием отвергнуть законопроект о конституционных поправках, т.к. в ходе голосования

по ним якобы были допущены ошибки. Однако суд при незначительном перевесе голосов отклонил обращения депутатов НРП и А.Н.Сезера. Тем не менее референдум по закону о всенародном избрании президента было решено осуществить в обычном порядке, через 120 дней, т.е. 21 октября 2007 г. Теперь, когда попытка провести своего кандидата путем всенародного голосования была отсрочена, все внимание правящей партии и ее противников сосредоточилось на предстоящих парламентских выборах.

Перспектива повторного прихода к власти ПСР привела к перегруппировке сил справа и слева, слиянию отдельных партий. Еще в середине апреля о желании действовать сообща заявили лидер Партии отечества (ПО) Э.Мумджу и лидер Партии верного пути (ПВП) М.Агар. После объявления Гюля кандидатом в президенты решено было объединиться в блок под названием Демократической партии, видимо, по аналогии с ДП А.Мендереса, находившейся у власти в 1950-е гг. Помимо традиционных обещаний о соблюдении верховенства демократии и закона и основных гражданских прав и свобод, правые постарались извлечь пользу из противостояния ПСР и НРП, и представить себя как «золотую середину», которая «обеспечит покой и казармам, и мечетям».²⁷ Эйфория по поводу союза и радужные прогнозы типа «расчищен путь Турции, зашедший в тупик с 1980 года», продлились чуть более месяца. В начале июня констатировали, что «исторический шанс» упущен и партию, которая бы примирила поляризованное общество, создать не удалось, посыпались отставки.

В отличие от правых объединение левоцентристов – Демократической левой партии (ДЛП) и НРП все же состоялось. Основной сложностью при объединении был вопрос о форме объединения под крышей НРП: либо путем поглощения ДЛП, либо путем создания блока двух партий, сохранивших организационную структуру. До середины мая стороны никак не могли прийти к компромиссу, поэтому газеты наблюдали раздельное участие лидеров левых сил на республиканских митингах.

Основные направления их программного блока были следующими: говорилось о поддержке безработных и пенсионеров, субсидировании промышленности и сельского хозяйства, причем отраслевым, а не региональным, отказе от сотрудничества с МВФ, превратившим страну в рынок сбыта для американских и европейских товаров. Во внешней политике деклари-

ровалось проведение жесткой, самостоятельной линии в отношении ЕС и США. Лидер НРП Д.Байкал не раз отмечал, что демократизация Турции идет своим путем, а не по желанию «большого брата» – Евросоюза, переговоры с которым не дают желаемых результатов. Ряд положений программы проникнут довольно агрессивным национализмом: это борьба против возможного образования «марионетки США» – иракского Курдистана, жесткая политика в отношении турецких курдов, защита туркмен в Северном Ираке и запрет на продажу земли иностранцам.

Депутаты НРП также обещали остановить огульную, по их мнению, приватизацию госпредприятий, а также беспорядочную застройку городов, отменить госпошлины на топливо. Правительство обвиняли в принятии закона о продаже пустошей – невозделываемых, непригодных для земледелия земель.

Проблема курдского вооруженного сопротивления на юго-востоке стала одной из наиболее злободневных тем минувшей предвыборной кампании. Именно тогда на повестку дня встал вопрос о проведении антитеррористической операции в Северном Ираке, сторонниками которой выступили Генштаб Турции и оппозиция. ПСР же осторожно отодвигало перспективу операции, заявляя, что это только лишь ухудшит положение Турции на международной арене и что Турции следовало бы прежде защитить собственные границы.²⁸ В этой полемике просматривается, с одной стороны, стремление ПСР не навредить репутации своей страны на международной арене, чтобы сохранить положительную динамику в развитии отношений с Европейским Союзом, а с другой, заинтересованность в курдском избирателе, чей голос для ПСР весьма важен. Генштабу же, в свою очередь, была необходима «маленькая победоносная война», которая поможет укрепить пошатнувшийся авторитет армии и снизить популярность ПСР, пусть даже ценой ухудшения отношений с ЕС и США.

Курдский вопрос стал отправной точкой не только в предвыборной кампании НРП, но и, разумеется, Партии националистического движения (ПНД). Спор между ПНД и ПСР разгорелся из-за того, почему глава террористической группы РПК А.Оджалан до сих пор жив. Националисты утверждали, что их партия была единственной, голосовавшей против отмены смертной казни. Кроме того, они осуждали приватизационную политику ПСР, изобличая Эрдогана в «распродаже Родины»,

в том, что богатства, созданные трудом турецкого народа, он раздает армянам и шейхам Дубаи.²⁹

Что касается самих «виновников» дискуссий вокруг курдского вопроса – сторонников курдской автономии, чьи интересы выражает Партия демократического общества (ПДО), то они приняли решение участвовать в выборах в качестве независимых кандидатов, планируя обеспечить себе несколько десятков мест в парламенте. Однако турецкий Центризбирком не допустил к участию в выборах наиболее одиозные фигуры из состава ПДО, имеющие судимость, такие как Л.Зана, Х.Диджле, О.Доган, С.Садак. В ответ депутаты пригрозили подать жалобу в Европейский суд, резонно заметив, что лучше участвовать в политической жизни в меджлисе, нежели вести партизанскую войну.

Предвыборная кампания курдских депутатов отличалась провокационностью. На митинге в Диярбакире Л.Зана пообещала «протянуть руку мира» своим политическим оппонентам, но пригрозила, что это будет последний миролюбивый жест со стороны курдского меньшинства. Среди основных вех в истории курдского народа она перечислила не только участие курдских депутатов в деятельности меджлиса, но и такие острые моменты, как убийства курдских лидеров и пленение А.Оджалана, названного ею «нашим вождем».³⁰ Отдельные участники митинга, одетые в национальные костюмы, выкрикивали лозунг «Да здравствует друг Апо!». Не обошлось и без критики в адрес ПНД с ее обещаниями казнить Оджалана и правительства, которое своей нерешительностью провоцирует воззвания со стороны военных. Наиболее радикально настроенные участники забросали камнями партийные здания ПСР, националистов и правых.

На митинге в г.Игдир Л.Зана заявила, что считает недостаточным для мирного урегулирования курдской проблемы ограниченное по времени телевидение на курдском языке, а также возможность носить национальную одежду и использовать курдский язык в быту. Она призвала правительство к переходу на территориально-административное деление по принципу эялетов, существовавшее в Османском государстве: «Это означает не раздел, а напротив, сплочение страны. Каждый курд знает, как называется его страна, и никогда не пренебрежет этим... Анкара, подели Турцию на провинции и создай эялет Курдистан! Сделай сейчас то, что должна была сделать во

время становления республики».³¹ Полиция применила силу при разгоне обоих митингов, отделения генпрокуратуры г. Игдир и Диярбакир, проанализировав записи речей демонстрантов, возбудили дело против Л.Заны и других участников.

Что касается ПСР, то ее предвыборная агитация велась в основном в районах Центральной (Токал, Сивас, Йозгат, Чорум) и Юго-Восточной Анатолии (Урфа, Мардин, Батман, Агры, Газиантеп, Адияман, Ван). Для того чтобы обеспечить присутствие местного населения во время агитаций, в некоторых провинциях (например, в Эрзуруме) муниципальные власти ввели в эти дни бесплатный проезд.

Центральной темой агитации ПСР были обвинения в адрес оппозиции в срыве президентских выборов. Во время выступлений в регионах, на встречах с деловыми кругами Эрдоган называл решение Конституционного суда об отмене первого тура «подчинением большинства меньшинству», возмущался тем, что в отличие от прошлых претендентов А.Гюля не удалось избрать в обычном порядке, иронизируя, что оппозиция вознамерилась опровергнуть утверждение о том, что «дважды два – четыре». Депутатов, бойкотировавших выборы, он обвинял в неисполнении своих прямых обязанностей.

Другим частым мотивом предвыборных выступлений Эрдогана были популистские заявления о народном характере ПСР и призывы к всенародным выборам президента. Премьер-министр постоянно характеризовал ПСР как партию, «сотканную народом, чей рулевой и компас – народ». Депутат Э.Багыш, комментируя исключение НРП из рядов Социалистического интернационала за антикурдские выступления, предрекал вступление в него ПСР – партии социальной справедливости, «трущоб и бульваров, боковых улочек и проспектов».³² Одновременно подчеркивалось, что НРП представляет «псевдонародную» оппозицию, ибо, несмотря на то, что в названии присутствует слово «народная», она боится народной воли. Также оппозиционерам «досталось» от «эрдогановцев» за трудновыполнимые обещания – снизить налоги на топливо (Эрдоган восклицал: «Разве у нас в стране есть нефтяные скважины?!»), отменить единый общеуниверситетский экзамен.

Партия Р.Т.Эрдогана использовала также универсальный предвыборный ход – перечисление достижений правительства как в масштабе всей страны, так и в каждой провинции. Приводились такие показатели улучшения экономического положения

страны, как увеличение валютных резервов ЦБ с 26 до 66 млрд., снижение долга Турции в Международном валютном фонде с 23,5 до 9 млрд.долл., а также рост объема ВВП до 400 млрд. долл. Эрдоган отмечал, что за годы, когда ПСР находилась у власти, по всей стране было отреставрировано множество памятников, в том числе нетюркского происхождения, подчеркивая тем самым, что его партия не делает различий между отдельными этническими группами страны.³³ В своих выступлениях премьер-министр обещал рост ВВП к 2013 г. до 800 млрд. долл., утверждал, что инфляция в стране находится под контролем и исчисляется однозначной цифрой, на 24% возрос экспорт, снизился внешнеторговый дефицит. Он заверил, что в политическом отношении страна продолжит идти по пути демократизации и достигнет высоких стандартов ЕС.³⁴

Сторонники ПСР не обошли вниманием и курдского избирателя. Эрдоган активно посещал курдско-алевитские культурные общества и центры. В числе примеров конкретной помощи населению юго-востока называлось строительство водохранилищ, больниц, университетов, оснащение деревень сельскохозяйственной техникой по льготным ценам, общее улучшение инфраструктуры.

Эрдоган и его сторонники были решительно и бескомпромиссно нацелены на победу – выступая в Ыспарте, премьер-министр заявил, что если его партия не получит права на формирование правительства, то он готов уйти из политики.³⁵ Оппозиция, напротив, демонстрировала неуверенность в победе, из-за чего в начале июля между НРП и ПСР разгорелся спор по поводу того, должен ли будущий кандидат быть членом парламента или же лучше будет остановить выбор на надпартийной фигуре. Д.Байкал призывал остановить выбор на кандидате, который не будет «замазан» недавними парламентскими дрязгами.³⁶ Эрдоган же, комментируя выступление своего политического оппонента, упрекал его в том, что тот, дескать, уже представляет себе итоги выборов, поэтому начал «изворачиваться и хитрить». «Мы же против кандидата извне. А лучше всего, если имя тебе – Народно-республиканская партия, пойти и спросить у народа»,³⁷ – неизменно заключал премьер-министр.

Результаты парламентских выборов, прошедших в Турции 22 июля 2007 г., повергли противников ПСР в шок: партия власти набрала 46% – почти на 13% больше, чем на прошлых выборах. Правда, поскольку в парламент прошло больше партий,

чем в ноябре 2002 г., ПСР потеряла 20 кресел, но общее количество мест в парламенте все равно превысило места всех ее противников, вместе взятых, составив 341. НРП в коалиции с ДЛП набрала 20,84% и провела в парламент 112 депутатов, не сумев существенно увеличить электоральную поддержку. Самой большой неожиданностью стало прохождение в меджлис третьей партии – Партии националистического движения (14,26% и 70 депутатов), что очевидно связано с фактором этнической напряженности и насилия.

Тенденции голосования по регионам выявили рост популярности ПСР на востоке и юго-востоке страны (Агры, Элязыг, Малатья, Эрзурум, Бингель, Адьяман, Мардин, Сиирт, Урфа), она осталась на прежнем уровне или незначительно упала в Центральной Анатолии (Адана, Афьон, Амасья, Анкара, Конья, Денизи, Кайсери) и на Черноморском побережье (Орду, Самсун, Ризе, Синоп, Трабзон). Географическое распределение голосов, отданных за НРП, либо сохранилось на прежнем уровне, либо несколько сместилось на западное побережье. У ПНД же произошел прорыв в Центральной Анатолии (Анкара), на юге (Адана, Мерсин), а также в Стамбуле, Бурсе, Измире.

Именно национализм ПНД стал нишей для избирателя, не пожелавшего ограничиться выбором между ПСР и НРП. Другим сюрпризом по контрасту с успехом националистов стал небывалый взлет независимых депутатов, большинство из которых – курды по происхождению (из них в меджлис прошли 20 человек). Кроме них вне партий и движений в парламент сумели попасть бывший лидер Партии отечества М.Йылмаз, бывший лидер Партии великого единства М.Языджиоглу, и – впервые за всю республиканскую историю – экс-председатель марксистской Партии свободы и солидарности Уфук Урас. Примечательно, что на 89% возросло представительство женщин в парламенте – 42 против 23 человек.

В первые недели после выборов состав парламента несколько видоизменился, после того как наспех сколоченная коалиция левоцентристов «затрещала по швам», а курдские депутаты, напротив, заявили об объединении. После всех пертурбаций расстановка сил в парламенте выглядела следующим образом: 340 кресел у ПСР, 99 – у НРП, 70 – у ПНД, 13 – у ДЛП, 20 – у ПДО и 6 – у независимых депутатов. Тогда бывший министр юстиции Дж.Чичек в интервью CNN-Тюрк заявил, что Абдуллах Гюль – наиболее подходящий кандидат на пост

президента, и большинство сторонников ПСР в меджлисе – благоприятная обстановка для его избрания.³⁸ Несмотря на сохраняющееся сопротивление оппозиционных сил, А.Гюль с третьего раза все же одержал победу над кандидатами от других партий, выдвижение которых было скорее символическим жестом, набрав 339 голосов.

Итоги парламентских выборов обнаруживают, что каждый второй в Турции доволен ПСР и предпочитает сложившуюся стабильность, невзирая на сохранение ряда нерешенных проблем. Они также в очередной раз выявили парадоксальную на первый взгляд закономерность – в Турции за правоцентристов, к которым относит себя и ПСР, голосуют неимущие слои, соблюдающие традиции, тогда как европеизированные состоятельные граждане голосуют, наоборот, за левоцентристов, исключительно из-за их светской ориентации. В этом смысле интересен прогноз социологического бюро «Конда», опубликованный в июле турецкой газетой «Радикал», который первоначально вызвал у читателей и коллег по перу лишь недоумение. В нем утверждалось, что ПСР наберет не меньше 48%, и в подтверждение популярности исламистов приводилась довольно любопытная статистика. По информации агентства «Конда», среди учащихся турецких вузов 42% голосуют за НРП, вдвое меньше – за ПСР, тогда как половина граждан с образованием ниже среднего предпочитает ПСР, и всего 14% – НРП. В то же время ПСР – выбор 55% бедняков, и лишь 8% из них предпочитают партию Д.Байкала. Наконец, 23% обеспеченных турок стабильно голосуют за НРП.³⁹

Кроме того, результаты выборов позволяют заключить, что умеренные исламисты воспринимаются в обществе как сторонники сближения с Европой, носители реформаторских тенденций либерального характера, тогда как НРП, позиционирующая себя в качестве выразителя левоцентристских убеждений, выглядит защитницей старого, пытающейся опираться на поддержку армии. Именно после прихода к власти ПСР страна сделала немало, чтобы приспособиться к выдвигаемым Евросоюзом требованиям. Главным шагом в этом направлении стала адаптация турецкого законодательства к правовым нормам Евросоюза. В духе основных европейских конвенций была реформирована судебная система, существенно расширена свобода собраний и ассоциаций, пересмотрены правила участия граждан в политической деятельности, смягчены законо-

дательные положения о цензуре в печати и СМИ, разрешено теле- и радиовещание, а также обучение на нетурецких языках. Оппозиция же, напротив, зачастую придерживалась критического настроя в отношении ЕС и перечисленных законодательных нововведений.

Другие причины победы ПСР во многом заключались в ошибках оппозиции, которая не сумела представить избирателю самостоятельной программы, сделав ставку на противостояние с ПСР. НРП не построила собственного образа, не очертила должным образом свои цели. Между тем успех ПСР – в постоянной связи с избирателем, отслеживании общественного мнения с помощью опросов и анкет, а также построении цельной идеологии. Директор рекламного агентства ПСР С.Озчелеби считает, что негативная мотивация кампании таит в себе опасность – противник постоянно оказывается на виду. Ему вторит директор пиар-агентства «Эколь Реклам» Б.Гюрай; по его мнению, НРП избрало неконструктивную политику, состоящую в ответной реакции ПСР; в определенных дозах это полезно, если у партии есть собственная четкая идеология.⁴⁰

Еще один фактор успеха ПСР – отсутствие правой альтернативы из-за краха союза правых партий, обращения ДП к прошлому, ко времени А.Мендереса, использование ностальгических рекламных лозунгов, малознакомых и неинтересных молодому избирателю. С другой стороны, агрессивная позиция ПНД, импонируя определенной части ее электората, более умеренных избирателей отпугнула. Например, символом агитации националистов была веревка, предназначенная для повешения Оджалана, что тоже сыграло на пользу ПСР.

Многие наблюдатели полагают, что на результаты выборов повлиял и «виртуальный ультиматум», опубликованный генералами в конце апреля. Бывший посол США в Турции М.Пэррис считает, что после публикации письма на сайте ТВС 27 апреля авторитет турецких военных упал. «Хотя я и уважаю военных, и у меня много друзей среди них, вынужден признать: военные проиграли».⁴¹

Тем не менее вполне оправданным выглядит мнение, что избрание А.Гюля стало возможным в обмен на определенные уступки военным со стороны правительства, а именно – согласие на проведение антитеррористической операции. Об этом свидетельствует голосование по операции в парламенте, прошедшее в середине декабря 2007 г. под беспрецедентным

давлением – все парламентарии проголосовали «за», кроме депутатов-курдов, причем голосование проводилось открыто. Хотя сейчас становится очевидным, что это «пиррова победа» армии, поскольку правительству удалось оттянуть начало операции до поздней осени, когда активные военные действия существенно затруднены. По сути, за все время так называемой операции турецкие самолеты Ф-16 лишь дважды бомбардировали цели в Ираке, 16 и 22 декабря, причем, судя по туманным заявлениям официальных источников о причиненном противнику ущербе, удары наносились по заброшенным объектам. О неудовлетворенности армии ходом военных действий свидетельствует ситуация с восемью турецкими солдатами, попавшими в плен в результате нападения курдских боевиков на турецкий отряд в местечке Юксекова провинции Хаккари, где были также ранены 16 и погибли 12 турецких военнослужащих. Пленным солдатам, освобожденным при негласном посредничестве США, по возвращении на родину было предъявлено обвинение по ряду статей уголовного кодекса, включая «нарушение военной дисциплины, неповиновение приказу, несанкционированный переход границы чужого государства», одному из них, Р.Юдже, грозит пожизненное заключение.

После избрания депутатов ПСР на ключевые посты в государстве наибольшее беспокойство их политических оппонентов вызывает несколько относительно новых явлений. В первую очередь это довольно активное перетекание исламистски настроенных кадров в различные ветви госаппарата. Председатель союза промышленников и предпринимателей ТЮСИД А.Д.Ялчиндаг отмечает, что за 1999–2000 гг. отток представителей Управления по делам религии в другие министерства и ведомства составил 4 человека, тогда как за время пребывания у власти ПСР – 1580 человек. В декабре истек срок полномочий председателя Высшего комитета по образованию, убежденного кемалиста Э.Тезича; на его место был назначен Ю.З.Озджан, по сведениям газет, близкий к религиозному движению «нурджистов». Новое правительство также планирует сравнить коэффициенты, установленные для подсчета баллов по единому университетскому госэкзамену, для выпускников обычных школ и лицеев имамов-хатибов.

Наиболее чувствительной для светской части общества является ревизия Основного закона. Защищая необходимость пересмотра конституции 1980 г., составленной в условиях

чрезвычайного положения, правительство настаивает на том, что новый ее текст будет лишь деидеологизирован и демократизован при сохранении ключевых положений. Новый проект, подготавливаемый специальной парламентской комиссией во главе с депутатом Партии справедливости и развития М.Фыратом, содержит множество кардинальных новшеств, в том числе касающихся урезания прав армейской верхушки и признания прав иных этноконфессиональных групп страны помимо турок-суннитов.

Так, по замыслу составителей, Высший военный совет и Верховная прокуратура, до сих пор обладавшие судебным иммунитетом, должны быть его лишены. По мнению ряда обозревателей, это сигнал к тому, что кадровые чистки в армейской среде на предмет причастности к радикальному исламизму, до сих пор проводимые без какого-либо судебного решения, отныне могут быть обжалованы. В проекте уточняется также понятие «гражданства»; напомним, что в нынешнем варианте ст.66 турецкой конституции гласит, что «каждый, кто связан с Турецкой Республикой узами гражданства, является турком». В новой редакции, добавляется, что турок – каждый гражданин Турецкой Республики, «невзирая на этнические и религиозные различия». Статус турецкого языка как государственного дополнен другим определением – «официальный»; тем самым допускается возможность широкого использования иных существующих в Турции языков, исключая лишь сферу служебного делопроизводства.

Наиболее спорная тема в новой конституции – положение о лаицизме. Новый проект конституции существенно расширяет свободу совести и религии. Текущий вариант (статья 24) гласит: «Каждый наделен свободой совести, вероисповедания и мысли. Религиозные обряды, ритуалы и другие формы отправления культа разрешены, кроме случаев, описанных в ст. 14 (угроза нерушимому единству нации, демократическому и светскому характеру республики, правам и свободам государства и гражданина). В новом варианте данное положение об ограничении религиозной свободы отсутствует. Дополнительный пункт той же статьи гласит: «Как существует право на свободу совести и вероисповедания, так и существует право на смену вероисповедания».

В новом варианте исключено положение о государственном контроле над религиозным образованием; говорится, что

при организации учебного процесса в этой области государство должно руководствоваться пожеланиями родителей. Религиозные уроки по-прежнему обязательны, однако ученики могут быть освобождены от них по собственной воле, либо по воле родителей. Сохранено положение о том, что «никто не вправе формировать социальный, экономический, политический или юридический строй государства исходя из религиозных норм, злоупотреблять религией либо оскорблять религиозные чувства или объекты, признанные священными, в политических либо корыстных целях, ради манипулирования». Сюда же добавлен пункт о том, что статья о свободе совести и вероисповедания также не может быть использована в этих целях.

Наконец, планируется каким-то образом разрешить ношение «тюрбанов» в общественных местах. Комментируя это решение, Эрдоган заметил, что считает устранение препятствий на пути к получению «закрытыми» девушками образования первостепенной задачей своего правительства.⁴² Позже Эрдоган неожиданно принял активное участие в судьбе некой девушки, которую во время торжественного подведения итогов школьного конкурса в г.Ризе вынудили снять в помещении зала платок. Эрдоган позвонил родителям школьницы и пообещал взять расследование происшествия под свой личный контроль. Поступок премьер-министра имел широкий резонанс в прессе: многих читателей возмутило, что глава правительства не проявил столь же живой интерес, например, к уходу накануне четырех девушек из профтехучилища г.Амасы якобы из-за «религиозного давления»; по словам учениц, в школе их принуждали к ношению платка и соблюдению поста.

Возможность серьезной переработки текста конституции становится еще более реальной в свете результатов референдума по вопросу о всеобщих президентских выборах, состоявшегося в октябре 2007 г. Тот факт, что больший процент населения поддержал предложение правительства о всенародном избрании следующего главы государства, говорит об устойчивости позиций умеренного исламизма в стране. После избрания А.Гюля президентом наиболее важным остается вопрос: сможет ли ПСР остаться верной данным обещаниям, удастся ли ей на самом деле выступить защитницей интересов всех граждан, включая своих идейных оппонентов, не поддавшись соблазну перекроить политический строй по своим представлениям, без учета их мнения.

¹ А.Гюль родился в 1950 г. в г. Кайсери (Центральная Анатолия). Окончил экономический факультет Стамбульского университета. С юношеских лет его судьба была тесно связана с турецким исламистским движением, к которому принадлежал также и его отец, член Партии национального спасения (ПНС). В студенческие годы А.Гюль состоял в молодежном крыле религиозного общества «Великий Восток» – Национальном Союзе турецких учащихся, где познакомился с нынешним премьер-министром Р.Т.Эрдоганом. Во время двухлетней стажировки в Великобритании (1976–78 гг., магистратура в Лондоне и Эксетере) стал одним из учредителей общества взаимопомощи турецких студентов при Союзе мусульманских учащихся. В период военного переворота 1980 года А.Гюль задерживался полицией по обвинению в пособничестве исламистским кругам. В 1983 г. по протекции своего учителя Н.Ялчинташа, видного идеолога исламистского движения, возглавлявшего научно-исследовательское отделение в Исламском банке реконструкции и развития (ИБРР) в Джидде, Саудовская Аравия, он был зачислен в этот банк в качестве эксперта и проработал там 8 лет. В 1991 году по возвращении на родину Гюль устроился на преподавательскую работу в Мраморноморский университет г.Стамбула, где получил ученое звание доцента по специальности «международная экономика».

В 1990-е гг. А.Гюль регулярно избирался депутатом от существовавших тогда происламских партий – «Рефах», а затем ее преемницы «Фазилет». Заняв второе место в партийной иерархии «Фазилет» в 2000 г., А.Гюль выдвинул свою кандидатуру на пост председателя, но проиграл лидеру партии Р.Кутану (голоса распределились почти поровну). В 2001 г. Гюль вместе с бывшим стамбульским мэром Р.Т.Эрдоганом принял участие в формировании «обновленческого» крыла «Фазилет», из которого позднее образовалась ПСР. Эрдоган и Гюль приложили немало сил для создания образа умеренно исламистской партии, претендующей на консолидацию всех слоев населения. После победы партии на парламентских выборах в ноябре 2002 г. А.Гюль прошел в меджлис в качестве депутата, вновь от родного города. Пока в отношении Эрдогана действовал запрет на депутатскую деятельность, он возглавлял правительство (ноябрь 2002 – март 2003 гг.). После принятия соответствующих поправок к основному закону, позволивших Эрдогану вернуться в парламент и как лидеру победившей на выборах партии стать премьер-министром, А.Гюль занимал посты вице-премьера и

министра иностранных дел и в этом качестве отдавал приоритет отношениям Турции с Евросоюзом.

² Ранее «штатские» должности в государственном аппарате занимали будущие президенты Дж.Баяр, Т.Озал, С.Демирель, А.Н.Сезер, тогда как основатель Республики М.К.Ататюрк, а также его последователи И.Иненю, Дж.Гюрсель, Дж.Сунай, Ф.Корутюрк и К.Эврен были представителями турецких вооруженных сил.

³ Hürriyet, 13.04.2007.

⁴ Ibid, 24.04.2007.

⁵ Б.Аталай известен тем, что в 1997 г. был отстранен военными от должности ректора университета г.Кырыккале Высшим комитетом по образованию, якобы как сторонник радикального исламизма; в нынешнем кабинете занял пост министра внутренних дел.

⁶ Hürriyet, 30.04.2007.

⁷ Ibid, 13.05.2007.

⁸ Премьер-министр Р.Т.Эрдоган окончил школу с религиозным уклоном – лицей имамов-хатибов.

⁹ Касымпаша – стамбульский район, где прошло детство Р.Т. Эрдогана.

¹⁰ Hürriyet, 30.04.2007.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. 19.05.2007.

¹³ Ibid.

¹⁴ Здесь и далее текст воззвания печатается по <http://www.tsk.mil.tr>, 26.04.2007.

¹⁵ <http://www.tsk.mil.tr>, 27.04.2007 tarihli basın açıklaması.

¹⁶ Hürriyet, 28.04.2007.

¹⁷ Сайт NTV-NBC, <http://www.ntvmsnbc.com/news/406625.asp>

¹⁸ La Liberation, 19.05.07,

<http://www.liberation.fr/rebonds/254734.FR.php>

¹⁹ Hürriyet. 28.04.2007.

²⁰ Ibid, 1.05.2007.

²¹ Ibid, 13.04.2007.

²² Ibid, 20.04.2007.

²³ 1982 Türkiye Cumhuriyeti Anayasası metni, md.101–102.

<http://www.tbmm.gov.tr/Anayasa.htm>

²⁴ Ibid, 02.05.2007.

²⁵ Ibid, 10.05.2007.

²⁶ Ibid, 11.05.2007.

²⁷ Ibid, 4.05.2007.

²⁸ Hürriyet, 07.06.2007.

²⁹ Ibid, 07.07.2007. Нефтехимический концерн «Петким» в результате тендера был продан бизнесменам арабского и армянского происхождения.

³⁰ Ibid, 17.05.2007.

³¹ Ibid, 19.05.2007.

³² Ibid. 28.06.2007.

³³ Ibid, 18.05.2007.

³⁴ Ibid, 4.07.2007.

³⁵ Ibid, 17.07.2007.

³⁶ Ibid, 10.07.2007.

³⁷ Ibid, 11.07.2007.

³⁸ Ibid, 26.07.2007.

³⁹ Radikal, 19.07.2007.

⁴⁰ Hürriyet, 28.07.2007.

⁴¹ Ibid, 26.07.2007.

⁴² Hürriyet, 19.09.2007.

П.В.Шлыков

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ТУРЦИИ

Сложные отношения между исламом и властью в Турции давно стали предметом политической и научной дискуссии как в самой стране, так и за ее пределами. Хронологически проблема оппозиции религии и власти получила новое измерение во второй половине прошлого века. После Второй мировой войны политическая система Турции претерпела серьезные изменения, определившие ее развитие на все последующие десятилетия. Эта трансформация заключалась в переходе к многопартийной политической системе. Вновь возникшие политические партии обратили внимание на сферы, маргинализированные во время единоличного правления Народно-республиканской партии (НРП) (1923–1946). Так, в условиях политического плюрализма особое значение обрели вопросы ислама. Как следствие, религиозно настроенный избиратель получил долгожданную возможность – причем абсолютно легитимную – включиться в активную политику, иметь своего представителя во властных институтах Турции.

В Турции исламская или исламистская политическая идентичность традиционно формировалась на принципах оппозиции, неприятия Запада и вестернизации (иначе – радикальной модернизации первых десятилетий республиканской Турции). Между тем за последние пятнадцать – двадцать лет движение политического ислама постепенно отошло от привычного «антизападничества» и включилось в трудный процесс пересмотра и переосмысления Запада и его ценностей. Вопрос, как совместить наступающий «исламский ренессанс» с вестернизацией, вызывавший тревоги и споры на протяжении не одного десятилетия¹, получил неожиданное развитие. Новый лидер исламистского политического движения в Турции – Партия справедливости и развития (ПСР) совершенно иначе стала трактовать устоявшиеся категории и постулаты исламизма.

Вместо проектов построения исламского государства – углубление демократии и расширение гражданских свобод, вместо создания Большой восьмерки мусульманских стран (М8)² – вступление в Европейский союз и либерализация законодательства и конституции. Налицо системная трансформация политического ислама в Турции, заставляющая по-новому взглянуть на всю предыдущую историю формирования исламистской политической идентичности³ в стране, признанной «самым вестернизированным государством» мусульманского мира.

Истоки формирования исламистской политической идентичности

Не будет преувеличением сказать, что последние 200 лет истории Турции прошли под знаком вестернизации. Когда в начале XIX века политическая элита Османской империи осознала стремительное угасание Блистательной Порты на фоне растущей мощи европейских держав, власть поспешила положить в основу новой государственной политики программу принятия «западного пути развития». Вестернизация армии, административного аппарата, наконец, повседневной жизни турок – все это было, говоря языком Арнольда Тойнби, ответом на «вызов» Запада в сфере военного дела, политики, экономики и культуры⁴. Вестернизация как концепция и программа обновления государства и общества принесла с собой и не вполне запрограммированный результат – она стала и краеугольным камнем новой политической идентичности. Ранняя исламская политическая мысль, как показывают произведения Намыка Кемале, Джемаль ад-Дина аль-Афгани, Саида Халим-паши и Мехмеда Акифа, концентрировалась на проблеме выработки ответа исламской цивилизации Западу и западным ценностям⁵.

«Вызов» Запада имел, по крайней мере, два измерения: практически-политическое и культурно-историческое. К XIX веку европейцы прочно обосновались в мире ислама – политически, экономически, в военном отношении. Поэтому вопрос, как приостановить это движение – «марш Запада», получил особую политическую остроту. Наконец, все возрастающее превосходство Европы ставило под сомнение саму ценность «исламской цивилизации». Последнее было вопросом не только дефицита политической и военной силы, но и вообще способности мира исла-

ма производить материальные богатства, культуру и науку. Иными словами, виноваты ли цивилизационные установки мира ислама в бедах, внезапно обрушившихся на головы мусульман. Ведь из теоретических рассуждений выходило, что отсталость была заложена в саму основу исламской цивилизации⁶. Ответ на подобный вызов стал осознанной необходимостью, поскольку оспаривались сама насущность, пригодность и «функциональность» ислама для жизни общества⁷.

Исламская общественная мысль не стала отрицать тесную связь между мусульманской верой и нынешней судьбой исламского мира. Однако согласно выработанному тезису, причина отставания мусульман крылась в отходе от истинной веры⁸. Отсюда выводилась необходимость поиска истинной сущности учения Мухаммада, пути возвращения к чистому исламу и его корням, к возрождению исламской веры и цивилизации. Это положило начало формированию современной исламской идентичности, на котором лежала печать необходимости немедленного ответа на «цивилизационный вызов». Поиски корней привели исламских мыслителей к созданию теолого-философских текстов, ставших своего рода прелюдией к модернистскому и фундаменталистскому прочтению исламского учения⁹. Запад представал в этих текстах как источник всех бед и проблем, вставших перед правоверными, как зло, разрушающее исламскую цивилизацию. Запад не только приносил насилие, войну, эксплуатацию и империализм в исламский мир, но и сам был духовно деградирован. Дефицит духовных и моральных ценностей, общественный упадок — вот наиболее неприглядные черты европейской цивилизации, которые заразили мир ислама. Запад воспринимался как абсолютно «иное», создающее идентичности, на которые исламская мысль должна была найти свой «антитезис».

Между тем в XIX веке арабо-османский мир, видя военно-политические и экономические успехи европейцев, стремился провести радикальную модернизацию государства и общества, на которую уповали как на средство, способное вдохнуть новую жизнь в страны мира ислама, дать им силы в сопротивлении европейской гегемонии¹⁰. В Османской империи постепенное усвоение западных ценностей началось, по крайней мере, с 1826 года (запрет янычарского корпуса, ставший прелюдией официального начала реформ Танзимата в 1839 году). В ходе вестернизации и секуляризации первых десятилетий республиканской истории был упразднен халифат, закрыты религиозные

институты и суфийские ордена, принят созданный по западным образцам новый Гражданский кодекс, религиозные школы и само теологическое образование было запрещено¹¹.

Для происламски настроенной части общества кемалистские реформы сделали очевидным тот факт, что не Запад сам по себе, а именно вестернизация и «вестернизаторы» вытеснили их из политической и публичной жизни, а в ходе радикальной секуляризации исламская политическая платформа оказалась делегитимизированной¹². Поэтому, несмотря на все ссылки на извечное противостояние «креста и полумесяца», именно неприятие радикальной секуляризации и вестернизации республиканской Турции сыграло главную роль в формировании новой исламистской политической идентичности¹³.

Вестернизация для исламистов означала смену «цивилизационного пути», отказ от ислама. Поэтому отрицание западных ценностей и вестернизации в каком-то смысле представляло собой протест против кемалистского плана секулярного переустройства государства и общества, подрывавшего влияние на него ислама¹⁴.

Для кемалистов проект секуляризации общества и конечный его успех стал вопросом политического выживания в контексте противостояния вестернизированного центра и исламистской периферии¹⁵. Несогласие по поводу природы и понимания лаицизма/секуляризма постепенно становилось фокусом противостояния внутри политической и отчасти государственной элиты. В этой ожесточенной борьбе за власть кемалисты как к высшему арбитру стали обращаться к турецким вооруженным силам, принявшим на себя после перехода к многопартийной политической системе в 40-х — 50-х годах роль защитника и стража секуляризма (причем секуляризма не только как конституционного порядка, но и как политико-идеологического дискурса в противовес исламистской политической идентичности).

Окончательное оформление исламистской политической идентичности: движение Милли Герюш

В процессе трансформации турецкой политической системы после военного переворота 1960 года, притягательность политического измерения ислама все больше возрастала.

Главным подтверждением этому стало появление в 1970 году первой открыто происламской партии – Партии национального порядка (ПНП)¹⁶ Неджметтина Эрбакана. Год спустя ПНП была закрыта по решению Конституционного суда. А еще через год экс-члены ПНП основали новое политическое объединение – Партию национального спасения (ПНС)¹⁷. Получив 11,8% на всеобщих выборах 1973 года и 8,6% – в 1977, ПНС участвовала во всех коалиционных правительствах в период 1973–1980 гг., став видным игроком турецкой политической жизни¹⁸.

Эти партии создавались в рамках основанного Неджметтином Эрбаканом движения Милли Герюш (Национальный взгляд)¹⁹, для которого тема вестернизации стала катализатором формирования собственной идентичности и политического дискурса²⁰. В своем негативном отношении к Западу и вестернизации движение Неджметтина Эрбакана выделяло себя на фоне остальных политических сил. Для концепции «национального взгляда» основной вопрос заключался в том, насколько вестернизация, взятая как единое целое вместе с вводимыми ею институтами, идеями и ценностями, соответствует исламской цивилизации и способна помочь выровнять баланс сил с Западом. Основатели Милли Герюш были убеждены, что вестернизация для республиканских лидеров первой волны означала отказ от традиционных – читай исламских – ценностей и институтов. Для построения «национального порядка» требовалось не только начисто ликвидировать западное влияние – вернее, доминирование, но необходимо также было исключить и все последствия кемалистской вестернизации²¹.

Итак, по Неджметтину Эрбакану, Запад – корень всех проблем, абсолютно «другое». Поэтому и «национальное я» должно было формироваться «апофатически», через отрицание Запада²². Причем не только платформа Милли Герюш, но и политическая идентичность других движений строилась на отношении к Западу – или отстаивание «национального взгляда» или апологетика Запада²³.

В концепте «национального взгляда» утверждалось, что Турция никогда не принадлежала Западу – ни исторически, ни культурно, ни географически, наоборот – ее прошлое, культурные ценности и политические институты были частью исламского мира, мира, который сейчас необходимо было мобилизовать на противостояние Западу²⁴. Происламская ориентация движения, его призыв к началу исламской экономической инте-

грации и созданию оборонительного союза – все это было вызвано провозглашаемой необходимостью сопротивления, «ответа» Западу. Проект «нового» исламского мира был тем самым не просто направлен «вовнутрь себя» (как создание мира для себя и только), его главная задача состояла именно в установлении баланса сил между Востоком и Западом.

Между тем вместо полного отрицания модернизации Милли Герюш провела различие между западной культурой и технологией, выступив таким образом в защиту технологического обновления Турции. В 70-е годы руководство движения Милли Герюш ввело в свою партийную программу положение о важности не только духовного/морального развития Турции, но и индустриализации страны. При этом создание собственной тяжелой промышленности логично трактовалось как шаг к избавлению от иностранной зависимости. Акцент на «модернизацию и развитие» и вообще как предусловие для «освобождения» от гегемонии Запада так и остался главной чертой политической платформы Милли Герюш.

Партия благоденствия: приход исламистов к власти и законы реальной политики

Партия национального спасения вместе с другими политическими движениями была закрыта вскоре после военного переворота 12 сентября 1980 года. Когда турецкая политика вновь вернулась в русло многопартийности в 1983 году, основывается новая происламская Партия благоденствия (ПБ)²⁵, во главе которой вновь становятся люди из Милли Герюш. Постепенно ПБ Неджметтина Эрбакана зарабатывала политические очки и увеличивала избирательские симпатии. На местных выборах 1984 года ПБ получила всего 4,8%, на всеобщих выборах 1987 года у партии была поддержка уже 7% электората (тогда ПБ не смогла преодолеть 10%-й барьер и не получила мест в меджлисе), по результатам местных выборов 1989 года у ПБ было 9,8% голосов и кресла мэров в пяти провинциях. На протяжении всех 90-х – вплоть до политического кризиса 1997 года – ПБ постоянно демонстрировала рост своей популярности.

В начале 90-х годов руководство ПБ пришло к выводу, что успех их дела напрямую зависит от трансформации партии в массовое политическое движение с четкой и ясной програм-

мой, где акценты делаются на решение социальных проблем, а не на религиозные темы, и стратегией политической борьбы с использованием методов современной пропаганды.

До 70-х годов ни одна происламски настроенная партия не могла достичь внушительного результата на выборах. Именно тогда стало очевидно, что партия, готовая разыгрывать «исламскую карту», не может победить на выборах, если у нее нет внятной программы, дающей ответы на насущные проблемы электората. Ведь в 1946 году, когда политическая система оказалась открытой и соревновательной, из 24 новообразованных партий 8 в своих программах эксплуатировали исламские темы²⁶. К 1950 году лишь одна из них – Национальная партия²⁷ была достаточно представительна для участия во всеобщих выборах, по результатам которых она получила одно место в ВНСТ. Исламистские избиратели отдали предпочтение правоцентристским партиям, у которых была ясная экономическая стратегия, удачно сочетавшаяся с культурными программами, как раз и направленными на поддержку исламистов.

Партия национального спасения (ПНС) Неджметтина Эрбакана показала неплохие результаты на выборах 1973 и 1977 годов и смогла благополучно войти в коалиционные правительства как с левыми, так и с правыми силами как раз потому, что она хорошо усвоила уроки демократии: электорат больше заботит экономика и собственное благосостояние, чем религиозные темы. В то время ключевым пунктом программы ПНС значилась ускоренная индустриализация. Партия нацеливалась на интересы провинциальных предпринимателей, которым до сих пор было довольно трудно получить государственную поддержку, и малообеспеченных слоев населения, которым обещали сокращение инфляции и реализацию программы социального обеспечения.

ПБ определенно стала искать поддержку у представителей низшего среднего класса. Действительно, городская беднота, сильно пострадавшая от политики либерализации экономики в 80-е годы, негативно отразившейся на периферийных социальных и экономических группах, в то время была подходящим протестным электоратом, готовым к мобилизации новыми политическими силами²⁸. Программы помощи бедным быстро дали свои плоды: уже в марте 1994 года на местных выборах ПБ получает 19% и ее представители становятся во главе муниципалитетов уже 28 провинций, включая такие города, как

Стамбул и Анкара, – шокирующая ситуация для центристских и секуляристских партий. Однако главным ударом для кемалистских сил стали всеобщие выборы 1995 года, на которых ПБ получила больше всех голосов (21%). После недолгого правления коалиционного правительства правоцентристских партий лидер ПБ Неджметтин Эрбакан в союзе с правоцентристской Партией верного пути (ПВП) сформировал новое правительство. Впервые в истории республиканской Турции происламская политическая партия оказалась у кормила власти почти единолично, а ее лидер занял премьерское кресло²⁹.

Не вдаваясь в анатомию электорального успеха ПБ в 90-е годы, нельзя обойти некоторые внешние, международные факторы, повлиявшие на судьбу движения Неджметтина Эрбакана. Так, в декабре 1989 года ЕС не принял заявку Турции на полноправное членство в этой организации. Решение ЕС (особенно факт того, что отказ мотивирован «культурно-религиозными различиями») сильно повлияло на самовосприятие турок, даже прозападно настроенной части общества, почувствовавшей себя «выставленной за дверь»³⁰.

Кроме того, с окончанием «холодной войны» на повестку дня встал вопрос о новом глобальном противостоянии ислама и Запада, которым будет освещена грядущая эра мировой истории. Исламисты поверили, что Запад заменит исчезнувшую коммунистическую угрозу исламской, которой суждено стать новым консолидирующим фактором для западных держав, оправдать дальнейшее расширение НАТО и т. д. Причем публикация в 1993 году знаменитой статьи Самуэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций»³¹ только распространила эту точку зрения далеко за пределы исламистского дискурса.

События, связанные с мусульманами Боснии и Азербайджана в начале 90-х годов, лишь подтвердили пессимистические прогнозы. Резко обнажилась и непоследовательность западной дипломатии, с одной стороны, защищающей курдское меньшинство в Турции, с другой, – бездействующей в отношении непрекращающихся убийств мусульман Боснии. Видя все это, общественное мнение Турции приходило к убеждению, что Запад все чаще прибегает к двойным стандартам. Тем самым в глазах большинства турецкого общества американско-европейский мир терял моральный и политический авторитет, свою привлекательность.

Вполне закономерно, что в первой половине 90-х годов антизападничество, изначально присущее только исламистским и

традиционалистским движениям, все больше приобретало политический вес: к нему стал прибегать даже президент Сулейман Демирель, а с ним и другие центристские политические лидеры. На националистической волне в Турции заговорили о планах Запада, угрожающих территориальной целостности государства, о проекте возрождения Севрского договора (1920), в свое время расчленившего Османскую империю после Первой мировой войны³². Негативный настрой турецкого общества по отношению к Америке и Европе в 90-е годы сыграл на руку ПБ, чей антизападный дискурс обрел большую популярность и, что еще важнее, легитимность с ростом массового разочарования в европейско-американском мире. Новый кризис западного мирового сообщества в глазах граждан Турецкой Республики вывел партию Неджметтина Эрбакана в центр политической жизни страны. Мировой политический климат после окончания холодной войны вместе с последующим кризисом европейской идентичности, в конечном счете, послужил оправданию и реабилитации всей антизападной риторики движения Милли Герюш и привел ПБ к политическому успеху на выборах 1994 и 1995 гг.

Результаты выборных марафонов 90-х годов показали, что стратегия противостояния Западу в конечном счете оказалась плодотворной. Действительно, к этому времени ее разделило большинство игроков политического поля, но вместе с тем сама по себе антизападная риторика не снимала проблемы внятной и четкой политической программы. Несмотря на постепенный и в то же время стремительный рост своей популярности, к 90-м годам ПБ не имела готового плана действий, если не считать таковым концепцию «справедливого порядка» (*Adil Düzen*) — провокационного и эффектного слогана для мобилизации своих сторонников, вызывающего нескрываемое раздражение у кемалистов. «Документ о политике национальной безопасности» (*Milli Güvenlik Siyaset Belgesi*), подготовленный Советом национальной безопасности (СНБ), указывал на «реакционные силы» (*irtica*) ислама как на первостепенную угрозу Турецкому государству, более опасную и непосредственную, чем сепаратистский курдский национализм³³. Турецкая армия в союзе с частью гражданского общества развернула масштабную кампанию против ПБ и ее правительства, объясняя все это серьезным беспокойством насчет будущего секуляризма перед лицом исламистской угрозы. Вскоре после формирования пра-

вительства Неджметтина Эрбакана 28 февраля 1997 года СНБ принимает ряд решений для «укрепления светского характера Турецкого государства»³⁴. А затем последовали организованные турецким Генштабом многочисленные пресс-конференции, выступления правоведов, журналистов, ученых и общественных деятелей, рассуждавших об опасностях исламского фундаментализма и идентифицировавших правящую партию с реакционной исламской угрозой.

Началась борьба с исламским капиталом, оказывающим финансовую помощь исламистским движениям: против компаний возбуждались уголовные дела, потребители бойкотировали товары от «зеленых» производителей. Популярный мэр Стамбула Тайип Эрдоган в конце сентября 1998 года был осужден на 10 месяцев тюремного заключения³⁵. По всей стране закрывались курсы чтения Корана, созданные разными исламскими фондами. Те, которые оставались, ставились под жесткий контроль государства, и их слушателями могли стать только лица, достигшие определенного возраста. Исламские неправительственные организации и фонды также попали под пристальный надзор центральной власти. В результате февральских событий кемалистский дискурс ощутимо укрепил свои позиции (этот эффект усилило пышное празднование 75-й годовщины основания Турецкой Республики), исламистская социальная и экономическая программа, равно как и политические представители этого движения понесли серьезные потери.

В рамках кампании против исламистов государственный прокурор Вурал Саваш в мае 1997 года направил в Конституционный суд требование запретить Партию благоденствия. Коалиционное правительство Неджметтина Эрбакана вынуждено было сложить с себя полномочия уже 18 июня 1997 года в результате подковерной борьбы и выхода ПВП вместе с Тансу Чиллер из состава правящей коалиции (и, следовательно, потери ПБ большинства в парламенте). Спустя полгода Конституционный суд запретил и саму партию экс-премьера на основании того, что ПБ стала центром антисекуляристской, т. е. антигосударственной, активности. Так решилась судьба третьей партии из движения Милии Герюш, закрытой, как ПНД и ПНС, по воле светских властей. Сам Неджметтин Эрбакан, по решению все того же суда, был на пять лет отлучен от активной политической жизни³⁶.

**Трансформация исламистской
политической идентичности:
предпосылки и итоги раскола Милли Герюш**

С закрытием ПБ ее парламентская фракция присоединилась к Партии добродетели (ПД)³⁷, основанной в конце 1997 года сподвижниками Неджметтина Эрбакана. Таким образом, ПД стала в прямом смысле слова политической наследницей ПБ, четвертой по счету партией Милли Герюш. Между тем ПД во многих отношениях уже отличалась от всех предшествующих исламистских политических объединений. Это очень наглядно проявилось в кардинально изменившемся отношении к Западу. В прошлое ушла антизападная риторика исламистских лидеров и партийных программ. Несмотря на свои исламские корни, ПД выглядела теперь скорее проевропейской и проамериканской партией³⁸.

ПД отказалась не только от прежнего антизападничества, но и взяла на вооружение либеральные ценности – демократию, права человека, примат права, сделав их главными категориями своего политического дискурса. Призывы к демократии, защите и расширению прав человека, установлению правления закона стали новыми характеристиками политической стратегии движения Милли Герюш (получившего новое измерение после вынужденного ухода из активной политической жизни старых исламистских лидеров во главе с Неджметтином Эрбаканом).

Реджаи Кутан, возглавивший ПД и ставший в отсутствие Неджметтина Эрбакана новым лидером Милли Герюш, объяснял, что движение, вернее его партия, больше не будет использовать старые – и уже ставшие традиционными – концепции «национального взгляда» и «справедливого порядка», поскольку многим они были не понятны. Теперь исламистов больше интересовали перспективы развития демократии в Турции³⁹. Реджаи Кутан утверждал, что в Турции существует определенный «дефицит демократии», хотя страна в этом отношении выгодно отличается от ближневосточных мусульманских государств. Делая акцент на важности демократических выборов, лидер ПД подчеркивал, что «политическая власть не должна достигаться недемократическими методами», а СНБ, по его мнению, «нужно реформировать в соответствии с принципами западной демократии», чтобы политическое влияние

военной и гражданской элиты и бюрократии свелось к минимуму⁴⁰. Иными словами исламистская партия встала на позиции либеральной демократии и парламентаризма, указав на необходимость свободы совести, соблюдения базовых прав и свобод. А Реджаи Кутан провозгласил, что «секуляризм не может быть оправданием ограничения свободы в выборе веры»⁴¹.

В этой новой риторике западные (или «современные» в новой трактовке) ценности и Запад как таковой перестали быть «проклятием» для мира ислама, как это себе представляли идеологи Партии благоденствия. Ярким примером и подтверждением идеологической трансформации исламистов стало решение самого Неджметтина Эрбакана обратиться Европейский суд по правам человека с делом о закрытии Партии благоденствия и запрете на политическую деятельность для ее лидеров. Получалась парадоксальная ситуация: лидер Милли Герюш хочет, чтобы дело его партии разбиралось в европейском суде исходя из «западных/европейских ценностей и установок», Европейской конвенции по правам человека⁴². Выходило, что Неджметтин Эрбакан, в свое время характеризовавший европейский мир как глубоко несправедливый, эксплуататорский, империалистический и антиисламский, теперь искал там справедливость, т. е. нечто, присущее, по мнению исламистов, исключительно миру ислама.

С учетом политического дискурса Милли Герюш такое решение можно было бы назвать агонией, самопожертвованием перед лицом непростого выбора между верностью традиции, устоявшейся политической идентичностью и просто выживанием. Для Неджметтина Эрбакана нужно было обязательно что-то предпринимать ради будущего движения Милли Герюш и своей собственной политической карьеры. Поэтому-то деятели политического ислама в Турции не только решились обратиться в Европейский суд, но и принялись искать спасение в западноевропейских идеологемах – демократии, правах человека, правлении закона. Притом, что это противоречило и традиции подозрительного отношения ко всему западному, и устоявшейся дихотомии национальное – космополитичное (свое – чужое).

Отношение к ЕС у партии Реджаи Кутана и в рамках всего Милли Герюш также радикально изменилось: решительная поддержка интеграции Турции в европейские международные организации вместо прежнего взгляда на ЕС как «христианский клуб». Лидеры ПД в парламенте стали оказывать на правитель-

ство давление, чтобы Анкара поскорее принялась за исполнение «Копенгагенских критериев», чтобы наконец-то был дан старт процессу вступления Турции в ЕС. Реджаи Кутан не устал подчеркивать, что главным пунктом в перечне политических требований ЕС значилось установление демократии, соответствующей «европейским стандартам», что подразумевало изменение Конституции страны, масштабного расширения гражданских свобод⁴³. ПД торопилась поскорее установить идеологический альянс с Западом, который, по ее мнению, мог бы сделать партию более легитимной и, конечно, защищенной от внутренних политических катаклизмов. Актуальность последнего стремительно возросла после того, как прокуратура возбудила дело о закрытии Партии добродетели в апреле 1999 года⁴⁴.

Важное отличие нового политического дискурса Милли Герюш (демократия, права человека, господство закона) заключалось в том, что в отличие от предшествующего по своей природе он был оборонительным, эволюционным. Здесь уже не было места революционным настроениям, агрессивной риторике начала 90-х (когда это было отличительной чертой партии, сформировавшейся и действующей как строго оппозиционная). Между тем, пытаясь навести мосты с другими политическими лагерями – либералами, демократами и т. д., ПД стремительно теряла популярность среди населения: на выборах 1999 года Партия добродетели – в отсутствие харизматичного Неджметтина Эрбакана – набрала лишь 15%.

Неутешительные результаты выборов и главное – объективная тенденция снижения избирательных симпатий вызвали ожесточенные внутрипартийные споры о стратегии партии и ее руководителях. Все четче проявлялся раскол партии на два крыла: старую гвардию исламистов – верных сторонников Неджметтина Эрбакана – и молодых умеренных политиков, или реформаторов, ратовавших за обновление партийного руководства, идеологии и общественного имиджа партии.

На фоне этой дискуссии в мае 2000 года прошел партийный съезд-конгресс, ставший очередной вехой в развитии ПД и политического ислама в Турции. Конгресс выявил наличие серьезной внутрипартийной оппозиции: при голосовании по кандидатуре лидера партии, кроме ставленника и ученика Неджметтина Эрбакана, тогдашнего председателя ПД Реджаи Кутана о своих претензиях на высокий пост заявил молодой депутат меджлиса, придерживающийся умеренных взглядов,

ближайший сторонник экс-мэра Стамбула Тайипа Эрдогана – Абдуллах Гюль⁴⁵. Причем несмотря на прямое и открытое лоббирование против Абдуллаха Гюля, за него проголосовала почти половина делегатов. Событие было весьма примечательным, особенно учитывая традицию подчинения своему лидеру и «отцу-вдохновителю» внутри движения Милли Герюш. Выходило, что идеологическая трансформация слишком серьезно была воспринята массовым сознанием рядовых членов движения и не прошла руководству движения «даром»⁴⁶.

Хотя на первый взгляд раскол в движении Милли Герюш был исключительно отражением борьбы за власть внутри партии, именно идеологический тупик, с которым движение внезапно столкнулось лицом к лицу, был реальной основой и катализатором возникновения разных взглядов на партийное руководство и различного видения пути развития партии. Идеалы демократии и прав человека не смогли стать для масс столь же объединяющими и мобилизующими, как лозунги «национального взгляда» и «справедливого порядка». С другой стороны, и время антизападной риторики ушло в прошлое: по опросам общественного мнения, гипотетическое членство в ЕС поддерживало 70 с лишним процентов населения Турции. Можно предположить, что сам идеологический вакуум движения политического ислама, вызванный резкой сменой дискурса, привел к неразберихе вокруг реального лидера партии и движения, его идеологии и, наконец, будущего⁴⁷. Поскольку разделение партии на традиционалистов (сторонников Неджметтина Эрбакана) и реформистов (сторонников Тайипа Эрдогана) стало очевидным к майскому съезду партии в 2000 году, закрытие ПД в июне 2001 года лишь ускорило и легитимизировало раскол движения Милли Герюш⁴⁸. В конце концов, традиционалисты основали свою Партию счастья (ПС)⁴⁹ под руководством Реджаи Кутана и с Неджметтином Эрбаканом в качестве духовного лидера, а реформисты принялись за создание своей собственной партии, нацеливаясь на формирование широкой политической коалиции⁵⁰.

Несмотря на отчаянные попытки Неджметтина Эрбакана, все еще лишённого права избираться членом парламента и возглавлять партию, ПС получила только 2,5% голосов на всеобщих выборах в ноябре 2002 года, не сумев преодолеть 10%-й барьер для прохождения в меджлис. Еще более печальным для ПС было то, что результат выборной кампании 2002 года

был для партии, принадлежащей к Милли Герюш, наихудшим со времени основания движения в 1970-м году. Выборы 2002 года показали, что пришел конец временам, когда периферийные настроенные традиционно районы страны были представлены открыто клерикальными происламскими политическими партиями, а вместе с этим и прежнему движению политического ислама.

Партия справедливости и развития: становление постисламизма

Партия справедливости и развития (ПСР), лидером которой стал экс-мэр Стамбула Тайип Эрдоган, была официально зарегистрирована 14 августа 2001 года. Менее, чем через два года после своего основания ПСР, партия, фактически отколовшаяся от движения Милли Герюш, одержала блестящую победу на всеобщих выборах в ноябре 2002 года, набрав рекордные 34,4% голосов. Ближайший оппонент ПСР – кемалистская Народно-республиканская партия (НРП) набрала 19%, а прозрбакановская ПС – всего 2,5%⁵¹. На июльских выборах 2007 года ПСР еще раз подтвердила, что является партией с наибольшей электоральной поддержкой: 22 июля 2007 года ПСР показала результат на 12% больше, чем пять лет назад, набрав в общей сложности 46,5%. И вновь у ПСР оказалось достаточно мест в ВНСТ для формирования своего правительства, хотя и несколько меньше, чем в предыдущем парламенте (кроме ПСР (341 мандат) в меджлис вошли НРП (112 мандат), Националистическая народная партия (71) и 25 независимых, 20 из которых принадлежат к прокурдской Партии демократического общества)⁵².

Базовые принципы организационной структуры ПСР были во многом позаимствованы у ПБ и ПД, как и многие главные фигуры новой партии, хотя в самом начале основатели ПСР заявляли, что пойдут гораздо дальше ПБ и ПД в своем стремлении представлять широкую коалицию разных слоев турецкого населения, иными словами – олицетворять «политический центр»⁵³. Лидеры ПСР приводили в пример Демократическую партию (1946–1960) в 1950-е, Партию справедливости (1961–1981) в 1960-е, Партию отечества (осн. в 1983) в 1980-е годы – все это были правоцентристские силы, обладавшие в свое время

широкой общественной поддержкой и занимавшие лидирующие позиции в политической жизни страны⁵⁴.

Интересно посмотреть на программу ПСР, названную «Программой демократии и развития». В ней ПСР отрекается не только от прежних лидеров движения Милли Герюш, но и от его идеологии, провозглашая своим главным политическим приоритетом «демократический консерватизм»⁵⁵. И если акцент на развитие в какой-то степени можно отнести к наследию правоцентристских политиков, начиная с 1950 года, то «демократия» в столь широком понимании – это, в общем-то, новая установка, навеянная воспоминаниями о недавних событиях 28 февраля 1997 года – примере чрезмерного давления на политическую систему со стороны судебной власти и армии (с рецидивами которой можно бороться только большей демократизацией гражданского общества и политической системы).

Учитывая, с одной стороны, исламистские корни лидеров новой партии, а с другой, – ее установку на консерватизм, ПСР можно рассматривать как постисламистское движение, оставляющее исламские принципы в социальной сфере, но избавляющееся от них в политической программе. Показывая, как исламские социальные установки с их системой образования, принципами коммерческой деятельности и социальной солидарностью подрывались политизацией ислама в 90-е годы, ПСР говорит о необходимости не трогать социально-экономическую основу ислама как базис «консерватизма» по-эрдогановски⁵⁶. Идя дальше, в партийной программе и своих предвыборных декларациях лидеры ПСР провозгласили конец идеологий, включая и исламизм, и наступление эры глобализации⁵⁷.

Отношение ПСР к глобализации и вступлению Турции в ЕС сильно отличалось от привычной позиции исламистов. Членство в ЕС рассматривалось как закономерный итог модернизации страны: «Стремление соответствовать копенгагенским критериям в сфере политики – это важный шаг вперед на пути модернизации страны», – говорилось в предвыборном манифесте ПСР⁵⁸. Развивая эту мысль, сразу после всеобщих выборов в ноябре 2002 года Тайип Эрдоган заявил, что приоритетом политики его партии станет не решение пресловутого «вопроса хиджаба», как это можно было бы ожидать от происламской партии, а максимальное ускорение процесса вступления Турции в ЕС, когда-то названный движением Милли Герюш «христианским клубом»⁵⁹. Со времени своего формирования первое

правительство ПСР (2002–2007) провело ряд фундаментальных реформ, затронувших такие застаревшие проблемы, как курдский вопрос, права человека и отношения между гражданской и военной элитами, готово было пойти на политически рискованный компромисс в решении проблемы Кипра. Отчаянно стремясь в ЕС, ПСР со своими исламистскими корнями уже, видимо, забросила идею создать исламское правительство в Турции, поскольку процесс евроинтеграции, по сути, исключал подобную возможность⁶⁰.

Позиция в отношении глобализации вызывала не меньше удивления. Ведь объективно процесс глобализации, стирая старые границы, ослаблял «национальные ценности» и тем самым подрывал основы традиционного общества – естественной социальной базы исламистских движений. Исламисты были воспитаны на страхах перед глобализацией, убивающей традиционные секторы экономики. Однако ПСР вместо националистического уклона стала придерживаться проглобалистской позиции. Антиглобалистские настроения в партии были выхолощены научными выкладками, по которым Турция не в изоляции, а в интеграции с внешним миром создавала предпосылки для своей дальнейшей демократизации, которая, в свою очередь, гарантировала политическое выживание самой ПСР. Причем в данном случае правительство ПСР в своих действиях не сильно отходило от лозунгов: следуя ранее принятой программе МВФ, кабинет Тайипа Эрдогана еще раз подтвердил свою проглобалистскую позицию⁶¹.

Происламские политики 90-х, большинство из которых составили костяк Партии справедливости и развития, отказались от антизападничества, традиционного составлявшего политическую идентичность исламистов. Этот шаг объяснялся, в том числе, и тем, что западные ценности демократии, прав человека и господства закона оказались очень нужными для формирования широкой коалиции против кемалистов, получения за счет нового дискурса большей легитимности для столкновения со светским истеблишментом. Перед лицом постоянной угрозы со стороны своего извечного противника – армии, мнение которой сильно влияло на позицию судебных властей и представителей высшего слоя государственной элиты, как и на прокемалистские СМИ, исламисты скоро поняли все преимущества демократии, оказавшейся неплохим средством для изменения баланса сил между государственной властью и гражданским

обществом. Исламисты прекрасно осознавали, что выжить им удастся только в демократически ориентированной стране, где уважаются гражданские и политические права и свободы, стране – члене европейских международных политических и экономических организаций, особенно ЕС⁶². Этот идеологический поворот, упор на универсальные ценности, а не сугубо мусульманские, служил оправданием самому существованию исламской политики в Турции.

Под нажимом кемалистской элиты исламисты искали союза с Западом и либеральными силами внутри страны, дистанцировавшимися от наследия авторитарного режима. Многочисленные западные общественные фонды, Европейский Союз, Европейский суд по правам человека и т. д. – все эти международные организации были довольно критичны в отношении ситуации с правами человека и демократией в Турции. И в итоге исламисты солидаризовались с Западом в требовании углубления демократизации Турции, расширения гражданских и политических свобод⁶³.

Проевропейская позиция исламистов тоже объяснялась сугубо прагматическими интересами. Ведь было очевидно, что чем сильнее Турция будет дистанцироваться от Запада и ЕС, тем навязчивее будет опека над молодой турецкой демократией со стороны армии, продолжавшей рассматривать исламистов как рудимент прошлого и опасную угрозу. Так ЕС невольно стал союзником исламистов в их стремлении обуздать влияние армии на политику в Турции и создать такую демократическую политическую систему, где бы исламисты находились в центре властных структур и при этом обладали полной легитимностью. Кроме того, нельзя забывать, что снижение степени воздействия армии на политику, логичного результата углубления демократии, ставшего важным условием для Турции на пути в ЕС, делают кемалистскую государственную идеологию, главным защитником которой и выступает армия, совсем не подходящей для Турции – члена ЕС⁶⁴. Не говоря уже о том, что ни в одном государстве – члене ЕС в принципе нет официально провозглашенной государственной идеологии.

Исламисты прекрасно помнили, что со времени начала реформ Танзимата в 1839 году за модернизацией в Турции стояли европейские державы, вынуждавшие страну идти по пути политической, экономической и военной трансформации⁶⁵. Исторически сложившийся взгляд на Запад как силу, способ-

ную вызвать реформаторский подъем в Турции, также сыграл определенную роль в сближении идеологии политического ислама с западными ценностями. Для осуществления задуманных реформ исламисты обратили взоры на Запад, полагая, что требования ЕС по поводу углубления демократии и расширения гражданского общества отчасти совпадают с их стремлением получить союзников в борьбе с кемалистской элитой – армейской верхушкой и судьями высших инстанций⁶⁶.

Как итог, исламисты приняли новый позитивный взгляд на Запад, членство Турции в ЕС и ее участие в глобальных процессах мировой интеграции⁶⁷. Это был разрыв с самой традицией политического ислама в Турции, базировавшегося на идеологии «крестового похода» против западного мира, глубоким недоверии западным ценностям (включая демократию и права человека) и жесткой критике вестернизации Турции. Вместе с тем трансформация идеологии движения политического ислама вызвала серьезные опасения кемалистов в отношении как Запада, так и его ценностей.

Игры исламистов с идеологией своего движения стали для кемалистов проверкой на последовательность их отношения к Западу и доведения проекта вестернизации до логического конца – создания полноценно демократического государства. Однако ситуация вокруг наиболее острых проблем, находящихся в фокусе общественного внимания (таких как курдский сепаратизм, права человека и реисламизация публичной сферы и общества), все чаще заставляла кемалистов обращаться к идее заговора Запада против Турции⁶⁸. Как только в печати заходила речь о критической позиции Запада в отношении курдского вопроса или прав человека, появлялись сравнения с отношением к Турции Запада в Севрском договоре (1920)⁶⁹. В результате кемалисты принялись критиковать Запад за его помощь курдам и содействие исламистам. Тем самым кемалисты – прежние убежденные сторонники вестернизации стали идеологически – «дискурсивно» – уязвимы, отказавшись от главных целей вестернизации – демократического правления и защиты прав человека, которые теперь представлялись серьезной угрозой целостности страны и режиму из-за манипуляций исламистов и курдов, которым удалось изобрести новый союз с проевропейски настроенными социальными, экономическими и интеллектуальными кругами как внутри страны, так и за рубежом.

Исламисты ответили на идеологическую дилемму традиционно прозападной кемалистской элиты (своего главного соперника) принятием либеральной политической платформы, с одной стороны, выигрывая поддержку западных сил и турецких либеральных интеллектуалов, с другой, – делегитимизируя платформу кемалистов, всегда числивших себя западниками. Беря на вооружение «современные политические ценности», исламисты надеялись загнать в угол кемалистов, так легко отрекшихся от «идеалов демократии» в пользу «элитарной республики»⁷⁰.

В итоге исламисты принялись без устали демонстрировать верность демократии и плюрализму как основам и гарантии их политического и общественного выживания, а кемалисты пришли к выводу, что западные политические ценности демократии, прав человека и правления закона плохо подходят турецким «реалиям». По логике кемалистов, если демократия – это политический строй, который приведет к власти исламистов, если соблюдение прав человека – это механизм защиты исламистов, а сама вестернизация начинает служить интересам политического ислама, то нет никакого смысла продолжать такую «вестернизацию» и стремиться к ее полному завершению.

Поскольку кемалисты фактически отказались от идеалов вестернизации, часть западного истеблишмента – особенно в ЕС – решила постепенно свернуть бизнес с представителями кемалистской элиты, которых они когда-то считали прозападно настроенными архитекторами современной Турции⁷¹. В результате такого взаимного недоверия исторически сложившийся баланс сил был нарушен. Резкая перемена в оценках западного мира и вестернизации у кемалистов помогла исламским политикам преодолеть традиционное недоверие по отношению к Западу как старому союзнику кемалистов, а критика кемалистского авторитаризма, развернувшаяся в Европе в последнее десятилетие, только подтвердила правильность идеологической трансформации исламистов.

Электоральный успех, которого ПСР добилась на выборах 2007 года, и все возрастающая популярность партии Тайипа Эрдогана помимо идеологической имеют под собой экономические и политические причины. По результатам опросов общественного мнения, главный фактор, определивший решение людей проголосовать за ПСР, – это экономическая ситуация в стране. За те пять лет, что ПСР находится у руля, Турция

достигла ежегодного роста экономики в 7,5%, рекордных объемов иностранных инвестиций, стремительно возросших от 1,2 млрд. долларов до 20 млрд., и снижения уровня инфляции. Сеть социальной помощи, программа которой была развернута благодаря ПСР, сыграла колоссальную роль в смягчении негативных последствий введения рыночной экономики. Кроме того, курс турецкой валюты, потерявшей в одночасье шесть нулей по деноминации 2005 года, оказался на удивление стабильным, а новая лира даже стала расти по отношению к доллару и евро. Выходило, что людей больше заботила их повседневная жизнь, чем гипотетическая исламская угроза в лице ПСР. Иными словами, не идеология и идентичность определили ход событий и предпочтения избирателей, а рост уровня жизни и социальная ориентированность правительства.

ПСР активно использовала муниципалитеты для обеспечения малоимущих пропитанием и особенно медицинским обслуживанием. По новой реформе здравоохранения люди при поддержке правительства получили доступ к частной медицине, а через реформу административного аппарата многие получили возможность хорошего трудоустройства в госучреждения.

Что касается политических факторов успеха ПСР, то наиболее важный среди них – это харизма самого Тайипа Эрдогана, его имидж реального лидера консервативных сил в Турции (при этом он разговаривал с электоратом на одной волне, его язык, политические манеры – все было близко большинству избирателей). К тому же и Абдуллах Гюль обрел почти такой же политический вес, как и Тайип Эрдоган, поскольку многое в выборной платформе ПСР вертелось вокруг кампании против избрания Абдуллаха Гюля президентом. Что касается самой предвыборной платформы ПСР, то едва ли не главной ее мировоззренческой установкой была идея «притеснения» (*mazlum*) и вытеснения «белыми турками» «сакрального» (по терминологии Мирча Элиаде) из публичной сферы⁷².

По логике идеологов ПСР, кемалистский истеблишмент изображался «белыми турками», а сторонники партии Тайипа Эрдогана – наоборот, «черными», т. е. теми, кто был маргинализирован властной системой. Это четкое идеологическое разделение общества на черных и белых было прекрасно воспринято простыми турками и, кроме того, мобилизовало на поддержку ПСР исламистские организации, прежде всего сообщество Фетхуллаха Гюлена, постоянно находящееся в конфрон-

тации с военной элитой страны. ПСР организовала массовые митинги в 58 провинциях (для сравнения НРП – лишь в 20), стараясь заявить о себе буквально в каждом уголке Турции⁷³. Даже несмотря на то, что ПСР не предложила никакого политического решения курдской проблемы, равно как и не выдвинула внятной программы экономического развития для отсталых регионов, курдское меньшинство охотно отдало свои голоса в пользу ПСР. И главная причина состоит в том, что курды видят в ПСР главную антикемалистскую и в то же время антисистемную политическую партию, борющуюся с «общим врагом». Меморандум военной элиты, вывешенный на официальном сайте Генштаба 27 апреля 2007 года, еще больше усилил у курдов чувство сопричастности с ПСР, создал иллюзию того, что и РПК и ПСР вместе противостоят репрессивному и милитаристскому кемалистскому государству. К тому же многие по достоинству оценили ответный «меморандум» ПСР и ее апелляцию к закону и конституции⁷⁴.

Вполне закономерно, что когда за два месяца до выборов на востоке страны активизировались террористы, ПСР через неофициальные информационные каналы – кафе и клубы – успешно распустила слух, что напряженность искусственно создается и нагнетается «ястребами» из числа военной элиты с целью милитаризации региона и начала войсковой операции на территории сопредельного Ирака. Часть курдов между тем еще и питала надежду на то, что у ПСР есть «скрытый план» коренной трансформации кемалистского государства через радикальную конституционную реформу. Кроме того, депутаты от ПСР в «курдских» районах вели шумную кампанию против военной угрозы вторжения в северный Ирак. Предвыборная платформа ПСР ко всему прочему была одной из наиболее прокурдских по своему настрою, и люди посчитали, что у ПСР есть программа «декемализации» общества, возрождения полинационального государства с децентрализацией власти в соответствии с новой конституцией, обещанной Тайипом Эрдоганом⁷⁵.

Между тем новая политическая ситуация в стране ставит перед ПСР новые императивы. Весенний кризис вокруг избрания президента, многотысячные митинги в поддержку светской республики вместе с «ультиматумом» Генштаба от 27 апреля 2007 года⁷⁶ отчетливо показали, что единственный путь остаться у власти и не растерять народные симпатии – это отход от «мажоритарной» политики и переход к консенсусной страте-

гии. Отсутствие конституционного большинства в две трети депутатских мандатов (367 из 550) заставит ПСР искать компромисс с другими политическими силами. Кроме того, нынешняя парламентская фракция более правоцентристской ПСР, включающая после предвыборной «чистки» депутатского списка⁷⁷ экс-левых и либералов, в определенном смысле свяжет руки партии Тайипа Эрдогана, и о прежней внутрипартийной дисциплине придется забыть.

* * *

Развитие прозападного направления политического дискурса, принятие ценностей либеральной демократии не только разрушили сложившиеся представления и трактовки политического ислама в Турции, но и послужили катализатором возникновения новой исламистской политической идентичности, основанной на новом политическом дискурсе, сочетающемся с Западом и вестернизацией. Появление на политической сцене ПСР – происламской партии, отколовшейся от Милли Герюш, принявшей современные политические ценности и процесс интеграции с ЕС, – в каком-то смысле показывает вектор эволюции политического ислама в Турции.

Новое поколение деятелей политического ислама в Турции пересмотрело прежние идейные установки о демократии и правах человека как отражении исключительно западных реалий, не применимых в исламском мире. Эта идеологическая трансформация вместе с трезвой критикой исламистской политической традиции в конечном итоге привела к возникновению на политическом горизонте ПСР как постисламистского движения.

Нынешняя ситуация в Турции характеризуется не только конфликтом политических идеологий, но и столкновением разного понимания фундаментальных концептов: нации и национализма, государства, демократии, наконец, кемализма. Военная элита хочет сохранить режим и властную вертикаль «старой Турции» (в их представлении – лучшего периода современной истории страны), правительство ПСР, напротив, стремится навязать свое видение «новой Турции». ПСР ищет оптимальный способ остановить кемалистский проект строительства единой нации-государства и официально признать, наконец, мультикультурный характер республики (один из пунктов программы ПСР⁷⁸) – пусть и с исламско-турецким большинством, но, вероятно, без настойчивого игнорирования политических и

культурных прав курдского меньшинства и алевитов. Напряжение идет по линии концепции будущего Турции: роли ислама в публичной сфере и природы турецкой нации. План ПСР, по-видимому, предполагает решительную перестройку существующего порядка, создание полиэтнического государства с исламом в качестве объединяющего элемента турецкой нации. Армия вместе со «светской элитой» по мере своих сил сопротивляется радикальным интенциям партии Тайипа Эрдогана, для них главные издержки сценария ПСР – это угроза фрагментации общества и дезинтеграции государства. Однако консенсусный подход, который так или иначе все прочнее входит в практику политической жизни Турции, предполагает поиск среднего пути, компромиссного варианта развития событий.

¹ Данилов В.И. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества. // Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999, с. 222.

² См.: *Erbakan N. Türkiye'nin Meseleleri ve Çözümleri: Program*. Ankara, Temmuz 1991.

[<http://www.necmettinerbakan.org/erbakankitap.asp>]

³ Согласно принятому в научной литературе определению, под исламизмом понимается идеология и практическая деятельность, ориентированная на создание условий, при которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого мусульманского общества (государства), а также между государствами будут разрешаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны). Исламизм, политический ислам – понятия одного порядка, означающие проект создания политических условий для применения исключительно исламских норм во всех сферах общественной жизни. [См.: Исламизм: глобальная угроза? М., 2000.]

⁴ См.: *Toynbee A.J., Kirwood K.P.* Turkey. L., 1926, с. 163–181; *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. Oxford, 1968, с. 45–72; *Rustow D.A.* The Modernization of Turkey in Historical and Comparative Perspective. // *Social Change and Politics in Turkey: A Structural-Historical Analysis*. Leiden, 1973, с. 94–95.

⁵ *Mardin Ş.* The Genesis of Young Ottoman Thought: A Study in the Modernization of Turkish Political Ideas. Princeton, 1962; *Türkiye'de*

İslamcılık Düşüncesi. Cilt I. İstanbul, 1986; *Türköne M.* Siyasi İdeoloji Olarak İslamcılığın Doğuşu. İstanbul, 1991.

⁶ *Ülken H.Z.* Türkiye'de Çağdaş Düşünce Tarihi. İstanbul, 1966, с. 207–208. Абдуллах Джевдет, один из убежденных сторонников реформ в исламе, в своем журнале *İçtihad* недвусмысленно критиковал ислам как препятствие на пути развития и прогресса [*Hanioğlu Ş.* Bir Siyasal Düşünür Olarak Doktor Abdullah Cevdet ve Dönemi. İstanbul, 1981].

⁷ Когда Эрнест Ренан опубликовал свой знаменитый памфлет, в котором ислам изображался как преграда на пути прогресса, науки и технологии, это вызвало негодование образованных кругов Турции. Намык Кемаль, полемизируя с Эрнестом Ренаном, написал свое *Renan Müdafaanamesi*, доказывающее, что в основе ислама лежит прогрессивное начало и установка на непрерывное развитие, а во всех проблемах нужно винить самих мусульман. [*Kemal N.* Renan Müdafaanamesi (İslamiyet ve Maarif). Ankara, 1962; *Hourani A.* Europe and the Middle East. Berkeley, 1980, с. 12].

⁸ См. произведение одного из влиятельных мыслителей начала XX века Саида Халим-паши: *Halim Paşa S.* Buhranlarımız. İstanbul: Tercüman Yayınlar, n.d.

⁹ См.: *Al-Azmeh A.* Islams and Modernities. L., 1993.

¹⁰ При этом модернизация четко отделялась от вестернизации. В модернизации исламские мыслители видели предтечу собственного освобождения, в то время как в вестернизации, наоборот – еще один шаг навстречу порабощению Западу и разрыву с исламской цивилизацией. Это прослеживается в трудах видных представителей общественной мысли Турции: *Sehbenderzade Filibeli Ahmed Hilmi* (с. 3–43), *Said Halim Paşa* (с. 73–174), *Iskilipli Mehmed Atif* (с. 241–72). // *Kara İ.* Türkiye'de İslamcılık düşüncesi: metinler, kişiler. Cilt I. İstanbul, 1986–1987; *Nurettin Topçu* (с. 113–239), *N. Fazıl Kısakürek* (с. 241–375), *Sezai Karakoç* (с. 377–479), *İsmet Özel* (с. 595–702) // *Kara İ.* Türkiye'de İslamcılık Düşüncesi: metinler, kişiler. İstanbul. Cilt III. İstanbul, 1997. *Bulaç A.* Modern Kavramlar ve Düzenler. İstanbul, 1987; *Özel İ.* Üç Mesele; Teknik, Medeniyet, Yabancılaşma. İstanbul, 1978.

¹¹ См.: *Kupeev H.G.* Проблемы утверждения в Турции светской модели общества. // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. с. 212–215; *Kupeev H.G.* История Турции. XX век. М., 2007, с. 23–25, 36–40.

¹² *Göle N.* Secularism and Islamism in Turkey: The Making of Elites and Counter-Elites. // *Middle East Journal*, Vol. 51, No. 1 (1997), с. 46–58.

¹³ Подтверждение сильному антизападному настроению общественной мысли исламистской интеллигенции можно найти в работе Мехмеда Догана (*Doğan M.* Batılılaşma İhaneti. İstanbul, 1986). См. также *Harputlu A.* İslamcıların Batı Tahayyülü. // *Bilgi ve Düşünce*, Vol. 1, No. 1 (2002), с. 23–27.

¹⁴ *Mardin Ş.* Ideology and Religion in the Turkish Revolution. // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 2, No. 3 (1971), с. 197–211.

¹⁵ *Göle N.* Secularism and Islamism in Turkey: The Making of Elites and Counter-Elites. // *Middle East Journal*, Vol. 51, No. 1 (1997), с. 46–58.

¹⁶ Партия национального порядка (Milli Nizam Partisi – MNP) была создана 26 января 1970 года со штаб-квартирой в Анкаре и закрыта по решению Конституционного суда 20 мая 1971 года.

[<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>]

¹⁷ Партия национального спасения (Milli Selamet Partisi – MSP) была создана 11 октября 1972 года со штаб-квартирой в Анкаре и запрещена 16 октября 1983 года.

[<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>]

¹⁸ *Toprak B.* Politicization of Islam in a Secular State: The National Salvation Party in Turkey. // *From Nationalism to Revolutionary Islam: Essays on Social Movements in the Contemporary Near and Middle East*. N.-Y., 1984.

¹⁹ Примечательно, что религиозный национализм, проповедуемый исламистскими партиями, подтверждался использованием двусмысленности самого слова *milli*, с одной стороны, означающего «национальный», а с другой, – подразумевающего родство со словом *dini* (религиозный) по арабской этимологии. Поэтому для выражения своих политических взглядов партии Неджметтина Эрбакана не требовалось ссылаться на ислам, достаточно было подчеркнуть приверженность «национальному взгляду». Тем самым обходился запрет на использование религии в политических целях, особое положение национализма в Турции служило прикрытием для религиозной идентичности [*Yıldız A.* Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook. // *Muslim World*, Vol. 93, No. 2 (2003), с. 190; *Erbakan N.* Milli Görüş. İstanbul, 1975].

²⁰ *Dagi İ.D.* Kimlik, Söylem ve Siyaset: Doğu-Batı Ayrımında Refah Partisi Geleneği. Ankara, 1999, с. 23–5, 42–75.

²¹ *Milli Gazete*, 4.12.1995.

²² *Erbakan N.* Milli Görüş. İstanbul, 1975, с. 43–50;

http://www.necmettinerbakan.org/icerik.asp?id=5&cat_id=283&acat_id=655

²³ *Dagi İ.D.* Kimlik, Söylem ve Siyaset..., с. 23.

²⁴ *Erbakan ve Türkiye'nin Temel Meseleleri*. Ankara, 1996, с. 99–100; *Milli Gazete*, 21.09.1995.

²⁵ Партия благоденствия (Refah Partisi – RP) была создана 19 июля 1983 года со штаб-квартирой в Анкаре и запрещена решением Конституционного суда 16 января 1998 года [Osmanlı'dan Günümüze Seçimler (1877–2002). İstanbul, 2003, с. 459–476].

<http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>

²⁶ *Tunaya T.Z.* İslamcılık Cereyanı. İstanbul, 1962, с. 190–192.

²⁷ Национальная партия (*Millîyet Partisi* – MP) – была создана 20 июля 1948 года со штаб-квартирой в Анкаре и запрещена решением суда 27 января 1954 года.

[\[http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm\]](http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm)

²⁸ *Öniş Z.* The Political Economy of Islamic Resurgence in Turkey: The Rise of the Welfare Party in Perspective. // *Third World Quarterly*, Vol. 18, No. 4 (1997), с. 743–766.

²⁹ *Yavuz M.H.* Political Islam and the Welfare (Refah) Party in Turkey. *Comparative Politics*, Vol. 30, No. 1 (1997), с. 63–82; *Öniş Z.* The Political Economy of Islamic Resurgence in Turkey..., с. 743–766; *Gülalp H.* Political Islam in Turkey: The Rise and Fall of the Refah Party. // *Muslim World*, Vol. 89, No. 1 (1999), с. 24–36; *Yıldız A.* Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook. // *Muslim World*, Vol. 93, No. 2 (2003), с. 187–210.

³⁰ *Dagi İ.D.* Turkey in the 1990s: Foreign Policy, Human Rights and the Search for a New Identity. // *Mediterranean Quarterly: Journal of Global Issues*, Vol. 4, No. 4 (1993), с. 60–77.

³¹ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, Vol. 75, No. 6 (1993), с. 28–34. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2002.

³² *Jung D.* The Sevres Syndrom: Turkish Foreign Policy and its Historical Legacies. // *American Diplomacy*, Vol. 8, No. 2 (2003).

[\[http://www.unc.edu/depts/diplomat/archives_roll/2003_07-09/jung_sevres/jung_sevres.html\]](http://www.unc.edu/depts/diplomat/archives_roll/2003_07-09/jung_sevres/jung_sevres.html)

³³ *Hürriyet*, 4.11.1997.

³⁴ См.: *Yavuz M.H.* Cleansing Islam From the Public Sphere. // *Journal of International Affairs*, Vol. 54, No. 1 (2000), с. 21–40; *Sakallıoğlu Ü.C., Çınarlı M.* Turkey 2002: Kemalism, Islamism and Politics in the Light of the February 28 Process. // *South Atlantic Quarterly*, Vol. 102, Nos. 2/3 (2003), с. 309–32.

³⁵ В обвинении указывалось, что в своем выступлении 6 декабря 1997 года он нарушил статью 312 УК, которая запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и враждебности [*Sabah*, 24.09.1998; *Milliyet*, 24.09.1998]. Дело состояло в том, что на одном из митингов Тайип Эрдоган зачитал стихи турецкого поэта Наджиба Кысакюрека, где были такие строки: *мечети – наши казармы, их купола – наши каски, минареты – наши штыки и вера – наши солдаты*. Суд расценил это как разжигание религиозной ненависти и вынес приговор – 10-месячное тюремное заключение, причем в тюрьме, несмотря на заслуги на посту мэра крупнейшего города страны, его продержали 4 месяца. [*Киреев Н.Г.* Кризис политического ислама в Турции..., с. 280–282; *Зиганшина Г.М.* От радикального исламизма к умеренному: успех партии справедливости и развития (Турция). // *Meyeriana*. Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера. Т. II. М., 2006. с. 110–112].

³⁶ *Salt J.* Turkey's Military Democracy. // *Current History*, Vol. 98, No. 626 (1999), с. 72–78.

³⁷ Партия добродетели (*Fazilet Partisi* – FP) была создана 18 декабря 1997 года со штаб-квартирой в Анкаре и запрещена решением Конституционного суда 22 июня 2001 года.

[\[http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm\]](http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm)

³⁸ Зия Ониш охарактеризовал эту идеологическую трансформацию как переход к «либеральному исламу» [*Öniş Z.* Political Islam at the Crossroads: From Hegemony to Co-existence. // *Contemporary Politics*, Vol. 7, No. 4 (2001), с. 283–284].

³⁹ *Mecham R.Q.* From the Ashes of Virtue, a Promise of Light: The Transformation of Political Islam in Turkey. // *Third World Quarterly*, Vol. 25, No. 2 (2004), с. 345–356.

⁴⁰ *Radikal*, 18.12.1998.

⁴¹ Там же.

⁴² Европейский суд по правам человека счел правильным решение о закрытии партии «Рефах». Европейский суд определил, что невозможно принять плюрализм в праве (к которому прибегал Эрбакан в рамках пропаганды лозунга «Справедливый порядок», означающего приверженность к такой правовой системе, которая позволяет каждому придерживаться своей веры), поскольку это означает применение отличных друг от друга правовых решений – согласно каждой вере. Также партии религиозного толка не могут пользоваться какого-либо рода фразеологией, побуждающей к крайним действиям (призывать

к шариату и джихаду) [*Sabah*, 02.08.2001; *Купеев Н.Г.* Кризис политического ислама в Турции: раскол движения Милли Герюш. // Ближний Восток и современность. Вып. 20. М., 2003. с. 280–282].

⁴³ *Hürriyet*, 04.05.2000.

⁴⁴ *Hürriyet*, 04.05.2000. После очередного раунда переговоров Турция – ЕС в 2001 году тогдашний министр иностранных дел Швеции Анна Линд (Anna Lindh) и еврокомиссар по проблемам развития Гюнтер Верхуген (Gunter Verhuegen) предупредили Турцию, что закрытие политических партий – серьезное препятствие на пути плюралистической демократии (имея, конечно, в виду случай с Партией добродетели [*Radikal*, 27.06.2001]). Однако вскоре после этого партия была распущена по решению Конституционного суда, которое, кстати, Реджаи Кутан детально обсуждал *post factum* на встречах с западными дипломатами [*Hürriyet*, 07.07.2001]. Очень примечательна в этом случае реакция все того же Гюнтера Верхугена (Gunter Verhuegen). Еврокомиссар, комментируя закрытие ПД, подчеркнул, что «само по себе решение может быть и в рамках Конституции Турции, но проблема в самой конституции». Уже довольно скоро в Европарламенте был принят доклад, критикующий турецкую практику запрещения партий как «противоречащую нормам демократического государства и свободе самовыражения [*Radikal*, 27.06.2001]. Все это еще раз показывало твердое намерение ПД установить крепкую дружбу с западными политическими институтами.

⁴⁵ Абдуллах Гюль расценивал этот конгресс как первую попытку движения публично прибегнуть к самокритике и самоанализу. По его меткому выражению, «на том конгрессе партия [Партия добродетели – П.Ш.] вышла из аквариума прямо в открытое море» [*Milliyet*, 20.05.2000; *Radikal*, 20.05.2000].

⁴⁶ См. интервью Айдына Мендереса газете «Миллиет» [*Milliyet*, 08.11.2000]. Еще один видный член ПД депутат Джемиль Чичек также высказывался за то, чтобы партия взялась за серьезную «работу над ошибками». «Самокритика необходима для развития в будущем», – подчеркивал он [*Sabah*, 26.06.2001].

⁴⁷ Между тем сама ПД отрицала наличие идеологического спора внутри партии, объясняя все события майского конгресса как здоровое внутрипартийное соперничество за кресло председателя ПД [*Milliyet*, 29.10.2000 и интервью Огузхана Асылтюрка газете «Миллиет» – *Milliyet*, 28.10.2000].

⁴⁸ *Yeşilada B.* The Virtue Party. // *Turkish Studies*, Vol. 3, No. 1 (2002), с. 68–79.

⁴⁹ Партия счастья (Saadet Partisi – SP) была создана 20 июля 2001 года со штаб-квартирой в Анкаре и существует по настоящее время [Osmanlı'dan Günümüze Seçimler (1877–2002). İstanbul, 2003, с. 459–476] <http://www.tesav.org.tr/siyasipartiler.htm>

⁵⁰ *Mecham R.Q.* From the Ashes of Virtue, a Promise of Light: The Transformation of Political Islam in Turkey. // *Third World Quarterly*, Vol. 25, No. 2 (2004), с. 339–358.

⁵¹ См.: *Зиганшина Г.М.* От радикального исламизма к умеренному: успех партии справедливости и развития (Турция). // *Meyeriana*. Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера. Т. II. М., 2006. с. 110–117; *Özel S.* Turkey at the Polls: After the Tsunami. // *Journal of Democracy*, Vol. 14, No. 2 (2003), с. 80–94; *Öniş Z., Keyman E.F.* Turkey at the Polls: A New Path Emerges. // *Journal of Democracy*, Vol. 14, No. 2 (2003), с. 95–108; *Çarkoğlu A.* Turkey's November Elections: A New Beginning? // *Middle East Review of International Affairs*, Vol. 6, No. 4 (2002), с. 30–41; *Coşan S., Özman A.* Centre-Right Politics in Turkey after the November 2002 General Election: Neo-Liberalism with a Muslim Face. // *Contemporary Politics*, Vol. 10, No. 1 (2004), с. 57–73; *Mecham R.Q.* From the Ashes of Virtue..., с. 339–358.

⁵² <http://www.akparti.org.tr/secimsonuc.asp>

⁵³ Тайип Эрдоган перед основанием своей партии вел переговоры со многими людьми, в том числе с такими известными личностями, как бизнесмен Рахми Коч и отставной генерал Атилла Кыят [*Sabah*, 25.06.2001; *Sabah*, 04.07.2001].

⁵⁴ *Milliyet*, 15.07.2001. О Тайипе Эрдогане – тогда еще мэре Стамбула – как умеренном политике писал Метин Хепер [*Heper M.* Islam and Democracy: Toward a Reconciliation? // *Middle East Journal*, Vol. 51, No. 1 (1997), с. 37].

⁵⁵ *Akdoğan Y.* Muhafazakar Demokrasi. Ankara, 2003. Книга Ялчина Акдогана примечательна тем, что это – попытка теоретического доказательства, что ПСР консервативно-демократическая партия, и опровержения ее исламистского характера. Несколько позже ПСР даже организовала международный симпозиум по проблемам консерватизма. На этом научном форуме, прошедшем в Стамбуле 10–11 января 2004 года, Тайип Эрдоган выступил с программной речью, очерчивающей консервативные позиции своей партии [*Uluslararası Muhafazakarlık ve Demokrasi Sempozyumu*. Ankara, 2004, с. 7–17].

⁵⁶ См.: *Yavuz M.H.* Towards an Islamic Liberalism? The Nurcu Movement of Fethullah Gulen. // *Middle East Journal*, Vol. 53, No. 4 (1999), с. 584–605.

- ⁵⁷ *Hürriyet*, 07.07.2001; *Milliyet*, 15.07.2001;
<http://www.akparti.org.tr/program.pdf>; Uluslararası Muhafazakarlık ve Demokrasi Sempozyumu, с. 7–17.
- ⁵⁸ <http://www.belgenet.com/secim/bildirge/akp2002-1.html>;
<http://www.akparti.org.tr/beyanname.doc>
- ⁵⁹ *Smith H.* New breed of politicians start to find their feet. // *Guardian*, 10.03.2003.
- ⁶⁰ Известный идеолог исламизма Али Булач еще в 1999 году объявил, что проект создания исламского государства в Турции провалился [*Radikal*, 21.12.1999]. См.: *Dagi İ.D.* Rethinking Human Rights, Democracy, and the West: Post-Islamist Intellectuals in Turkey. // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*, Vol. 13, No. 2 (2004), с. 135–51.
- ⁶¹ Из речи Тайипа Эрдогана в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне 28 января 2002 года. Цит. по: *Dagi İ.D.* İslami siyasette Batı ufkı. // *Radikal*, 03.03.2002.
- ⁶² Необходимость перемен в движении политического ислама прекрасно осознавалась самими исламистами. См.: *Akdoğan Y.* Değişimin ve Dönüşümün Teorik Zemin, *Bilgi ve Düşünce*, Vol. 1, No. 4 (Ocak 2003), с. 12–14.
- ⁶³ *Dagi İ.D.* Rethinking Human Rights, Democracy, and the West: Post-Islamist Intellectuals in Turkey. // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*, Vol. 13, No. 2 (2004), с. 140–43.
- ⁶⁴ Is it Adieu to Atatürk? // *The Economist*, 16.10.1999; *Bulaç A.* Niçin AB. // *Zaman*, 11.12.1999; *Bulaç A.* Türkiye'nin ev ödevleri. // *Zaman*, 16.02.2000; *Bulaç A.* FP, 312 ve demokrasi. // *Zaman*, 25.03.2000; *Bulaç A.* AB tartışması. // *Zaman*, 19.03.2002.
- ⁶⁵ *Davidson R.H.* Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, 1968, с. 78, 81; *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. Oxford, 1968, с. 45–72, 80, 122, 162.
- ⁶⁶ *Dagi İ.D.* Human Rights and Democratization: Turkish Politics in the European Context. // *Southeast European and Black Sea Studies*, Vol. 1, No. 3 (2001), с. 51–68.
- ⁶⁷ *Harputlu A.* Türkiye'de İslamcılığın Dönüşümleri ve Yeni Politik Durum. // *Bilgi ve Düşünce*, Cilt. 1, No. 4 (Ocak 2003), с. 15–18
- ⁶⁸ *Sinanolu O.* Küreselleşmenin Gerçek Yüzü. // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.04.11/default.html>;
Savaş V. AB'nin Önlenemeyen Düşüşü. // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.04.25/default.html>;
Savaş V. Kuşatılan Türkiye. // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.05.02/default.html>;

- Özden Y.G.* Kazalar Zinciri. // <http://www.turksolu.org/63/ozden63.htm>.
- ⁶⁹ См.: *Jung D.* The Sevres Syndrom: Turkish Foreign Policy and its Historical Legacies. // *American Diplomacy*, Vol. 8, No. 2 (2003).
- ⁷⁰ См.: *Özden Y.G.* Biçimsel Demokrasi. // <http://www.turksolu.org/56/ozden56.htm>; *Savaş V.* Seçim Komedi. // <http://www.aydinlik.com.tr/2004.04.04/default.html>. Йекта Озден был председателем Конституционного суда, когда запрещали Партию благоденствия, а Вурал Саваш – государственный прокурор, открывший дело о запрете Партии добродетели.
- ⁷¹ Об этом говорят выступления некоторых депутатов Европарламента. Например, комментарии европарламентария от Голландии Ари Остландер [http://www.nethaber.com.tr/haber/arsiv/haberler/0,1106,83168_6_9094,00.html] и доклад еврокомиссара по внешним сношениям Криса Патена на конференции ЕС в Оксфордском университете [<http://www.zaman.com.tr/?hn=51832&bl=dishaberler&trh=20040525>]. И Ари Остландер, и Крис Патен видят в кемализме большое препятствие на пути полной демократизации Турции.
- ⁷² *Hürriyet*, 06.06.2007; *Hürriyet*, 25.06.2007 («Anketçiden zorunlu müdahale»)
- ⁷³ Об анатомии победы Тайипа Эрдогана на июльских выборах и мобилизации сети организаций сообщества Фетхуллаха Гюлена на поддержку ПСР см. интервью Алтана Тана газете «Миллиет» [*Milliyet*, 30.07.2007].
- ⁷⁴ *Gündem*, 29.04.2007
[<http://www.ozgurgundem.org/haber.asp?haberid=34876>].
- ⁷⁵ *Milliyet*, 30.07.2007.
- ⁷⁶ Genelkurmay Başkanlığı'nın 27 Nisan 2007 tarihli açıklaması. // http://www.tsk.mil.tr/10_ARSIV/10_1_Basin_Yayin_Faaliyetleri/10_1_Basin_Aciklamalari/2007/BA_08.html
- ⁷⁷ Накануне всеобщих выборов 22 июля 2007 года Тайип Эрдоган исключил из выборного списка значительное число депутатов от ПСР, «связанных с Милли Герюш Неджметтина Эрбакана», стремясь тем самым изменить имидж партии как слишком консервативной силы и поставить ПСР в центр политического спектра. Кроме того, Тайип Эрдоган не выдвинул на второй срок многих своих депутатов из числа не поддержавших законопроект, разрешающий США открыть «второй фронт» в войне против Ирака с территории Турции в 2003 году. Немало экс-парламентариев – среди них, например, де-

путат от Аданы Абдуллах Чалышкан – посчитали такие шаги лидера ПСР следствием «меморандума» Генштаба от 27 апреля 2007 года и встречи между Яшаром Бюйюканытом и Тайипом Эрдоганом во дворце Долмабахче 5 мая 2007 года. Еще одно объяснение, которое приводит экс-депутат от анкарского округа Эрсонмез Ярбай, – это желание создать более адекватное представительство от регионов [Milliyet, 07.06.2007].

⁷⁸ <http://www.akparti.org.tr/program.asp?dizin=0&hangisi=0>

Уйсал Гюль

**ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ
В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 22 ИЮЛЯ 2007 ГОДА)**

22 июля 2007 года в Турции состоялись всеобщие досрочные парламентские выборы. Для участия в них в 85 избирательных участках были зарегистрированы 42 миллиона 533 тысячи 41 избиратель. Из них проголосовали более 32,5 миллионов, то есть в этих выборах приняли участие около 80% турецких избирателей. В выборах участвовали 7 395 кандидатов от партий и 699 независимых кандидатов. Среди всех кандидатов 4086 человек были с высшим образованием, а остальные имели среднее или среднее специальное образование. Это самый высокий показатель «образованности» кандидатов в парламент Турции за все время их проведения. Из всех кандидатов 450 человек по профессии – адвокаты, 350 – врачи. Среди кандидатов 230 домохозяек, 150 фермеров, 300 бизнесменов, 100 журналистов, 620 преподавателей и 850 пенсионеров. Однако, как и везде, а в Турции в особенности, темп предвыборной гонке задают не независимые политики, а политические партии. В выборах участвовали 14 политических партий. Мандаты в парламенте получили представители 3 партий, сумевших преодолеть 10-процентный барьер, а также 28 независимых кандидатов, среди которых большинство – курды¹.

Убедительную победу одержала правящая Партия справедливости и развития (ПСР), которую возглавляет премьер-министр Тайип Эрдоган, она набрала 46,7% голосов избирателей. На втором месте левоцентристская Народно-республиканская партия (НРП), которую возглавляет Дениз Байкал, получившая 20,8%, и на третьем месте крайне правая Партия националистического действия (ПНД), которую возглавляет Девлет Бахчели, получившая 14,3% голосов. Демократическая партия (ДП) не преодолела 10-процентный барьер и не прошла в парламент. Ее генеральный председатель Мехмет Агар, не

дожидаясь окончательного подсчета голосов, подал в отставку в день выборов. Партия, претендовавшая на роль лидера правого крыла политического спектра Турции, потерпела сокрушительное поражение на выборах и провела чрезвычайный съезд, в ходе которого ожидалось обсуждение замены всего руководства ДП. Демократическая левоцентристская партия на время выборов объединилась с Народно-республиканской партией для того, чтобы увеличить шансы на победу. После выборов эти партии заняли места в парламенте как две независимые друг от друга партии.²

Партия демократического общества (ПДО), которая, как считается, поддерживает идеи объявленной террористической Рабочей партии Курдистана (РПК), осуществляя свою деятельность под разными названиями, в течение последних двух всеобщих парламентских выборов не сумела отправить своих депутатов в законодательный орган Турции, так как ей не удалось преодолеть избирательный порог. На этот раз ПДО изменила тактику борьбы: решила участвовать в выборах не от имени партии, а выставив независимых депутатов. Это дало результат – двадцать два из двадцати трех членов партии вошли в состав парламента³.

Сабахат Тунджел участвовала в выборах и была избрана на должность депутата, однако она находилась на тот момент в местах лишения свободы, и в отношении нее велось расследование по обвинению в сепаратистской деятельности и членстве в террористической организации. Тунджел как независимый кандидат от Стамбула получила достаточное количество голосов для избрания. И расследование, которое велось в ее отношении, было приостановлено, так как депутаты имеют право на неприкосновенность. 24 июля Тунджел выпустили на свободу. В результате объединения независимых кандидатов Партия демократического общества ПДО заняла свое место в парламенте⁴.

Перед выборами президента премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган отказался встретиться с независимыми депутатами от Партии демократического общества (ПДО), потребовав от них признать Рабочую партию Курдистана (РПК) террористической. Бытует мнение, что РПК является «задним садом дома ПДО». «Пока они не откажутся от этого, я не буду с ними встречаться или сотрудничать на политической основе», – заявил Эрдоган. В ответ руководство ПДО заявило, что это Эрдо-

ган после выборов, скорее всего, попросит их встретиться с ним. ПДО так и не выступила с порицанием террористической организации. Перед парламентскими выборами были проведены президентские выборы, но результаты первого тура президентских выборов были отменены Конституционным судом, и оппозиция, которая имела 20% депутатских мест в парламенте, бойкотировала голосование.

Премьер-министр страны предложил проведение досрочных парламентских выборов. Депутаты парламента были твердо намерены избрать президента. Оппозиция была против того, чтобы президента страны выбирал парламент. Встал вопрос о созыве общенационального референдума по изменению Конституции, чтобы избирать президента общим голосованием. Кандидат в президенты от правящей партии Абдулла Гюль заявил, что можно провести референдум и выбрать президента всей нацией. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил: «Система выборов президента через парламент дала сбой. Есть лишь один выход. Суверенитет безоговорочно принадлежит нации, поэтому мы собираемся обратиться к народу, пусть он выберет президента. Используя избирательную систему с двумя турами голосования». А на повестке дня политической жизни был не только вопрос о президенте страны. Одним из главных моментов было положение дел в Северном Ираке и возможное возникновение там курдской автономии, что противоречит национальным интересам Турции. Генералитет настаивал на вводе войск в Северный Ирак, а Эрдоган никак не мог решиться на такой радикальный шаг. И выходом ему показались досрочные парламентские выборы с целью сформировать однопартийный парламент и тем самым решить вопрос о президенте и другие наболевшие проблемы в стенах парламента и в кругу своих однопартийцев.

В крупных городах Турции, а именно в Анкаре, Стамбуле и Измире прошли митинги, организованные Содружеством единомышленников Ататюрка. Митинг, прошедший в Анкаре 16 апреля 2007 года, начался с минуты молчания, посвященной великому руководителю Мустафе Кемалю Ататюрку. Шествие проходило на площади Тандоган и на близлежащих улицах, под звуки марша независимости Турецкой Республики. В руках демонстрантов были плакаты с такими лозунгами, как: «Давайте объединимся ради республики», «Завтра будет очень поздно». Оппозиция – сторонники светских партий и одновременно

противники дальнейшей исламизации Турции – собрали до миллиона человек. На митинге выступали лидеры оппозиции и организаторы митинга. Глава Содружества единомышленников Ататюрка профессор, доктор наук Али Эрджан в своем выступлении во время митинга подчеркнул, что собравшиеся здесь люди преследуют одну цель – сохранить и защитить основные ценности Турецкой Республики. Также он указал, что опираясь на свои конституционные и демократические права, считает важным показать стремление к независимой Турции и борьбу за светлое будущее своей страны. В том числе, профессор заявил, что Турции нужен президент, который будет руководить ею изнутри, опираясь на желания и потребности своего народа. Президент, который способен оградить свою страну от влияния внешних сил и противостоять «политике использования» Турции со стороны стран Европейского Союза.⁵

Бывший министр иностранных дел Абдуллах Гюль, который в начале мая не смог стать президентом из-за бойкотирования выборов со стороны Народно-республиканской партии, выставил свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Стоит отметить, что во время предвыборных митингов собравшиеся люди восклицали, что Абдуллах Гюль и есть их президент. Его кандидатуру поддерживал также премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, который сказал, что народ хочет видеть президентом именно Гюля.

Между тем заместитель председателя оппозиционной НРП заявлял, что его партия тоже будет участвовать в выборах президента, но проголосует против Гюля. Многие бизнесмены Турции были обеспокоены тем, что к власти придет Народно-республиканская партия (НРП) и Партия националистического действия, которые в своих предвыборных кампаниях заявляли, что они хотят остановить продажу турецкой земли и турецких компаний иностранцам, так как это, по их мнению, подрывает экономику Турции. В связи с этим турецкие бизнесмены проявили социальную активность в пропаганде идеалов правящей Партии справедливости и развития. И активно проводили среди простого населения разъяснительную работу о полезности иностранных инвестиций, давая возможность ознакомиться с цифрами и фактами, которые говорят о том, что за время правления правящей партии во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом уровень жизни простых турок повысился. Общенациональные экономические показатели Турции с 2002 по 2006 год –

время правления правящей партии заметно улучшились: население Турции увеличилось с 69 млн. человек в 2002 году до 75 млн. человек в 2006; уровень безработицы в Турции сократился с 10,8% в 2002 году до 8,9% в 2006 году. Средняя продолжительность жизни увеличилась у мужчин – с 68,2 лет в 2002 г. до 69 лет в 2006 г., у женщин с 73 лет в 2002 г. до 73,9 лет в 2006 г. Инфляция в Турции уменьшилась с 40% в 2002 к 8,2% в 2006 году применительно к процентной ставке 15%. Значительно увеличился уровень образования населения.⁶

Развитие событий после выборов подтвердило правильность выводов о том, что успех ПСР на выборах не следует рассматривать лишь как победу сторонников исламизации страны. Внутриполитический конфликт, приведший страну к досрочным выборам в парламент, необходимо оценивать не только как противостояние умеренных исламистов и защитников светских устоев Турецкой Республики. Речь идет о целом комплексе вопросов внутренней и внешней политики страны, влияющих на социально-экономическую и политическую ситуацию в Турции, ее имидж на международной арене.

Именно выдвижение в предвыборной борьбе на первый план религиозного вопроса об угрозе государственным устоям со стороны радикального ислама, не подкрепленное убедительной экономической и политической программой, привело оппозицию к такому ощутимому поражению. Конкретной, альтернативной правительственным действиям программы со стороны оппозиционных партий, прежде всего в сфере социальной политики, накануне выборов так и не прозвучало. Оппозиция сегодня после выборов это признает. Турецкий же избиратель почувствовал это еще до выборов и проголосовал за стабильность однопартийного правительства, дальнейший процесс роста зарплаты и пенсий, будучи уверенным, что в случае действительной угрозы со стороны радикального ислама светским устоям их все же отстоит армия.

Аналогичную точку зрения 29 июля высказал в интервью крупнейшей турецкой газете «Миллиет» и директор израильского Центра глобальных исследований международных отношений Барри Рубин (Barry Rubin). Израильский профессор, автор более сорока книг по вопросам Ближнего и Среднего Востока констатировал, что «ПСР впервые сделала попытку повести за собой страну не с помощью политических лозунгов, а реальной реализацией конкретной социальной политики в обществе. Это

был верный шаг, и если новое правительство Р.Т. Эрдогана не совершит политических ошибок, ПСР обеспечит себе активную политическую жизнь еще как минимум 20 лет».⁷

Подтверждает этот вывод и анализ поздравлений, поступивших в связи с убедительной победой на выборах в адрес лидера ПСР, премьер-министра Р.Т. Эрдогана. Впервые главу турецкого правительства по такому поводу поздравил израильский коллега, премьер-министр Эхуд Ольмерт. И не только поздравил, а сразу же пригласил Р.Т. Эрдогана посетить Израиль с официальным визитом. Турецкий лидер поблагодарил израильского премьер-министра и подчеркнул, что «Турция заинтересована в хороших отношениях с Израилем, будет делать все для их дальнейшего укрепления». По имеющимся сведениям, источники в правительстве Израиля выразили удовлетворение итогами выборов в Турции. Они указывают на то, что «за четыре года правления ПСР отношения между Турцией и Израилем достигли небывалого расцвета как в стратегическом, так и в экономическом плане».

По оценкам экспертов, Турция после выборов сохранит разновекторность своей внешней политики, продолжит курс на вступление в Европейский Союз в качестве полноправного члена и в то же время будет развивать связи с арабскими странами и соседними государствами. Одним из приоритетных направлений останутся, как и прежде, отношения с Россией, которые именно в годы нахождения у власти правительства ПСР приобрели формат многопланового партнерства как на двустороннем уровне, так и в региональном и глобальном плане. Стабильный политический диалог, в том числе на самом высоком уровне, и объем торгово-экономического сотрудничества в 21 млрд. долларов подтверждают это.

Именно такая перспектива отражена и в поздравительном послании президента России В.В. Путина в адрес премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана. «Примите мои искренние поздравления по поводу убедительной победы на парламентских выборах возглавляемой Вами Партии справедливости и развития», – говорится в послании главы российского государства. «Уверен, что нашими совместными усилиями мы обеспечим дальнейшее поступательное развитие многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой», – подчеркнул в послании В.В. Путин. Президент России пожелал также Р.Т. Эрдогану крепкого здоровья, счастья и

дальнейших успехов, а дружественному турецкому народу – мира, благополучия и процветания.

Что касается турецко-российских отношений, особое внимание привлекли высказывания бывшего генерального секретаря Совета Национальной Безопасности (СНБ) Турции, армейского генерала в отставке Тунджера Кылыпча. СНБ – это один из самых важных политикоформирующих органов высшего военно-политического руководства Турции. Нынешняя ситуация в мире, считает генерал, говорит о целесообразности выхода Турции из НАТО, так как «всем заправляют» в этом союзе США, руководствуясь только своими интересами. Сегодня надо расширять отношения с Россией, Индией, Китаем и Ираном, – подчеркнул бывший генсек СНБ Турции. За расширение отношений с Россией выступает и генерал в отставке Неджат Эслен. Он уверен, что «сегодня интересы США и Турции не совпадают. Надо развивать сотрудничество, в том числе по военной линии, с Россией, которую возглавляет Владимир Путин – самый харизматичный государственный лидер 21-го века, выступающий за многополярный мир».⁸

Известный политолог, председатель Центра российско-турецких исследований (RUTAM) Хакан Аксай констатировал, что после того, как лидером России стал Владимир Путин, российский взгляд на Турцию кардинально изменился в лучшую сторону. Именно этот глава российского государства сделал турецкое направление одним из приоритетных направлений внешней политики России. И многим в Турции еще предстоит это понять и оценить, – отмечает турецкий политолог.

Сегодня ПСР и ее лидера критикуют в первую очередь за недальновидную внешнюю политику, которая, по мнению скептиков, в силах сотрясти устои государственности Турции. Официальная Анкара так и не смогла договориться с европейцами по вопросу о вступлении в ЕС. Проблема Кипра стоит на повестке дня мировых держав, и Турция в отличие от прежних лет не имеет здесь весомого слова. Курдские террористы вновь дают о себе знать, совершая все новые и новые террористические акты, уносящие жизни граждан страны. Главной же темой для критиков является проблема Северного Ирака и возможность появления на этой территории курдской автономии.

На протяжении последних четырех лет курды все настойчивее вытесняют из Северного Ирака этнических тюрков – туркмен, искусственно создавая зону превосходства курдского на-

ционального меньшинства. Молчаливо взирая на это, Анкара дала возможность курдам выселить большое число туркменов из Мосула и Керкука. Их места занимали курды из Сирии и Ирана, боевики из разных террористических организаций курдского сопротивления. Конечно, в первую очередь тон во всем этом задавали американцы, которые видели и видят в курдах своих верных союзников. Впрочем, не только в войне против Ирака, но и в будущем, ведь на очереди могут оказаться Иран и Сирия. Строительством в Северном Ираке занимались исключительно турецкие компании, руководил которыми близкий родственник премьер-министра. И сегодня Эрдогана обвиняют уже с двух сторон – патриоты в том, что он допустил изгнание туркмен из Северного Ирака, подвергнув устои государственности угрозе, а курды в том, что, получив миллиардные барыши, лидер ПСР не решается окончательно признать право курдов на самоопределение в северном Ираке. Эрдоган, не оставлявший ни одного обвинения в свой адрес безответным, уже на эти обвинения отвечает молчанием. Поддержка американцев настолько окрылила курдов, что они теперь безбоязненно угрожают Анкаре, отвечают неуважением тюркскому населению Северного Ирака и не особенно-то и скрывают свою поддержку РПК, которая проводит теракт за терактом на территории Турции.

За все время нахождения у власти ПСР не смогла поладить и с военным руководством страны. А генералитет в Турции имеет огромное влияние. Сегодня все военное руководство, весь генералитет настроен против ПСР и ее лидера. Именно с подачи военных на страницах газет публикуются все новые и новые факты о коррупции и других нарушениях в высших эшелонах власти. Обвинения армии в адрес США, которые, по мнению военных и представленным фактам, вооружают курдские отряды, тоже вызывает негодование по отношению к ПСР.

Общество в Турции достаточно политизировано, и здесь экономика играет не самую главную роль. Удачная военная операция в Северном Ираке, даже за счет огромных финансовых затрат, вызовет больше поддержки, нежели экономическое благополучие на фоне унижения национальных и государственных интересов. Вот самое больное место ПСР – она взялась за реформирование этой системы, однако, погрязнув в коррупции, проведя неудачную внешнюю политику, стала объектом обвинений и нападок.

Лидер НРП Дениз Байкал за последние четыре с половиной года делал то, что в Турции в открытую мало кто себе позволял. Он критиковал ПСР и Эрдогана на каждом шагу, порой переходя всякие границы дозволенного. Лидер НРП предавал гласности все новые факты коррупции Эрдогана и его окружения. Он без сожаления сжигает все мосты, которые могли бы привести к сотрудничеству с партией власти. В ответ на обвинения, на самого Байкала обрушилась вся мощь власти, полетели обвинения в его адрес. В основном это касается финансовых махинаций, злоупотреблений властью и других фактов, которые имели место, когда Байкал еще в свое время находился у власти и был министром энергетики. Но и этого достаточно, чтобы напомнить всем о том, что сам Байкал также не безгрешен. Кажется, что подобные обвинения и постоянная полемика с ПСР на грани, а иногда за гранью дозволенного привели к тому, что сегодня рейтинг НРП падает⁹.

В скрытой форме ПСР обвиняла НРП в том, что Байкала и его партию снабжают фактами армия и спецслужбы Турции, заинтересованные в ослаблении власти Эрдогана. Сам Байкал тоже всячески старался демонстрировать уважение к армии и генералитету. Поэтому не исключено, что армия может помочь НРП.

Но в стране есть сила, которая могла бы во время предвыборной кампании изменить всю ситуацию за считанные дни и даже часы. Это турецкая армия, и ее генералитет. Уже не раз случалось так, что в критические моменты истории армия брала инициативу на себя, иногда путем вооруженного переворота, но большей частью путем давления, заставляла неужелюбное правительство уйти в отставку. Последним и главным признаком несогласия армии с курсом правительства является ультиматум, предъявленный руководству страны: если правительство просто уходит в отставку, то никакого переворота не произойдет. В свое время так было с премьер-министрами Сулейманом Демирелем, Неджметтином Эрбаканом, Бюлентом Эджевитом. Если правительство не уходит в отставку, то в дело вступают танки и солдаты. Армия уже однажды «отрепетировала» с Эрдоганом «прием» с ультиматумом. Сработало только на половину, ПСР отказалась временно от своего кандидата на пост президента, и пошла на досрочные выборы.

Турецкий генерал номер один на сегодня, начальник Генштаба Яшар Бюйюканыт был в отпуске в Бодруме, когда все политики в сорокоградусную жару разъезжали по всей стране,

агитируя за свою партию. И вот в понедельник 16 июля, за шесть дней до парламентских выборов генерал прерывает свой отпуск и возвращается в строй. И сразу же все войска по всей территории страны приведены в состояние повышенной боевой готовности. Официально – из-за угроз новых терактов во время выборов.¹⁰

Пока в Турции существуют нынешние законы и моральные устои, пока народ стоит за своей армией и поддерживает ее, до тех пор, пока для солдата умереть по приказу генерала – большая честь, у таких партий, как ПСР и ей подобные, нет перспектив для реформирования системы. ПСР и Эрдоган могут остаться у власти надолго, если того пожелает армия. НРП может прийти к власти, если армия даст на то «добро», и даже Байкал может стать премьер-министром, если этого захочет генералитет. Может показаться преувеличением, но армия держит все под своим жестким контролем и считает, что эти игры в «демократию» не должны затуманивать разум. При любом неблагоприятном исходе выборов для государственности и национальной безопасности страны армия могла бы открыто вмешаться в дело. Хотя следует учесть, что именно армия является неизменным и последовательным гарантом светского пути развития турецкого общества.

¹ www.cnnturk.com.tr

² www.sabah.com.tr

³ www.google.ru

⁴ www.bbcturkish.com.tr

⁵ www.zaman.com.tr

⁶ www.sonrastirma.com.tr

⁷ www.milliyet.com.tr

⁸ www.yenihaber.com.tr

⁹ www.hurriyet.com.tr

¹⁰ www.yenisafak.com.tr

Ю.А.Ли

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Турция в настойчивом стремлении стать членом Европейского сообщества должна соответствовать уровню европейских стран не только в сферах социально-политического, административного развития, но и с точки зрения не менее важного аспекта – культурного. Для сферы культуры одной из основных составляющих является образование.

Исследования, проводимые в рамках Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), выявили, что при рассмотрении мировых показателей развития образования всех уровней в возрастной группе лиц от 15 лет и старше в период с 1960 по 1995 гг. уровень неграмотности и доля лиц, получивших лишь начальное обучение, снизились с 34,7% до 26,7%. Количество работников, имеющих диплом средней и высшей школы, стало больше: 18,1% и 28,0% и 3,7% и 13% соответственно¹.

В группе развивающихся стран, к числу которых можно отнести Турцию 60-х годов прошлого века, общая тенденция идентична. Количество трудоспособного населения увеличилось почти вдвое, число неграмотных сократилось (с 6,5% до 4%). Доля трудоспособных с начальным образованием уменьшилась с 53,6% до 28,7%. Зато доля владеющих дипломом среднего и высшего образования среди взрослого населения возросла в разы: в первом случае с 6,2% до 15,7%, во втором с 0,7% до 6,5%² (Табл. 1).

Для получения более четкого представления о позиции Турции в сфере обучения трудоспособного населения при условии ее вступления в Европейский Союз, следует рассмотреть следующий ряд факторов: уровень грамотности населения, перспективы и возможности профессионального роста кадров, особенности отраслевого обучения, роль государст-

венного и частного сектора в функционировании национальной системы образования.

Для сравнения соответствующих показателей в странах Европы и Турции выборочно отдано предпочтение опыту Франции и Англии, членов Евросоюза – высокоразвитых стран и небольших государств Португалии и Польши, тем более, что последняя недавно вошла в состав стран Европейского Союза, причинив при этом немало хлопот Организации.

При сравнении прослеживаются общие мировые тенденции: к началу XXI века в среде трудоспособных наличие неграмотных сократилось вдвое. Однако если в странах Европы с 7,1% до 4,8%, то в Турции с 60,2% до 30,8% (сведения 2003 года)³. В рамках начального обучения показатели иные. В европейских странах трудящихся с начальным уровнем образования стало меньше. В Турции, наоборот, их число возросло, что объяснимо. В результате школьной реформы в 70-х годах произошло размежевание общеобразовательной и профессиональной школы, что значительно расширило сеть начальных школ в городах и частично в сельской местности⁴.

Показатели же относительно среднего и высшего уровня образования трудящихся, которое они получают в профессиональной национальной школе в странах Европы и в Турции, идентичны: количество специалистов-выпускников среднего уровня удвоилось для Турции с 6,2% до 15,7%, и высшего с 0,7% до 6,5%. Что важно, т.к. при вступлении в Европейский Союз предполагается свободное перемещение трудовых ресурсов. Интересно отметить, что в Турции по сравнению с такими развитыми государствами, как Франция и Великобритания, доля учащихся женщин в рамках средней и высшей школы на порядок ниже, чем мужчин (Табл. 2).

К 2003 году в группе населения Турции от 15 лет и старше доля трудоспособного населения, имеющего начальное образование, должна была составить 63%, среднего – 26,4%, высшего – 9,7%⁵.

Однако это средние показатели, они значительно разнятся в зависимости от региона страны. Так, в экономически развитых и насыщенных учебными заведениями разного уровня Мармара и Центральной Анатолии уровень грамотности трудоспособного населения превышает 90%. Возможность посещать школы начального обучения доступна для 100% детей, 41%

трудящихся имеет диплом лица, 29% – профессионального института.

В регионах Восточном и Юго-Восточном положение несколько иное: грамотность не превышает 80%, начальная школа доступна 70% детей, средняя – 26,9%, профессиональная – 9%, высшая – 6%⁶.

Единственный показатель уравнивает Турцию со странами Европы в сфере образования: это период обязательного бесплатного обучения в школе – 9 лет – результат реформы 1997 года, введение обязательного бесплатного непрерывного обучения⁷.

Однако уровень знаний школьников Турции значительно ниже, чем у их сверстников из стран Европы. В 2002 году было проведено тестирование знаний учащихся по математике. Сравнивались школьные навыки учеников из школ Франции, Германии, Португалии (выборочно). Было выявлено, что уровень знаний турецких школьников оценен в 2,7 балла, тогда как у их сверстников из вышеуказанных стран – 11,6; 12,2; 7,8 баллов соответственно. Подобные же результаты зафиксированы при тестировании деловой активности подростков: 5,1 балла против 11,7, 14,2, 17,5 баллов у европейцев⁸.

Человеческий фактор – движущая сила общества, образование является определяющим фактором воздействия на его становление и стабильное развитие.

Власти Турции постоянно уделяют внимание формированию общеобразовательной сферы. Если в первые годы республики это была кампания по ликвидации неграмотности, развитию деятельности разнопрофильных общеобразовательных и профессиональных курсов, затем начались системные реформы, обусловленные политико-экономической необходимостью. Важнейшие из них принимались в последние десятилетия прошедшего века. Власти страны реформировали ряд звеньев национальной системы просвещения с целью повышения качества рабочей силы и расширения профессионального выбора.

Прежде всего это реформа средней школы, которая стимулировала открытие новых школ, библиотек, в том числе, в районах, удаленных от городских центров, переквалификацию педагогов, внедрение в учебные программы новых предметов, углубленное изучение иностранных языков и точных наук, что позволяет выпускникам школ более четко определять свой профессиональный выбор.

Следующий этап – внедрение в учебные программы школ проекта «Экспериментальная компьютерная школа», который изменил принцип подбора педагогов, их переквалификацию с целью внедрения в процесс обучения «практических навыков овладения компьютерной грамотой», что демонстрирует намерение властей предоставить широким слоям населения свободный доступ к современным методам обучения, соответствующим запросам рынка труда⁹.

Рынок труда предъявляет все новые требования, обусловленные внедрением современной техники и технологии, новых стандартов производства.

Пересмотр экономической политики Турции, функционирование экономики в условиях свободного рынка были бы невозможны без позитивных перемен в системе образования. Эти обстоятельства явились побудительной причиной реформирования высшего звена национальной системы просвещения, задали новые параметры обучения рабочей силы.

В 90-е годы прошлого века стало очевидным, что возможности государственных вузов Турции – университетов – оказались ограниченными: по уровню профессиональной подготовки их выпускники часто не отвечали требованиям технического прогресса.

Так, если вузы стран Евросоюза (имеются в виду вузы Франции, Англии, Португалии) готовят специалистов гуманитариев в рамках 9–10%, то Турция 30%, инженеров-технологов от 13 до 17%, Турция 11%, программистов от 3 до 7%, Турция – 1%. Остальные показатели также не в пользу Турции¹⁰ (Табл. 3).

Эти причины обусловили снятие 30-летнего запрета на вложение частных средств в систему образования. На средства частных фирм, фондов, холдингов, корпораций, заинтересованных в интенсификации развития производительных сил, стали создаваться частные вузы, где с помощью национальных, частично иностранных специалистов-педагогов, при насыщении процесса обучения учебными программами вузов Европы и США, современным учебным оборудованием, длительными стажировками выпускников в зарубежных учебных и исследовательских центрах, ускоряется процесс обучения работников крайне необходимых профессий. В рамках некоторых частных университетов начали и продолжают функционировать лицеи, обучение в которых ведется по международной

экспериментальной программе подготовки бакалавров. Центр разработки программы находится в Женеве, а эксперимент проведен в 101 стране мира¹¹.

В результате поощрения частной инициативы к началу XXI века из 72 университетов в стране 19 функционировали как частные. В 2007 г. их стало 30.

Тем не менее в сравнении со странами Евросоюза частных учебных заведений в Турции немного. Так, в Германии их доля в системе высшего образования составляет 24%, в Голландии – 53%, в Бельгии – 64%.

Тем не менее в частных университетах Турции обучаются студенты из 50 стран Европы и Азии, что также имеет свое объяснение. Учебные программы вузов на 80% составлены с учетом свободного владения учащимися иностранными языками, возможно даже обучение на итальянском и испанском языках на некоторых кафедрах.

Программы обучения во многом идентичны учебным программам вузов Европы и США. Дипломы выпускников частных вузов высоко котируются. При желании возможно получение так называемого «европейского диплома». И хотя плата за обучение в частных университетах Турции достаточно высока, однако при сравнении – на порядок ниже, чем в странах Евросоюза.

Подготовленные в рамках частных вузов специалисты имеют возможность занять достойное положение в системах управления, бизнеса, финансов, средствах массовой информации, образовании и культуре не только в Турции, но и за рубежом.

Индустриальные процессы постоянно опережают возможности национальной школы, в том числе и высшей. Ушли в прошлое те времена, когда одновременно полученных знаний было достаточно на весь период трудовой деятельности. При функционировании информационных технологий знания требуют постоянного обновления.

В Турции как метод функционального разнообразия обучения начиная с 80-х годов активно задействован новый для Турции, но широко распространенный на Западе опыт обновления знаний и квалификационного уровня. Это разновидности нестационарного, непрерывного и открытого обучения, дающие возможности постоянно приобретать новые знания¹².

В системе открытого обучения возможно получение диплома высшей школы как в рамках бакалавриата, так и магистратуры.

Если в 1984 году в стационаре диплом бакалавра получали 64% выпускников, магистров – 21,6%, заочно лишь 14% бакалавров, то через 20 лет в 2004 году заочно получено дипломов 21,6% и 16,3% соответственно¹³.

Турция продолжает охотно заимствовать западный опыт в рамках образования, что объясняет ее стремление к западной модели цивилизации, приобщению к универсальным культурным ценностям.

В XXI веке Турция приняла участие в реализации образовательных проектов, уже многие годы осуществляемых в странах Запада. С этой целью в структуре Министерства национального просвещения с 2000 года работает комиссия по урегулированию законодательства Турции в соответствии с достижениями, нормами и стандартами Европейского Союза в сфере образования.

Проектов ЕС в образовательной сфере несколько. Главный из них, адаптированный к условиям Турции «Сократ», функционирует уже 6 лет в сфере общеобразовательной школы и профессионального обучения, «Леонардо да Винчи», «Эразмус» для сферы высшего образования и «Марко Поло». Европейские инициативы в рамках этих проектов нацелены на охват образованием в любых формах индивидов всех возрастов¹⁴.

Вместе с тем Турция не только абсорбирует западный опыт. Начиная с 90-х годов она щедро делится своими достижениями в сфере образования с тюркоязычными государствами на постсоветском пространстве Закавказья и Центральной Азии.

После заключения межправительственных соглашений на основании закона № 21467, под эгидой вновь созданной организации Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию проводится работа по организации обучения тюркоязычного контингента учащихся в учебных заведениях Турции всех уровней, определена квота ежегодного притока учащихся, оплата расходов на их содержание и стипендиальное обеспечение. В тюркских государствах организованы и функционируют многочисленные курсы по изучению латинской графики и турецкого языка, школы с изучением тюркской культуры и язы-

ков¹⁵. Выработана и осуществляется программа изучения истории, литературы, культуры тюркских народов учеными из Турции и тюркоязычных республик СНГ.

Открыты несколько, со временем ставших региональными университетами: Турецко-казахский Ахмеда Ясеви (Туркестан), Турецко-кыргызский (Бишкек), Кавказский (Баку) и ряд профессиональных вузов.

Власти Турции во все периоды истории республиканского развития уделяли и продолжают уделять самое пристальное внимание проблемам национального просвещения, принят и функционирует ряд европейских программ совершенствования обучения. Однако отставание Турции от европейских стран в этой сфере пока значительно.

Так, если в Европе уровень начальной школьной подготовки имеют 15% трудоспособного населения, то в Турции 63,9%; среднее образование имеют от 56 до 60%, в Турции 26,4%, высшее – на уровне 23–28%, в Турции лишь 9,7%¹⁶.

И хотя Турция решает общие для всех стран проблемы в сфере образования, а именно увеличение финансирования, совершенствование методов обучения, повышение качества профессиональной подготовки, где главным является соответствие работника требованиям рынка труда, ей еще предстоит совершить прорыв, который позволит ликвидировать отставание от стран Европы и предложить партнерам по ЕС отвечающую современным квалификационным требованиям рабочую силу.

Таблица 1

**Образование населения
в возрастной группе 15 + в 1960–1995 гг.**

Территория	Год	Возраст 15 + (млн. чел.)	Неграмотные, %	Начальное образование, %	Среднее образование, %	Высшее образование, %
Европа	1960	181	7,0	62,6	27,5	1,5
	1995	256	4,8	40,3	40,5	8,4
Развивающиеся страны	1960	362	6,5	53,6	32,2	7,5
	1995	582	4,0			
Турция	1960	12	60,2	32,9	6,2	0,7
	1995	29	30,6	47,2	15,7	6,5

Источник: Alpay Filiztekin (Sabancı Üniversitesi). Eğitim ve Demografi. İst. 2003, с. 17.

Таблица 2

**Уровень образования самодеятельного населения
в возрасте (25 + 64) в 2003 г., %**

	Общее количество			Мужчины			Женщины		
	начальное	среднее	высшее	начальное	среднее	высшее	начальное	среднее	высшее
Франция	15,5	61,1	23,4	14,0	63,5	22,5	17,0	58,5	24,0
Англия	15,5	56,4	28,0	13,7	57,5	28,6	17,6	55,1	27,3
Польша	17,4	68,4	14,2	16,0	71,3	12,7	18,8	65,7	15,6
Португалия	64,5	24,7	10,8	64,6	26,6	8,7	64,3	22,9	12,8
Турция	63,9	26,4	9,7	56,9	31,7	11,4	72,3	20,1	7,7

Источник: OECD Education At A Glance (2005) verileri kullanılarak tarafımıza hesaplanmıştır, с. 51.

Таблица 3

**Специализация выпускников вузов
по отраслям знаний (в %) 2002 год**

Страны	Основные науки, педагогика	Гуманитарные науки, изящные искусства	Социальные науки, юриспруденция	Специалисты сферы обслуживания	Инжиниринг	Агрономия	Здравоохранение	Естественные науки	Информатика***	Другие
Франция	9,3	16,9	39,0	3,1	12,4	0,3	2,6	13,1	3,0	0,3
Великобритания	10,8	17,2	30,6	0,7	9,2	0,9	11,9	12,5	6,2	0,0
Испания	13,7	9,7	31,8	4,2	15,1	3,0	12,4	6,4	3,6	0,1
Португалия	22,8	8,1	28,2	5,1	13,0	2,0	15,5	4,6	1,4	0,0
Турция	30,0	9,5	23,9	2,2	11,6	2,9	8,7	9,2	1,1	0,0

*** Специалисты этого направления в ряде стран исчисляются в рамках естественных наук

Источник: OECD Education At Glance (2005) verileri kullanılarak tarafımızca hesaplanmıştır.

¹ Egitim ve Sürdürülebilir Büyüme Türkiye, Riskler ve Fırsatlar. TÜSIAD Büyüme Strateji leri Dizisi, No 7, с. 49.

² Alpay Filiztekin. Eğitim ve Demografi. 30.05.2005.

http://www.Ekg.Sabanciuniv. Edu (does) ekg. – egitimdemoskahi. PDG.

³ Egitim ve Sürdürülebilir Büyüme Türkiye, Riskler ve Fırsatlar.

TÜSIAD Büyüme Strateji leri Dizisi, No 7, с. 51.

⁴ В 1973 г. (Закон № 1739) были приняты законодательные акты с целью разделения 8-летней школы на обязательное начальное 5-летнее обучение в начальной школе и 2–4-годичное обучение в профессиональных школах, дающих профессиональную подготовку среднего уровня. Появился также новый вид учебного заведения – профессиональный институт – рамки послесреднего образования.

⁵ Egitim ve Sürdürülebilir Büyüme Türkiye, Riskler ve Fırsatlar. TÜSIAD Büyüme Strateji leri Dizisi, No 7, с. 51.

⁶ Alpay Filiztekin. Eğitim ve Demografi. 30.05.2005, с. 18.

⁷ На основании закона № 4306, принятого турецким парламентом в августе 1997 года и внесенного в статью № 42 Конституции Турецкой Республики, непрерывное 8–9-летнее среднее образование объявлено обязательным и бесплатным. Таким образом, Турция приблизилась к европейским стандартам и перегнала в этом отношении большинство мусульманских государств. Zaman 26.12.1997, с. 6.

⁸ OECD Education At Glance (2005) verileridir, с. 84–85.

⁹ Cumhuriyet, 19.08.1997.

¹⁰ OECD Education At Glance (2005) kullanılarak hesaplan tarafımızca hesaplanmıştır, с. 57.

¹¹ Milliyet, 15.07.1998.

¹² Несмотря на усилия властей Турции при реформировании системы образования, особенно тех звеньев, где создается кадровый потенциал, индустриальные процессы опережают возможности стационарной школы. С целью сократить этот разрыв на рубеже 90-х годов был активно задействован новый вариант нестационарного обучения. Он заключается в получении новых навыков ремесла, повышении квалификации с помощью активной тренировки знаний при индивидуальных или групповых занятиях с использованием средств связи. Обучение ведется как в учебное, так и в каникулярное время. Все это значительно расширяет объем профессиональной подготовки, усвоение новых направлений и изменений, в том числе и в индустриальной сфере, повышает квалификацию специалистов, облегчает включение молодежи в активную деятельность. К разновидности нестационарного обучения относится также «открытое обучение» и «непрерывное обучение» – экстернат.

¹³ DPT (2006), Ekonomik ve Sosyal Göstergeler (1950–2005).

¹⁴ Подробно см. статью Ли Ю.А. «Проблемы адаптации образовательных программ Европейского Союза в системе образования Турции» в кн. «Современная Турция: проблемы и решения». М., 2006, с. 143–152.

¹⁵ Avrasya Dosyası. Türk İşbirlik ve Kalkınma Ajansı (TYKA), onbeş-günlük Bülteni, 1995, XI, с. 134–135.

¹⁶ OECD Education At A Glance (2005) verileri kullanılarak tarafımıza hesaplanmıştır, с. 51.

И.И.Иванова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

Прежде чем переходить к исследуемому вопросу, представляется целесообразным дать краткую характеристику Партии справедливости и развития, которую называют «исламской партией, партией умеренного ислама».

Опуская все подробности деятельности лидеров этой партии в рядах происламской Партии благоденствия Эрбакана, остановимся на следующем: когда Партия благоденствия была закрыта, Эрбакан в 2001 году попытался осуществить ее перевоплощение в виде Партии благополучия, но встретился с протестом модернистской фракции молодых исламских активистов, возглавляемых Р.Т. Эрдоганом и А. Гюлем. Эта «новая гвардия» долгое время выступала за более демократичную, децентрализованную и прозрачную партийную структуру, но встречалась с жестким противодействием Эрбакана и его союзников. В то время, как Эрбакан и «старая гвардия» говорили о международной исламской солидарности, Эрдоган и его сторонники выступали за ускорение экономической интеграции Турции с Западом. Эти реформаторы и создали Партию справедливости и развития (ПСР), которая победила на парламентских выборах в Турции осенью 2002 г., набрав 34% голосов избирателей.

Для сравнения можно привести некоторые примеры, характеризующие различия между Партией благоденствия Эрбакана и Партией справедливости и развития Эрдогана в политической сфере. Став премьер-министром, Эрбакан первый свой визит совершил в Иран и не посетил ни одну из западных стран. Эрбакан, используя исламскую риторику, выступал против Европейского Сообщества, которое он называл «христианским клубом», «заговором католиков, евреев и масонов», и настаивал на приостановке интеграции Турции в эту организацию.

Свой первый официальный визит Эрдоган в качестве премьер-министра нанес в США. Безусловно, немало визитов он провел и в мусульманские страны, но очевидно, приоритеты он отдает Западу, и самой большой цивилизационный проект для него и основная цель – это ЕС.

Хотя Эрдоган и другие лидеры ПСР откровенно подтверждают свои личные религиозные убеждения, они выступают за секуляризм в традиционном западном понимании. В своем интервью «Нью-Йорк Таймс» Эрдоган заявил: «Политическая партия не может быть религиозной, религиозным может быть только индивидуум. ... Религия настолько верховна, что ее нельзя использовать в политических целях»¹. Таким образом, Эрдоган не выдвигал каких-либо радикальных требований, кроме того, что настаивал на праве женщин носить головной платок в общественных местах и на официальных мероприятиях. Хиджаб, таким образом, являл собой тайный и одновременно публичный язык, на котором партия общалась с религиозными массами деревни и города.

Эрдоган стремится к развитию отношений Турции с США и Европой. В отличие от Эрбакана он отверг идею исламского общего рынка, о чем открыто заявил на экономическом форуме в Саудовской Аравии (январь 2004), подчеркнув, что его правительство не может брать за основу экономических связей этнические или религиозные соображения.

ПСР сделала ставку на разноректорную внешнюю политику и проведение реформ в экономике, которые должны были вывести страну из затяжного кризиса.

Были нормализованы отношения с Афинами, возобновлен переговорный процесс по кипрской проблеме, достигнут известный прогресс в отношениях с ЕС, укрепляются позиции страны на Кавказе и в Центральной Азии. Были нормализованы отношения с Сирией, Ливаном, Ираном, получили дальнейшее развитие отношения с Египтом и странами Персидского залива.

Одним из основных направлений внешней политики был твердо обозначен российский вектор. Турецко-российские отношения в исследуемый период развивались достаточно плодотворно.

Еще в декабре 2002 г. Эрдоган совершил два зарубежных визита – в США и Россию. Именно эти декабрьские переговоры в Кремле следует считать началом стабильного российско-

турецкого политического диалога на высшем уровне, который вывел двусторонние отношения на уровень многопланового партнерства. В последующие годы состоялись взаимные визиты лидеров двух стран на высшем уровне, что, безусловно, придало импульс этим отношениям. Турецко-российские отношения могут стать предметом отдельного обширного исследования, поэтому здесь, в подтверждение вышесказанного, можно привести высказывания Чрезвычайного и полномочного посла Турции в России К. Ташкента накануне 2008 г.: «Особенно начиная с 2002 г. между нашими странами установился очень серьезный диалог, ведутся консультации по внешнеполитическим вопросам. Отрадно, что по многим вопросам мнения России и Турции совпадают. Если в 2002 г. товарооборот составлял 5 млрд. долларов, то к концу 2007 г. он станет равным 25 млрд. долл., т.е. за 5 лет товарооборот вырос в пять раз».

В 2006 году Россия для Турции была вторым после Германии торговым партнером, а Турция для России находилась на седьмом месте. По итогам девяти месяцев 2007 года, согласно российским данным, Турция уже поднялась на четвертую позицию по экспорту, обогнав других соседей России – Белоруссию, Украину и Китай.

Турецкие инвестиции в целом по России сейчас составляют примерно 6 млрд. долларов. В последнее время стали развиваться и российские инвестиции в турецкую экономику – в частности, в энергетику, связь, туризм, телекоммуникации и металлургию. В общей сложности они составили около 3,5 млрд. долларов.

Другой важной сферой взаимодействия наших стран является энергетика. Россия на первом месте по поставкам газа для Турции и втором – нефти. Турция – третья страна по объемам закупок газа у России после Германии и Италии. В прошлом году Турция закупила 20 млрд. кубометров. «Газпром» сейчас работает над рядом проектов по подготовке к участию в тендере по созданию газораспределительных сетей в Турции, по участию в строительстве в нашей стране газохранилищ и поставки газа через турецкую территорию в Израиль².

Турция с самого начала выступала за сохранение политической и территориальной целостности Ирака, и в этом ее позиции с Россией совпадают. Она выступила с рядом предложений, направленных на то, чтобы Ирак избавился от того положения, в котором он сейчас находится. В частности, од-

ной из таких инициатив было проведение конференции стран-соседей Ирака. Позднее с участием и России в Стамбуле была проведена расширенная конференция стран – соседей Ирака³.

Как указывалось, одним из главных направлений политики стал переговорный процесс о вступлении в ЕС на правах полноправного члена. Опуская всю историю отношений Турции с ЕС, следует отметить, что Эрдоган «набрал здесь очки», хотя полностью и не достиг провозглашенных им целей в сторону сближения с Европой. Вместе с тем эта политика создала правительству Эрдогана хорошую репутацию у всех европейцев, даже у тех, кто выступает против приема Турции в Евросоюз.

Для интенсификации сближения с ЕС Анкара была обязана проводить курс на гуманизацию внутренней социальной политики. Копенгагенские политические критерии стали тем рычагом, благодаря которому модернизация Турции проводилась наиболее консолидировано. Турция предприняла колоссальные усилия, чтобы приблизиться к европейским стандартам: были внесены демократические изменения в конституцию, систему судопроизводства, гражданский и уголовный кодекс, улучшено положение нацменьшинств, уменьшена роль военных в управлении страной. Вместе с тем, хотя в последние годы в Турции наблюдался прогресс в приобщении к европейским демократическим стандартам, до сих пор не достигнут уровень, требуемый в европейском обществе.

В декабре 2006 г. участники заседания Совета ЕС по внешним делам подчеркнули, что Турция пока предприняла недостаточно усилий по нормализации своих отношений с Республикой Кипр. В то же время в итоговом заявлении подчеркивалось, что «перерыва в переговорном процессе не будет», поскольку Турция является «стратегически важной для Евросоюза страной Ближнего Востока». Совет принял решение заморозить переговоры о сближении Турции с ЕС по 8 из 35 направлений⁴. Евросоюз продолжает требовать от Турции открытия ее воздушных и морских портов для самолетов и судов Республики Кипр (Южный Кипр), который является полноправным членом Евросоюза с 2004 г. Турция официально отказывается признавать это государство, однако, согласно договору о таможенном союзе с ЕС, подписанному в 2005 г., она обязана обеспечить свободный обмен товарами и услугами со всеми государствами сообщества.

Таким образом, одно из основных требований Брюсселя к Анкаре – признание единого Кипра. Греческая администрация острова обладает правом вето на вступление Турции в ЕС и не преминет воспользоваться им, если Анкара не выполнит это условие. Позиция турецкой стороны заключается в том, что кипрская проблема не является предметом двусторонних дискуссий с ЕС, а должна обсуждаться между двумя суверенными государствами острова – Республикой Кипр и Турецкой Республикой Северного Кипра. Анкара выражает готовность признать объединенный Кипр только после того, как греческая община острова признает план, предложенный ООН. При этом присутствие турецких войск на Кипре необходимо для сохранения ТРСК. Кипрский вопрос рассматривается как национальная проблема Турции.

Вместе с тем турецкая экономика с трудом несет бремя поддержки ТРСК и не в состоянии полностью удовлетворять ее финансовые запросы. Представители турецких деловых кругов высказывают мнение, что необходимость содержания ТРСК является одной из причин возникновения экономических кризисов, что задерживает прием самой Турции в ЕС. Сложившаяся ситуация заставляет Анкару быть более «восприимчивой» к требованиям Брюсселя. Однако на данном этапе трудно предусмотреть будущий сценарий развития событий по этой проблеме.

Комитет Европейского Парламента оценивает прогресс Турции на пути к ЕС. Так, 3 октября 2007 г., ровно через два года после официального начала переговоров о вступлении Турции в ЕС, Комитет по вопросам внешних отношений Европейского Парламента принял резолюцию о результатах развития страны.

Комитет приветствовал недавние «выборы нового президента как знак силы турецкой демократии». Депутаты позитивно оценили «решительность нового правительства продолжать процесс реформ», а также «его намерение принять новую гражданскую конституцию, защищающую основополагающие права и свободы человека». Комитет также призвал Турцию присоединиться к Европейскому энергетическому сообществу, целью которого является построение единого энергетического рынка между ЕС и его ближайшими соседями.

В то же время резолюция обращает внимание на некоторые проблемы турецкого общества. Комитет в очередной раз

осудил убийства турецкого журналиста армянского происхождения Гранта Динка и итальянского католического священника Андреа Санторо, заявил о «срочной необходимости эффективной борьбы со всеми видами экстремизма и насилия в Турции». Резолюция призывает усилить общественный контроль за армией, службами безопасности и полицией. Комитет также выражает обеспокоенность тем, что большое количество людей все еще преследуются по статье 301 (публичное оскорбление «турецкости» и турецкой государственности) уголовного кодекса страны⁵.

Вместе с тем продолжение переговорного процесса, запланированное вначале на ноябрь, потом на декабрь 2007 г., было решено перенести на начало 2008 г. Главным инициатором в замедлении процесса стал президент Франции Н. Саркози. Заслуживают внимания высказывания турецкого политолога С. Кохена об отношениях Турции с ЕС. «Турция не должна отказываться от европейского направления. В какой бы форме ни проходил переговорный процесс, он составляет основу отношений с Европой. Турция также параллельно этому процессу полна решимости проводить программу реформ в соответствии с критериями ЕС. Претворение этих реформ усилит позицию Турции в глазах членов ЕС и даст шанс на вступление. И если Анкара будет твердо проводить свою стратегию в этом направлении, в конце этого «тонкого и длинного пути» реализует или не реализует она свое членство, сможет получить свою выгоду»⁶.

Таким образом, хотя переговорный процесс в 2007 г. шел очень медленно, он все-таки продолжался. Турция смогла сохранить свои цели и приоритеты, ориентированные на Запад.

Это подтверждает и принятая 17 апреля 2007 г. «Программа достижения Турцией соответствия достижениям ЕС, которая включает детальный перечень реформ, которые должны быть проведены в стране в 2007–2013 гг.».

Значительные изменения произошли в период правления ПСР на ближневосточном направлении. Непокойная обстановка, сохранявшаяся в регионе на протяжении последних пяти лет, помогла Эрдогану добиться таких успехов и побед, на которые он и не рассчитывал: похоже, сейчас в регионе он нужен всем, как нужен он европейцам и американцам. С самого начала он отказался (и в этом ему помог парламент, в котором он располагал большинством) участвовать в американской

войне против Ирака, даже в форме предоставления для военных целей натовских баз и аэродромов, находящихся на турецкой территории. В тот период это вызвало большое недовольство Вашингтона, но сейчас он рассчитывает на Турцию в своей новой политике.

Отказ Турции вызвал большое удовлетворение у арабов. Более того, влиятельные силы в арабском мире рассматривают Турцию как одного из главных гарантов стабильности в регионе в качестве противовеса Ирану.

При этом Иран хочет сохранить тесные отношения с Турцией в условиях давления и блокады, которой он подвергается после своего конфликта с США, т.е. с начала 2006 г.

Несмотря на полярность стратегических целей Анкары и Тегерана в регионе, их тактические интересы по ряду важнейших для обеих сторон проблем, в том числе иракской и курдской, близки или совпадают. Турция и Иран стремятся расширять двусторонние связи в сфере торговли и экономики, включая прежде всего энергетику, а также по вопросам безопасности. В июле 2007 года в Анкаре был подписан Меморандум о намерениях двух сторон в сфере расширения сотрудничества в энергетике. В частности, речь шла о транспортировке иранского и туркменского газа через турецкую территорию в Европу, а также об участии Турции в эксплуатации, расширении и модернизации ряда газовых месторождений Ирана. Наряду с этим в Меморандуме было заложено отдельное положение о сотрудничестве двух стран в электроэнергетике. 20 ноября 2007 г. Турция и Иран подписали в Анкаре Соглашение о сотрудничестве в сфере электроэнергетики, которое можно рассматривать как практическую реализацию Турцией и Ираном положений июльского Меморандума о намерениях. Это Соглашение предусматривает совместное строительство и эксплуатацию трех теплоэлектростанций (две в Иране, одна в Турции) и одной гидроэлектростанции на иранской территории⁷.

Как и ожидалось, Вашингтон немедленно и жестко отреагировал на подписание турецко-иранского документа.

Представитель по печати посольства США в Турции К. Сэллоу заявила, что Иран не должен быть задействован в политике Турции по диверсификации источников поступления в страну энергоресурсов и их транспортировки на Запад.

Официальная Анкара в ответ на негативную реакцию США заявила, что «Турция ни у кого не обязана спрашивать разре-

шения на выгодные с точки зрения национальных интересов действия». Таким образом, Соглашения о сотрудничестве в электроэнергетике подтверждают, что попытки Вашингтона «заморозить» отношения Анкары и Тегерана не приносят успеха.

Известно, что на протяжении длительного периода наиболее сложными были отношения Турции с Сирией, и одной из главных проблем являлось оказание Сирией поддержки боевикам Рабочей партии Курдистана (РПК). В сентябре 1998 г. турецкая армия сосредоточила на сирийской границе военный контингент и потребовала высылки из страны лидера РПК А. Оджалана. В результате его высылки из Сирии и поимки турецкими спецслужбами между Турцией и Сирией было подписано соглашение, по которому Сирия брала на себя обязательства прекратить какую-либо помощь РПК и сотрудничать с Турцией по данному вопросу. В рамках соглашения Сирия передала Турции ряд руководителей этой партии, находящихся на ее территории⁸. Отношения, таким образом, были нормализованы, однако импульс они получили после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) в ноябре 2002 г. И это новое направление оказалось неожиданным для тех, кто долгое время считал, что Турция и Сирия, учитывая их конфликтующие интересы, не смогут развивать нормальные отношения.

Развитие событий в регионе сблизило обе страны, и в центре этого сближения было то, что Турция и Сирия выступали против вторжения США в Ирак, а в дальнейшем – за сохранение территориальной целостности этой страны. Они озабочены стремлением США ослабить Ирак за счет его обустройства на федеральной основе без сильного центрального правительства, что может привести к созданию независимого Курдского государства. Визит сирийского президента Башара Асада в Турцию в январе 2004 г. в обеих странах был назван историческим, поскольку стал первым визитом сирийского президента после Второй мировой войны. Во время переговоров подчеркивалось, что Турция и Сирия имеют больше точек соприкосновения, чем различий, и это составляет прочную основу для развития добрососедских отношений. Сирия приветствовала турецкую инициативу выступить посредником в возобновлении сирийско-израильских мирных переговоров. Вместе с тем развитие отношений с Сирией, которая подвергается давлению со стороны США и Израиля, является своего рода вызовом со стороны Турции.

В декабре 2004 г. в ходе визита в Дамаск премьер-министра Эрдогана было подписано соглашение о свободной торговле. Премьер-министр Сирии М. Отри подчеркнул, что «отношения между странами будут развиваться во всех областях, и в первую очередь в торговле».

Это в свою очередь отвечает интересам турецкого торгового капитала, поскольку расширяет его возможности в Сирии, а также позволит использовать Сирию как транзитный торговый центр для выхода на рынки других арабских стран.

Эрдоган на заключительной пресс-конференции подчеркнул, что «итоги визита демонстрируют, насколько далеко продвинулись отношения между двумя странами»⁹.

В апреле 2005 г. президент Турции Н. Сезер посетил Сирию, несмотря на открытый нажим Вашингтона, стремящегося воспрепятствовать этому визиту.

Новым импульсом к сближению стал очередной визит в Турцию в середине октября 2007 г. сирийского президента Башара Асада. Визит проходил в обстановке растущей напряженности между Дамаском и Вашингтоном. Сирия в условиях давления со стороны США в отношении Ливана, Ирака, арабско-израильского конфликта ищет союзников и за пределами арабского мира с тем, чтобы смягчить трудности в вопросах безопасности, а также продолжить развитие экономических связей «со все более процветающей Турцией»¹⁰.

Анкара в свою очередь стремится действовать независимо, а возможно, и вызывающе в отношении Вашингтона, «который полностью игнорирует турецкие интересы в регионе. К тому же в начале октября 2007 г. комитет по иностранным делам палаты представителей американского конгресса принял резолюцию, признающую геноцидом массовое убийство армян в Турции в годы первой мировой войны». Хотя резолюция и носила чисто символическое значение, Турция отреагировала на нее очень болезненно, отозвала своего посла из Вашингтона и пригрозила прекратить всяческую помощь США по Ираку. Начальник генштаба Турции также предупредил, что военные отношения с США получают негативное звучание, если конгресс одобрит эту резолюцию.

Б. Асад выразил полную поддержку турецкому руководству в отношении всех действий, связанных с Рабочей партией Курдистана и Северным Ираком.

Таким образом, как подчеркивает профессор Дамасского университета Д. Кабала, данный визит сирийского президента

в Анкару получил важное геополитическое значение. Он продемонстрировал, что региональные союзники, рассматриваемые как уязвимые государства, могут отвести угрозу и вызовы. Дамаск и Анкара окончательно продемонстрировали, что сотрудничество может служить вопросам развития экономики и безопасности¹¹.

Активизация турецко-арабских отношений не привела к резкому ухудшению отношений Турции с Израилем.

После визита в Израиль в январе 2005 г. Гюля Израиль посетил Эрдоган, и эти визиты продемонстрировали тот факт, что кризис в двусторонних отношениях удалось преодолеть. На повестке дня стоял вопрос продления «Голубого потока» до Израиля, Палестины и Иордании, снабжение этих стран водой, а также двусторонние политические и экономические отношения. Стремительно набирает темпы и товарооборот между двумя странами, идет обмен военными делегациями, в ходе которых рассматриваются совместные военные проекты. Между Турцией и Израилем подписано соглашение о сотрудничестве в промышленной и технологической сферах.

В рассматриваемый период не все ровно было в турецко-американских отношениях. После марта 2003 г., когда парламент Турции отказался предоставить сухопутный проход для подразделений ВС США с целью нападения на Ирак с севера, в турецко-американских отношениях наступил период охлаждения. Сближение Турции с Сирией и Ираном также вызывает недовольство Вашингтона. Вместе с тем Анкару не может не волновать ситуация, при которой Северный Курдистан в Ираке может при поддержке США получить независимость, что в свою очередь приведет к непредсказуемым последствиям для Турции, поскольку Рабочая партия Курдистана много лет борется за отделение турецких территорий на востоке, компактно населенных курдами.

Вместе с тем США и Турция понимают значение взаимного сотрудничества. Оставляя за рамками взаимные визиты государственных деятелей двух стран в рассматриваемый период и достигнутые договоренности, хотелось бы остановиться на последнем визите премьер-министра Эрдогана в Вашингтон 5 ноября 2007 г.

И в этой связи можно отметить, что политика ПСР в отношении Северного Ирака и РПК представляется достаточно успешной.

Турецкие руководители смогли изменить ракурс чисто внутренней проблемы противостояния РПК в сторону ее интернационализации. На встрече Эрдогана с Бушем 5 ноября 2007 г. был принят пакет документов, предусматривающий турецко-американское сотрудничество в трансграничной операции на севере Ирака. Центральное иракское правительство, президент Ирака Талабани и глава администрации Северного Ирака Барзани также выразили свое отношение к проводимым действиям, подчеркнув, что примут все необходимые меры, и выразили надежду на урегулирование конфликта политическими мерами. ЕС также отметило правомерность Турции защищать безопасность своих граждан и мира. Ни одно государство Ближнего Востока не осудило Турцию за систематические военные операции на Севере Ирака. А Сирия, как указывалось выше, полностью солидаризировалась с этой деятельностью.

В первой половине 2007 года в связи с известными внутриполитическими событиями в Турции, а именно: парламентскими выборами, избранием президента, противостоянием военных и правящей партии, внешнеполитической деятельности уделялось достаточно мало внимания.

Однако уже с осени 2007 г. эта деятельность была начата с удвоенной активностью по тем направлениям, о которых говорилось выше.

В качестве иллюстрации можно продемонстрировать некоторые события в данном контексте.

В середине ноября 2007 г. Турцию одновременно посетили президент Израиля Ш. Перес и глава палестинской администрации М. Аббас. Накануне саммита в Аннаполисе оба лидера смогли обратиться с трибуны турецкого парламента к миру и подтвердили потенциальную роль и возможности Турции в процессе урегулирования ближневосточного конфликта¹².

Другим важным результатом встречи Переса и Аббаса в Анкаре стало проведение по инициативе Союза турецких промышленных палат и бирж «Анкарского форума», на котором было заключено соглашение о создании на Западном берегу Иордана организованного промышленного района.

Этот проект объединит турецких, израильских, палестинских предпринимателей, а на созданных объектах тысячи палестинцев смогут получить рабочие места. Комментируя итоги переговоров в Анкаре, турецкий политолог приводит цитату нобелевского лауреата Ш. Переса из его книги, написанной в 90-е годы:

«В обеспечении мира на Ближнем Востоке движущей силой может стать экономическое сотрудничество. И как после Второй мировой войны бывшие противники – Германия и Франция – смогли продемонстрировать экономическое сотрудничество в рамках союза угля и стали», которое стало первым ядром Евросоюза, так, и по мнению Переса, такие цели и подходы могут открыть новые возможности для Израиля и арабов¹³.

Следующим событием стал визит в Турцию премьер-министра Грузии З. Ногадели в момент, когда Грузия переживала тяжелый политический кризис, и визит президента Гюля в Тбилиси. В ходе визитов обсуждался вопрос строительства железной дороги (своего рода части шелкового пути) Баку – Тбилиси – Карс. 22 ноября 2007 г. президенты Грузии, Азербайджана и Турции приняли участие в Тбилиси в церемонии закладки дороги, которая, по словам Гюля, «должна соединить Китай с Англией».

Данные события подтверждают то значение, которое Турция придает своей политике на Кавказе.

Следующим звеном внешнеполитической активности стал визит премьер-министра Эрдогана в Прагу, в ходе которого было подтверждено укрепление политических контактов Чехии и Турции и расширение экономических связей. Эрдоган по вопросу полноправного членства его страны в ЕС получил полную поддержку Чехии, к которой с начала 2009 г. переходит пост председателя ЕС¹⁴.

На конференции Постоянного комитета экономического сотрудничества ОИК, состоявшейся в Стамбуле 16 ноября 2007 г., президент Гюль в качестве постоянного председателя этого комитета рассказал представителям исламских стран о трудностях, которые переживает Турция в связи с Ираком и Рабочей партией Курдистана. Анкара тем самым вновь продемонстрировала свое место и роль в исламском мире.

На встрече Эрдогана с премьер-министром Греции Караманлисом в ноябре 2007 г. был обсужден вопрос энергетического проекта, по которому линия газопровода пройдет из Каспийского моря (Азербайджан) через Турцию в Грецию, а затем в Италию. Этот новый проект станет дополнением к «энергетическим коридорам», проходящим через Турцию¹⁵.

Некоторые скептики могут заметить: в то время, как Турция переживает столь серьезную и сложную ситуацию, связанную с трансграничной операцией против РПК, есть ли необхо-

димость в столь широких внешнеполитических контактах. Однако здесь можно расценить внешнеполитическую деятельность турецкого правительства как достаточно прагматичную. Подобная деятельность приносит Турции, в том числе, большие дивиденды, а именно: поддержку в борьбе с террористами, т.е. многовекторная внешняя политика делает ее более сильной в национальных проблемах.

Особое значение приобрели визит турецкого президента Гюля в Вашингтон и его встреча 8 января 2008 г. с президентом Бушем, которая прошла в высшей степени «позитивно». По мнению турецких политологов, создается впечатление, что Белый дом полон решимости оказывать Турции поддержку в целом, особенно в совместной борьбе против террора РПК. И все это является свидетельством оживления турецко-американского стратегического партнерства¹⁶.

В ходе переговоров Гюль попросил поддержку Вашингтона по Кипру, а также оказать содействие в том, чтобы Саркози и Мериель изменили свои негативные позиции (в отношении членства Турции в ЕС)¹⁷.

Турецкие эксперты цитируют высказывания американского президента, который указывает, что рассматривает Турцию как «мост между Европой и исламским миром» и что членство Турции в ЕС важно «для дела мира», имеет «глобальное значение»¹⁸.

Отвечая на комментарии скептиков в отношении того, «что Буш уходит через год, и кому будут нужны эти заявления», турецкий политолог С. Идрис подчеркивает: «Стремление США вновь оживить отношения с Турцией не является краткосрочным проектом. Кто бы ни пришел к власти в США – республиканцы или демократы, – международные реалии, перед которыми они окажутся, меняться не будут. И очевидно, что эти реалии в отношении Турции не ограничиваются лишь проблемой Ирака»¹⁹.

Таковы основные направления внешней политики Турции при Партии справедливости и развития. Не все проходило и проходит ровно, в Турции есть также немало противников некоторых политических векторов среди высших чиновников, оппозиции, военных. Но как представляется, руководство Партии справедливости и развития будет четко и размеренно идти по пути достижения намеченных целей. И обозначенные направления станут главными во внешнеполитическом курсе страны и в 2008 году.

-
- ¹ New York Times, 11.05.2003.
² Газета, 19.12.2007. www.turkus.com.content.
³ Там же.
⁴ GZT.ru. 12.12.2006.
⁵ www.pv-gazeta.dp.ua/indeks.
⁶ Milliyet, 22.12.2007.
⁷ Ibid. 21.11.2007.
⁸ Hürriyet, 05.10.2003.
⁹ Al-Gazeera, 14.04.2005.
¹⁰ Gulf News, 18.10.2007.
¹¹ Ibid.
¹² Milliyet, 13.11.2007.
¹³ Ibid.
¹⁴ Milliyet, 17.11.2007.
¹⁵ Ibid.
¹⁶ Milliyet, 10.01.2008.
¹⁷ Ibid.
¹⁸ Ibid.
¹⁹ Ibid.

Е.И.Уразова

ТУРЕЦКОЕ АГЕНТСТВО ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ И РАЗВИТИЮ (TİKA): НОВЫЕ ЗАДАЧИ

TİKA было создано в январе 1992 г. непосредственно после распада СССР и возникновения на его территории новых независимых государств – практически сразу после установления между ними и Турцией дипломатических отношений. Поспешность, с которой создавалась эта структура, была вызвана чрезвычайной важностью произошедших геополитических перемен, открывших для Турции возможность существенного укрепления и расширения своей региональной роли и международного влияния и в первую очередь своего значения для Запада, которое было существенно ослаблено в результате окончания «холодной войны».

С самого начала TİKA было нацелено на выполнение двух основных задач. Первая состояла в установлении возможно более тесных отношений (включая оказание гуманитарной и иной помощи) с этнически близкими тюркоязычными постсоветскими государствами, а также с тюркскими общинами и автономными образованиями России, Молдавии, Украины, а также – и других соседних и сопредельных государств, включая Монголию и Грузию. Вторая задача заключалась в активном посредничестве при установлении связей – экономических и политических – между вновь образованными государствами Центральной Азии и Кавказа и ведущими западными странами и международными организациями, а также в ускоренном включении этих государств в мирохозяйственную систему. По словам одного из первых президентов TİKA Яшара Того, «наше правительство предложило нашим тюркским братьям и нашим западным друзьям возложить на Турцию роль моста, имея в виду выгоды сотрудничества в сфере предпринимательства, технологий и финансов»¹. Первоначально Агентство вошло в состав турецкого МИДа в качестве подразделения для работы на вновь возникшем направлении, но уже тогда оно получило

статус юридического лица и автономный бюджет. Спустя десять лет (12 мая 2001 г.) оно вошло во вновь созданное Министерство по управлению турецким сотрудничеством и развитием (Türk İşbirliği ve Kalkınma İdaresi Başkanlığı)², при котором был создан Совет по экономической координации (СЭК). Его задачей является выработка экономической политики Турции в центральноазиатском, кавказском и других сопредельных регионах. В работе Совета участвуют руководители всех основных экономических министерств и ведомств Турции, включая Эксимбанк и Государственную плановую организацию. Новое министерство и Совет (СЭК) возглавляет государственный министр в правительстве Партии справедливости и развития (ПСР) Бесим Аталай. За Агентством сохранен автономный бюджет, формируемый за счет средств основного бюджета. Законодательно закреплена также обязанность отдельных министерств и государственных ведомств участвовать по требованию Агентства в выполнении тех или иных программ и проектов, осуществляемых в подопечных странах и регионах, в том числе с использованием средств самих министерств и ведомств. В начале текущего десятилетия укомплектована новыми кадрами сеть представительств Агентства, преобразованных в офисы по координации программ ТІКА – их число достигает ныне 20, – помимо стран СНГ в их число был в 90-е гг. включен ряд стран Ближнего и Среднего Востока (Афганистан, Палестина – отдельные офисы в Наблусе и Рамаллахе), Балканского полуострова (Албания, Босния, Герцеговина, Македония, Сербия (Косово), Черногория) и Африки (Сенегал, Судан, Эфиопия). Таким образом, поле деятельности ТІКА, изначально охватывавшее страны по принципу в первую очередь их национальной (туркской) общности, стало распространяться также и по принципу их религиозной (исламской) общности, что связывается официально с общностью исторического прошлого в рамках Османской империи. Отношения Турции с государствами и общинами турецкого мира характеризуются патернализмом, хотя она уже не называет себя их «старшим братом». Существенные перемены в деятельности и статусе ТІКА произошли после прихода к власти Партии справедливости и развития. Главным, что внесло перемены в работу Агентства, было включение Турции в качестве донора в международную систему т.н. помощи развитию, которую возглавляет Комитет помощи развитию – кратко ДАК – в рамках ОЭСР, созданную по-

сле распада колониальной системы в послевоенный период промышленно развитыми странами. В настоящее время в этой системе участвуют не только старые, но и новые страны-доноры. Последние представлены наиболее крупными и успешно развивающимися странами с рыночными и переходными экономиками, такими как Индия, Бразилия, Россия, а также отдельными государствами среднего уровня развития. В некоторых случаях, став донорами, они продолжают оставаться реципиентами. К числу последних принадлежит Турция.

В соответствии с общими установками ДАК начиная с 2003–2004 года ТІКА обновляет и уточняет цели своих программ помощи, не меняя по существу их принципиальных основ. В докладе ТІКА о деятельности в 2005 году, отмечается, что усилия Турции по оказанию помощи развитию, с одной стороны, направлены на развитие двусторонних связей со странами, входящими в общее с ней культурное и географическое пространство, а с другой, – на выполнение традиционной роли «стратегического моста в глобальном сотрудничестве»³. Иными словами, ныне цели и задачи участия Турции в международной системе помощи развитию включают в себя более широкий круг обязательств, выходящих за рамки прежних двусторонних или внутрирегиональных отношений. Это уже не только «формирование условий институционального сотрудничества» и «обеспечение развития свободной рыночной экономики», но и «участие в международных акциях в кризисных регионах», «выполнение активной роли по оказанию срочной и гуманитарной помощи при возникновении проблемных ситуаций в связи со стихийными бедствиями и внешними конфликтами» и т.п. и, наконец, главное – «осуществление помощи развитию на основе всестороннего сотрудничества с международными организациями, участвующими в этой деятельности»⁴.

Официальная итоговая оценка преобразования ТІКА дана его нынешним президентом Х. Фиданом: «Повышение статуса до уровня министерства, включение в международную систему помощи развитию должны, с одной стороны, служить, как и прежде, передаче братским странам, имеющим общие родственные корни с Турцией, накопленного ею опыта и в то же время превращению ТІКА в систему, работающую по международным стандартам, способную эффективно управлять проектами и создавать здоровые, отлажено функционирующие структуры»⁵.

Изменение в статусе, включение в международную систему помощи пока не внесли принципиальных изменений в содержание и характер деятельности ТІКА, направления его сотрудничества со странами.

Его основной формой остается участие в организации и выполнении программ и проектов, обычно инициированных и поддерживаемых самими странами-реципиентами, с привлечением международных организаций и государственных и частных структур Турции. После согласования с руководством страны-реципиента программ и проектов ТІКА их реализация осуществляется как профильными турецкими предприятиями и государственными структурами, так и частично усилиями местных органов власти и предприятий на основе использования наличных ресурсов, а также в ряде случаев при высокочрезвычайных и высокотехнологичных проектах, требующих привлечения и оплаты специалистов высокой квалификации и т.д., зарубежных структур и банков (ЕБРР, Всемирного банка, Азиатского банка развития и др.), международных организаций, в первую очередь структуры по развитию ООН (UNDP), а также специализированных государственных организаций по оказанию помощи, таких как Американское агентство международного развития (AID), Организация по оказанию технической помощи при федеральном министерстве экономического сотрудничества ФРГ (GTZ), Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA) и др.

К числу задач, решению которых ТІКА уже с первых лет деятельности было придано первостепенное, приоритетное значение, относится создание базовых условий для перевода экономик новых постсоветских, постюгославских и государств других регионов на рыночную основу. Эта деятельность включает в себя как экспертную помощь в разработке для проведения рыночных реформ соответствующего законодательства, так и помощь в подготовке и переподготовке кадров. Эта последняя включает не только обучение в турецких вузах студентов из сотрудничающих с ТІКА государств, но и разные формы повышения квалификации их руководителей и управленцев госпредприятий, учреждений и банков, а также представителей частного сектора для его включения в экономическую деятельность. Особое внимание уделяется созданию малых и средних предприятий, учитывая их важную экономическую и социальную роль. По официальным данным, за период 1992–2003 го-

дов в результате выполнения проектов ТІКА только в учебных заведениях и центрах Турции общее и специальное образование получили 18 тыс. чел., в том числе, общим образованием было охвачено 10 тыс., специальным 8 тыс. лиц, прибывших из стран центральноазиатского, кавказского и балканского регионов⁶. Помимо этого ряд проектов ТІКА был связан с оказанием помощи для расширения и укрепления системы образования на месте, особенно в постсоветских тюркских республиках, где был создан целый ряд учебных заведений, в том числе университетов. При этом особое внимание уделяется изучению турецкого языка и других тюркологических дисциплин⁷.

Взяв на себя оказание помощи в обучении молодежи, подготовке и переподготовке кадров, Турция не только преследовала цель создания основ для развития и углубления межгосударственных отношений и развития торгово-экономических связей со странами так называемого тюркского мира, но и распространение своего идеологического и культурного влияния. Объективно этот процесс направлен на сокращение влияния России, вытеснение ее из культурного пространства центральноазиатского и кавказского регионов, где оно традиционно доминировало.

Многие из образовательных проектов ТІКА выполняются с привлечением международных организаций и западных корпоративных и финансовых структур. Наиболее масштабной является деятельность созданного в 1993 г. ТІКА при поддержке турецких министерств финансов и внутренних дел Центра по развитию частного сектора. К реализации этого проекта были привлечены ОЭСР, Всемирный банк, германский GTZ и др. Официально заявленной целью этого центра «является подготовка персонала, который должен создавать частный сектор и свободную рыночную экономику в своих странах»⁸. В истекшие годы он развернул активную деятельность по осуществлению учебных программ, проведению конференций, круглых столов, семинаров для госслужащих высшего звена и предпринимателей, на которых рассматривались, преподавались и обсуждались практически все наиболее актуальные темы и проблемы, с которыми сталкиваются развивающиеся страны и страны с переходными экономиками опекаемых Турцией регионов.

О масштабах деятельности Центра свидетельствуют следующие данные: за период с 1994 г. по 2005 г. только подготовку по учебным программам в нем прошло 3 404 чел. из более чем 25 стран Центральной Азии, Кавказа, Балкан, Ближне-

го и Среднего Востока, Центральной и Восточной Европы, включая Россию, а также Монголию⁹. Другим крупным учебным центром, созданным ТІКА в 1993 г., является Анкарский Налоговый центр. Для преподавания в нем были привлечены специалисты из промышленно развитых стран. Изучались налоговые системы и особенности налоговой политики в условиях рыночной экономики, международные стандарты и методы налогообложения. С 1993 по 2005 г. в этом центре прошли подготовку 3 220 руководителей и ведущих специалистов из многих постсоветских государств, стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Балканского полуострова¹⁰. Крупные учебные центры, в частности по банковскому делу, созданы по проектам ТІКА и с привлечением зарубежных средств и специалистов на месте в рассматриваемых странах. Вышеназванные специализированные учебные центры, как и другие образовательные проекты ТІКА, превращены в международные платформы, где чиновники высшего и среднего звена экономических ведомств и отдельные предприниматели могут получить знания, необходимые для работы в период создания современных рыночных экономических систем.

Деятельность ТІКА не ограничивается сферой образования, хотя ей, как и культурной сфере, принадлежит ведущая роль и по числу проектов и по объему выделяемых средств. ТІКА инициирует и координирует выполнение большого числа проектов в экономике и инфраструктуре, в частности, в сельском хозяйстве, лесоводстве, развитии малого и среднего предпринимательства, транспорта, индустрии туризма, статистической службы, осуществляет поставки оборудования, материалов. Как правило, это небольшие проекты, не требующие крупных затрат, но тем не менее вносящие вклад в развитие экономического сотрудничества – торговли и предпринимательства. ТІКА активно участвует в реорганизации местного самоуправления по западным образцам. Последние годы деятельность ТІКА после его включения в международную систему помощи развитию отмечена заметным ростом государственных средств, выделяемых в его бюджет. В 90-е годы XX в. – начале XXI в. они были сравнительно невелики, что объяснялось в первую очередь не только их хронической нехваткой, но и недостаточным контролем за их использованием. Если в 2001 г. бюджет ТІКА составил 64,1 млн. долл., в 2002 г. – 79,9 млн., в 2003 г. – 66,6 млн. долл.¹¹, то начиная с 2004 г. его объем превышает миллиард долл. в год¹².

Турецкая помощь развитию

	2004 г.		2005 г.	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Официальная помощь	1 128,0	100,0	1 098,4	93,3
Помощь неправительственных организаций	0,2		56,7	6,7
Всего	1 128,2	100,0	1 176,3	100,0

Существенный рост ресурсов, выделяемых ТІКА на оказание помощи, отвечает внешнеполитическим установкам правительств ПСР, направленным на расширение регионального и международного влияния Турции.

Несмотря на появление среди расходов Турции на оказание помощи средств, выделяемых в распоряжение ДАК и других международных структур, а также новым странам, включенным в сферу деятельности ТІКА, основными ее объектами остаются постсоветские тюркоязычные республики. Этот момент был подчеркнут госминистром Турции Б. Аталаем в его докладе об итогах работы ТІКА в 2005 году: «Хотя мы открылись для Ближнего и Среднего Востока и Африки, тюркские республики по-прежнему пользуются, – сказал он, – приоритетом при выполнении программ помощи. Для ТІКА этот регион является самой важной территорией»¹³.

В заключение выскажем некоторые общие соображения в связи с созданием ТІКА и происходящими переменами в его статусе и деятельности.

То, что ТІКА из Департамента МИД Турции было фактически превращено в несущую конструкцию специально созданного министерства, свидетельствует об исключительно большом значении, которое в Турции придается отношениям с тюркскими и мусульманскими государствами соседних и сопредельных регионов. Это значение определяется не только торгово-экономическими интересами, связанными с необходимостью выхода на новые экспортные рынки, получением открытого доступа к источникам сырья, новых строительных подрядов и т.д. Реальное партнерство, достигнутое в экономике, остается пока ограниченным. Возрастание этого значения в большой степени продиктовано политическими и идеологическими мо-

тивами, вытекающими из националистических установок, базирующихся на использовании факторов исторической, этнической, конфессиональной общности, создающих благоприятный фон для нынешнего сближения, а в перспективе – для достижения той или иной степени – экономической и социально-культурной – интеграции под эгидой Турции. Хотя эти приоритеты и цели турецкого руководства можно рассматривать (иногда они так и рассматриваются) как отход от традиционного курса на европеизацию и западничество, существующие условия, в которых протекают процессы на сопредельных территориях, позволяют Турции использовать их для усиления не только своего регионального, но и глобального влияния. Выступая в качестве посредника в отношениях Запада с постсоветскими тюркскими государствами, с исламским миром, активно участвуя в западных трансконтинентальных проектах, таких как ТРАСЕКА, предоставляя свою территорию для прокладки альтернативных российским трубопроводов для доставки на мировой рынок каспийского углеводородного сырья, а ныне включившись в международную систему «помощи развитию», Турция не только не противопоставляет себя Западу, но, напротив, стремится к еще более прочному закреплению своего с ним сотрудничества и взаимодействия.

¹ Togo Y. Türkiye TİKA ile agabeylik yapıyor // Ekonomik Forum, 15.08.1995, N 8, с. 23.

² Resmî Gazete, 12.05.2001.

³ TİKA. 2005 Faaliyet Raporu. Ankara, 2006, с. 3.

⁴ Там же, с. 2.

⁵ TİKA. 2004 Faaliyet Raporu, 2005, с. 23–24.

⁶ Там же, с. 26.

⁷ В 2004 г. в 13 странах по проектам TİKA было открыто или получило помощь 21 тюркологическое отделение местных учебных заведений, на которых обучалось 2 400 чел. (TİKA 2004. Faaliyet Raporu, с. 26).

⁸ Newspot, 29.07.1993.

⁹ Avrasya Dosyası, N 94, mart 1998, с. 8; TİKA. 2005 Faaliyet Raporu, с. 194.

¹⁰ TİKA. 2005 Faaliyet Raporu, с. 174.

¹¹ Eurasian bulletin, N 53, December 2006, с. 21.

¹² TİKA. 2005 Faaliyet Raporu, с. 2.

¹³ Eurasian bulletin, N 53, December 2006, с. 24.

В.К.Егоров

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В начале нынешнего десятилетия в процессе формирования нового мироустройства, начавшегося после распада Советского Союза и крушения социалистической системы, появились новые закономерности. Возникшая в начале 90-х годов прошлого века и набиравшая силу в течение почти десяти лет тенденция к созданию однополярного мира при доминировании США стала заметно ослабевать. Попытка же в одностороннем порядке подменить ООН Организацией североатлантического договора в решении международных проблем (в частности, в Югославии в 1999 году) не получила должной поддержки мирового сообщества и не принесла ожидаемых результатов.

В задачи настоящей работы не входит обстоятельный анализ тенденций развития всей системы мировых связей, а будет предпринята лишь попытка рассмотреть их проявления на уровне двухсторонних (в нашем случае турецко-американских) межгосударственных отношений. Исходный тезис состоит в том, что по мере укрепления тенденции к установлению однополярного мира отношения между мировым лидером и любым членом мирового сообщества будут утрачивать признаки партнерства. Государство, принявшее на себя функции лидера и архитектора мироустройства, не может не навязывать свои представления о целях и задачах развития системы, свои поведенческие стереотипы, не использовать потенциал других участников процесса. Более слабое в экономическом, политическом, военном и др. планах государство в свою очередь не может не корректировать свою внешнюю активность соответственно базовым интересам своего патрона.

Последнее утверждение может показаться справедливым для любых двухсторонних отношений независимо от числа полюсов мировой системы связей. Однако это верно лишь отчас-

ти, поскольку наличие более чем одного полюса тяготения предоставляет отдельному государству возможность выбора политического маневра, собственной стратегии и тактики в решении своих проблем, коалиций и т.д. Если же это сопровождается наращиванием собственного политического, экономического и военно-стратегического потенциалов, то это государство становится практически полноправным, реальным субъектом международных отношений.

Как известно, длительное время интенсивность турецко-американских отношений определялась фактором «третьей силы» – Советского Союза, который вместе с Организацией Варшавского договора представлял для США глобального стратегического соперника, а для Турции – угрозу ее политическим, экономическим интересам и территориальной целостности. Турция в отличие от других членов НАТО никогда не была естественным союзником для США. У этих двух стран почти не было общей истории, и слишком велики были (и во многом таковыми остаются) цивилизационные различия в культуре, традициях, религии т.д. Союз с Соединенными Штатами для турок был вынужденным, а с точки зрения их исторической памяти, хранившей несравнимо больший опыт имперской государственности, представлялся унижительно неравноправным. В силу этого антиамериканизм стал характерной особенностью национальной психологии турецкой нации. С этим не могла не считаться даже самая прозападная правящая элита Турции.

К середине 70-х годов прошлого века, когда между двумя сверхдержавами был достигнут баланс сил, прежде всего в области стратегических ядерных вооружений, биполярное мироустройство приобрело законченные очертания. В Турции, успешно развивавшей торгово-экономические отношения с Советским Союзом, нарастало понимание мнимости реальной «угрозы с севера», что, в конечном итоге, позволило руководству страны предпринять самостоятельные серьезные военно-политические акции. Оккупация турецкими войсками Северного Кипра в 1974 году, эмбарго на американскую военную помощь и его отмена, заключение в 1978 году с СССР Политического документа, а в 1980 году нового турецко-американского Оборонительного соглашения – все это при всей неоднозначности последствий следует считать началом реального перехода двухсторонних отношений в партнерские. Нынешнее их состояние, при всей, опять же, непоследовательности это-

го процесса, является следствием событий тридцатилетней давности.

Столь пространный экскурс в историю вопроса потребовался для того, чтобы, исходя из положения о непрерывности исторического процесса, вычленить постоянно действующие факторы, определить новые и предпринять попытку спрогнозировать развитие отношений между Турцией и США в нынешний период. Кроме того, знание гносеологии вопроса позволит понять природу частных явлений и событий. Этот же экскурс введен для иллюстрации не требующего особых доказательств тезиса о том, что в основе двухсторонних и многосторонних союзов лежат коренные интересы их участников, а те или иные конфигурации, длительность существования, динамика развития и т.д. определяются геополитическим контекстом и состоянием совокупного потенциала отдельного государства.

Даже в период наибольшего проявления тенденции к установлению однополярного мира, в середине 90-х годов, исследователи отмечали, что, обладая несопоставимо большим агрегированным потенциалом в сравнении с любым государством мира, США, тем не менее, не могли превзойти по основным показателям коалицию нескольких экономически развитых государств. В силу этого основной задачей международной активности США становилось недопущение и предупреждение создания недружественных коалиций и (или) создание новых на основе некоей объединительной идеи, подкрепляемой собственным экономическим, политическим и военно-стратегическим потенциалом. Этой объединительной идеей долгое время была идея установления демократии, инициирование и поддержка реформ в социальной и политической сферах, особенно в области защиты прав человека по всему миру, прежде всего там, где у США были важные экономические, политические, военно-стратегические и пр. интересы.

В начале 2000-х годов основная объединительная идея модифицировалась. События 11 сентября 2001 года вызвали кризис не только в общественном сознании в крупнейшей державе мира, но и в ее стратегии. Известный политолог З.Бжезинский в своей книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство», вышедшей в Нью-Йорке в 2004 году и переведенной затем у нас, писал: «Америка, пожалуй, располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе, но зато и степень безопасности ее собственной территории

небывало мала. Необходимость жить в состоянии незащищенности, похоже, приобретает хронический характер». Он также добавляет, что «совершение в том или ином месте акта высокотехнологического терроризма – лишь вопрос времени». Эти строки были написаны тогда, когда антитеррористическая коалиция во главе с Соединенными Штатами без особых успехов и в условиях непрекращающихся противоречий между ее членами проводила военные операции против явных и мнимых субъектов террористической деятельности.

Когда стало очевидным, что антитеррористическая коалиция не достигла всех поставленных целей, не искоренила международный терроризм и не решила задачи установления мира и стабильности в регионе, который позднее стали называть Мировыми Балканами, возникла необходимость разработки новой глобальной стратегии США, учитывающей отмеченные выше реалии, новые вызовы времени. Невозможность установления реального однополярного мира при гегемонии единственной сверхдержавы выдвинула на первый план задачу достижения мирового лидерства, основанного на комбинации военно-политической и экономической мощи США с дифференцированным подходом к ситуации в различных регионах мира и опорой на своих союзников, существующих и потенциальных. Идеологической, объединяющей основой этой стратегии были провозглашены проведение тех самых демократических реформ, защита прав человека, борьба против тирании и бедности, установление мира и стабильности.

Необходимость реализации новой стратегии потребовала определения и структуризации объектов, на которые она будет направлена. И таковыми становятся не только носители традиционной правосубъектности, но и новые конструкты, рожденные в усилиях найти хотя бы частные подходы к теоретическому освоению проблемы создания современной теории мировых связей. Отличительной особенностью рубежа тысячелетий применительно к формированию и функционированию этой системы представляется размывание критериев в определении субъектов глобальных взаимодействий, их деформализация. Речь идет о том, что целый ряд явлений в современной международной обстановке, негативно или позитивно влияющих на процесс ее развития в целом и на отдельные государства, в частности, не имеет четкой правовой определенности.

Такие явления, как международный терроризм, наркоторговля, торговля оружием и т.п., при всей неопределенности источников финансирования, местоположения каналов распределения, кадровой подготовки и многого другого являются хорошо организованными и скоординированными системами или структурами. Воздействуя на отдельно взятые государства, они приводят к вынужденной корреляции ими своей внешней деятельности. Это обстоятельство дает основание государствам, претендующим на глобальное или региональное доминирование, не вполне корректно с юридической точки зрения выделять объекты в виде одной или нескольких стран, являющихся «центрами» или «пособниками» этих видов деятельности. В совокупности с обвинениями в недемократичности режима в отношении этих стран применяются самые жесткие санкции, зачастую не вполне согласованные с ООН.

Еще одним примером неформальной систематизации субъектов, объектов и явлений глобальных взаимодействий является выделение без четкой классификации признаков (кроме, пожалуй, конфессионального) такого культурно-исторического феномена, как «исламский мир». Долгое время на Западе в силу появившегося в Европе еще в XVIII веке деления стран и народов на «цивилизованные» и «нецивилизованные» исламские страны относились к недоразвитым или просто отсталым. Тем более, что все они, за исключением Турции и Ирана, в разное время были колониями западных метрополий. В период расцвета биполярности, в 70-е годы прошлого века, часть исламских государств, объединенных в Организацию производителей и экспортеров нефти (ОПЕК), применив «нефтяное эмбарго» в отношении стран Запада, принудили их считаться с их интересами. С тех пор к уже отмеченному выше чувству превосходства и предубеждению в странах Запада прибавилось неприятное чувство зависимости от этих стран и нестабильности отношений с ними.

С превращением международного терроризма в глобальное явление особенно после событий 11 сентября 2001 года на Западе сложилось устойчивое представление об исламе как об идейном источнике экстремизма и международного терроризма, а в отношении исламских стран – подозрение, если не в пособничестве, то в симпатиях к этому явлению. При этом не учитывается, что исламский мир неоднороден и внутренне противоречив. Среди нескольких десятков мусульманских

стран имеются вполне светские, демократические, авторитарные, теократические. Серьезные противоречия существуют и нередко перерастают в вооруженные конфликты между странами, где исповедуют различные течения в исламе, где существуют общины и организации от умеренных до экстремистских. В обыденном сознании же, да и в части правящих элит в западных странах, ислам представляется как целостный, непонятный и враждебный.

Турция с ее 800-летним мусульманством, из которых 400 лет она (Османская империя) была духовным центром ислама – халифатом, и имеющая лишь 85-летний период республиканского развития, всегда относилась к исламскому миру. Именно это обстоятельство, в явной или скрытой форме поддерживаемое нынешним руководством Турции, порождает на Западе предубеждение и опасение в отношении его внешнеполитических акций, вызывает опасение в возможной радикализации режима внутри страны и во внешней политике. Поводов для подобного беспокойства, в том числе у Соединенных Штатов, достаточно. Во времена существования СССР «советский фактор» цементировал отношения между США и Турцией, несмотря на различное понимание в каждой из стран степени негативного влияния этого фактора и даже кризисы в отношениях между двумя странами. Они были нужны друг другу. Распад Советского Союза, сопровождавшийся появлением на границах теперь уже Российской Федерации целого ряда прозападно настроенных буферных государств, существенно снизил заинтересованность США в Турции. Геостратегическая угроза со стороны России в 90-е годы принималась в США и НАТО все меньше, а возможности Турции «поработать» в пользу США на Кавказе и в Центральной Азии лишь на время заинтересовали Запад, поскольку американцы и сами стали успешно расширять свое присутствие в этих регионах.

Откровенно слабой оказалась американская поддержка усилий Турции «войти в Европу», стать членом ЕС. Как известно, руководство многих стран Западной Европы если не блокирует, то надолго откладывает решение вопроса о членстве Турции в этой организации, что заметно повышает возможность существенной переориентации турецкой внешней политики. Как это может выглядеть, можно судить по многим заявлениям представителей турецкого руководства. Так, например, еще в марте 2002 года руководитель Совета национальной безопасно-

сти генерал Т.Кылыч заявил, что Турция не получила ни малейшей поддержки со стороны ЕС в ее усилиях стать частью Европы и что, ища союзников, Турция поступит правильно, включив в список возможных союзников Иран и Российскую Федерацию. С приходом в этом же году к власти умеренной исламистской Партии справедливости и развития близкие по духу заявления не раз делались и высшими руководителями страны.

Изменения во внешней политике Турции и в ее внешнеэкономических связях, анализ которых не входит в задачи настоящей работы, подтверждают серьезность этих заявлений. А то, что это относится не только к Западной Европе, вызывает все большее беспокойство и в Соединенных Штатах. Не случайно З.Бжезинский, рассматривая Турцию как союзника с ограниченными возможностями, способного поддерживать глобальные усилия США, одной из причин считает вероятность радикального изменения ее внешнеполитической ориентации. Он полагает, что «Европейский Совет будет откладывать, по возможности, подольше решение об открытии для Турции своих дверей, но эта перспектива в ответ породит неудовольствие в Турции, увеличивая риск ее развития в направлении недовольного исламистского государства с потенциально страшными последствиями для Юго-Восточной Европы».

Еще одним критерием в неформальной типологизации упомянутых выше феноменов в системе мировых связей является геополитический. Он появился также в результате поиска частных подходов к теоретическому осмыслению состояния и перспектив развития ситуации в различных районах земного шара как этапу в создании общей теории международных связей. Суть этого критерия состоит в выделении в качестве объекта исследования отдельного региона по принципу географической целостности, общности основных тенденций во внутренней и внешней политике, превалирующего типа экономики, сложившихся исторических и культурных связей и т.д. Так, в частности, появились и стали использоваться в исследованиях такие понятия, как «Большой Ближний Восток» и «Мировые Балканы».

Понятие «Большой Ближний Восток» появилось в обращении вначале в кругах аналитиков, близких к руководству США около 10 лет назад, а затем вошло и в лексикон высших руководителей не только этой страны. К этому условному региону принято относить территории государств с преобладанием мусульманского населения – от Марокко до Пакистана и от Казахстана

до Маврикия в Индийском океане. Для этого региона характерно то, что там находятся, по разным данным, от 60 до 70% мировых запасов нефти и около 40% газа. Другой его важной характеристикой являются значительное несоответствие уровня демократизации и соблюдения прав человека западным критериям и высокий уровень внутривластной нестабильности.

Соединенные Штаты, рассматривая итоги военных действий в Ираке, приведшие к свержению режима С. Хуссейна, как преимущественно положительные, сочли возможным продолжение усилий для проведения демократической реформы в этом регионе. Учитывая наличие там устойчивых антиамериканских настроений и значительные финансовые расходы, США с 2004 года пытаются привлечь к реализации плана упомянутых реформ своих европейских союзников и заинтересовать членов «Большой восьмерки». В феврале 2004 года накануне саммита «Большой восьмерки» президент Буш даже потребовал от конгресса ассигновать на эти цели (свободные выборы, свобода СМИ, либерализация экономики и т.д.) ежегодно 80 млн. долларов.

Реакция на предложения американского президента в целом была сдержанно-одобрительной. Поддержала этот проект и Турция. В журнале «Россия в глобальной политике», № 4 за 2004 г. премьер-министр Турции Р.Эрдоган писал: «Инициатива «Большой Ближний Восток», предложенная США, предусматривает проведение экономических и политических реформ в странах Ближневосточного региона в обмен на существенную финансовую помощь со стороны западных стран. В мире и в самом регионе к этой инициативе относятся по-разному. Как страна, на которую ближневосточные события оказывают непосредственное воздействие, Турция реалистично и конструктивно подходит к данному проекту. Национальные интересы Турции требуют, чтобы по соседству находились мирные и стабильные государства, с которыми она могла бы взаимодействовать на всех уровнях». Таким образом, цели Турции согласуются с позитивными задачами проекта «Большой Ближний Восток». Вместе с тем Эрдоган отметил, что амбициозный характер плана и масштаб существующих проблем с самого начала породил сомнения в модели регионального переустройства.

Время показало, что оценка итогов операции в Ираке неоправданно завышена, а США пытаются с минимальными издержками выйти из крайне сложного положения. Среди многочислен-

ных вариантов этого выхода при сохранении фактического контроля над этим крайне богатым нефтью и газом регионом особое внимание привлекла статья близкого к администрации США военного эксперта Р.Петерса «Blood Borders. How Better Middle East Would Look», опубликованная в «Armed Forces Journal», 2006. № 6, June. Основным содержанием статьи стал план масштабной перекройки региона «Большой Ближний Восток». Прежде всего предполагалось разделение современного Ирака на три части, которые затем за счет территорий соседних стран, в том числе Турции, Ирана, Арабских эмиратов, Саудовской Аравии становились Курдистаном, Суннитским Ираком и Шиитским арабским государством. За счет Саудовской Аравии увеличивается Иордания, сирийским побережьем Сирии прирастает Ливан, северным Ираном Азербайджан. Надвое распадается Афганистан и т.д.

Журнал, в котором появилась статья Р.Петерса, является слишком серьезным изданием, чтобы считать эту публикацию шуткой. Это более похоже на заказной болевой зондаж для последующей коррекции внешнеполитической стратегии заказчика в отношении стран региона. Можно также предположить, что автор или авторы плана спрогнозировали снятие общей напряженности в регионе не за счет внешнего вмешательства третьих сил, а с помощью реализации сепаратистских устремлений, существующих практически во всех странах этого региона. А по завершении самой затратной во всех смыслах этого слова стадии подобного самоуспокоения к обессиленному и обескровленному населению региона могли быть применены меры гуманитарного характера, включая установление там лояльных режимов.

Еще в меньшей степени формализованным, чем «Большой Ближний Восток», является понятие «Мировые Балканы», введенное в оборот З.Бжезинским в его статье «Зыбкий песок гегемонии», появившейся в журнале «The National Interests» № 74, 2003/04, а позднее включенной в цитированную выше его книгу «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство». «Мировые Балканы» дополнили понятийный аппарат для геополитического анализа ситуации в ключевой зоне Евразии, простирающейся между Европой и Дальним Востоком, и имеют скорее концептуальное значение для этого анализа. «Мировые Балканы», населенные преимущественно мусульманами, представляют собой своеобразный геополитический контекст «Большого Ближнего Востока», что позволяет рассматривать с точки зре-

ния интересов США проблематику последнего во всей полноте его внешних связей. Среди них наибольший интерес в рамках задач настоящей работы представляют выводы о роли и месте Турции в американской стратегии в отношении этого региона.

Мотивацию активности Соединенных Штатов как мирового лидера на «Мировых Балканах» З.Бжезинский представляет следующим образом: «Комбинация из нефти и политической нестабильности не оставляет Соединенным Штатам выбора. Перед Америкой стоит устрашающая проблема, которая состоит в оказании помощи с целью поддержания некоторой степени стабильности между ненадежными государствами, населенными все более беспокойными политически, воспрянувшими социально и взбудораженными религиозно народами. Америка должна предпринять осуществление еще более пугающей, чем в Европе 50 лет назад, задачи в условиях культурно чуждого, политически бурлящего и этнически сложного ландшафта... В сущности, Америке придется продвигаться в неизвестных и плохо обозначенных водах, прокладывая свой собственный курс, делая выборочные уступки, в то же время *не давая возможности ни одной региональной державе диктовать ей направление и приоритеты* (выделено мною. – В.Е.)». Конец цитаты тем более значим, что региональными державами, как следует из концепции «Мировых Балкан», являются Россия, Турция, Индия и пр.

Перед лицом столь сложной задачи США просто вынуждены сменить статус гегемона на статус лидера, опирающегося на надежных союзников, связанных коренными интересами. Поставив в качестве первоочередной задачу определения союзников в самом регионе «Мировых Балкан», Бжезинский предельно четко формулирует главную цель Соединенных Штатов: «Поскольку надежный доступ к приемлемым по цене энергоносителям жизненно важен для трех, наиболее динамичных в экономическом отношении регионов – Северной Америки, Европы и Восточной Азии, – стратегическое доминирование в этом регионе, *даже если и приукрашенное соглашениями о сотрудничестве* (выделено мною. – В.Е.), могло бы стать решающим в глобальном масштабе завоеванием».

В ретроспективном плане автор понятия-концепции рассматривает Турцию как давнего и проверенного союзника, многие десятилетия успешно дополнявшего американскую политику в отношении стран региона, прежде всего СССР, а затем России и постсоветских государств. Продолжительное время США счи-

тали Турцию моделью для прозападного, демократического развития получивших независимость мусульманских стран Центральной Азии. В настоящее время в связи с нерешенностью курдской проблемы и исламским вопросом, о которых говорилось выше, конструктивная, с точки зрения США, роль Турции в решении проблем региона ограничена.

Бжезинский в своей работе не привел конкретного прогноза развития отношений США с отдельными странами, в том числе – с Турцией, однако и данные, приведенные в настоящей статье, и анализ событий последнего времени в американо-турецких отношениях свидетельствуют, *во-первых*, о том, что в Турции идет сложный и противоречивый процесс выработки устойчиво работающей доктрины государственного устройства, сочетающей умеренный исламизм и столь же умеренную светскость как в вопросах внутренней, так и самостоятельной внешней политики. *Во-вторых*, Соединенные Штаты в соответствии со своей региональной стратегией последовательно решают поставленные задачи, *«делая выборочные уступки, приукрашивая соглашениями о сотрудничестве»* свое доминирование в регионе. Об этом свидетельствуют политические и дипломатические маневры вокруг Северного Курдистана, план Петерса, предложение европейских союзников США Турции стать членом будущего Средиземноморского союза как некоей альтернативы членству в ЕС, попытки американцев воспрепятствовать наметившемуся сближению с Ираном и даже переговоры между Турцией и США о возможности размещения на турецкой территории элементов американской системы ПРО в обмен на миллиардную помощь. Следует ожидать, что в обозримом будущем попытки США втянуть Турцию в реализацию своей глобальной стратегии и насколько последовательной окажется Турция в своих усилиях проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику.

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. Пер. с англ. М., 2006.
2. Россия в глобальной политике, № 4, июль-август 2004.
3. www.safety.ru/IAMS/state 10/08/2005
4. www.fondsk.ru/article 14/12/2007
5. Время новостей, февраль-март 2008.
6. Независимая газета, февраль-март 2008.

Мехмет Перинчек

РОЛЬ ТУРЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПРОЕКТЕ ВЕЛИКОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Сегодняшняя главная экспансионная стратегия США является проектом Великого Ближнего Востока. Недавно Кондолиза Райз откровенно объявила, что США по проекту Великого Ближнего Востока хотят изменить границы 24 мусульманских стран в пространстве от Марокко до Средней Азии. Они стремятся реализовать этот проект и в нашем регионе через определенные средства и тактики. Ниже будут перечислены некоторые из них.

– Ослабление государственной структуры и уничтожение национального государства.

После распада СССР США под лозунгом глобализации стараются уничтожить национальные государства, являющиеся главным барьером против их экспансии, и превратить нации Евразии в народы без государственности. Они под предлогом защиты прав человека нарушают права человека, используя религиозную реакцию и шовинизм, натравливают нации и религии друг на друга, создают марионеточные государства, через так называемые неправительственные организации ослабляют государственную структуру и совершают проамериканские правительственные перевороты в странах Евразии.

Политическая система, которая будет создана США после уничтожения национальных государств Евразии, – не демократия, а режим мафии и сект. Главой структуры этой операции американского империализма является супер-НАТО. В странах НАТО США ликвидировали легальные правительства, а через супер-НАТО начали контролировать эти страны и проводят реализацию проекта Великого Ближнего Востока.

– Поддержка сепаратистов в евразийских странах и создание марионеточных государств.

Как мы подчеркнули выше, Вашингтон поддерживает этнорелигиозные сепаратистские организации в Евразии. Начиная с 1999 г. Турция находится перед лицом реальной угрозы со сторо-

ны США. США объявили первую и вторую иракскую войну, чтобы разделить Ирак на три части. Команда Буша (Рамсфельд, Вольфовиц, Халильзард, Джеймс Вусли и Перле) в письме, отправленном Клинтону еще до прихода к власти Буша от 29 мая 1998 г., заявила, что необходимо воспользоваться военной силой, чтобы провозгласить независимость Северного и Южного Ирака. А в результате последней иракской войны США и Израиль создали марионеточное государство в Северном Ираке по проекту Великого Ближнего Востока. Цель США – контролировать и, когда необходимо, разделить региональные государства, использовать Северный Ирак как военную базу против стран Евразии.

США начали реализацию плана по узакониванию и расширению так называемого Курдистана в Северном Ираке. Чтобы это марионеточное государство выжило, надо расширить его на юг, где находится киркукская нефть, на запад, к Талафару, где расположены плодородные земли, и на север, за счет Турции. После Киркука на очереди будет Талафар и Диярбакыр.

Недаром сказал бывший посол США в Турции Пирсен, что регион от Эрзурума до Багдада является единым экономическим пространством. В последние годы региональные власти юго-восточной Турции начали очень активно сотрудничать с региональными властями в Северном Ираке. Даже американские полуофициальные сайты и журналы не видят никаких проблем в опубликовании карт, на которых Диярбакыр обозначен как столица «Великого Курдистана».

Одновременно 4 июля 2003 г. американские военные взяли под стражу 14 турецких офицеров и солдат в Северном Ираке в г. Сулеймании. Вооруженные силы Рабочей партии Курдистана (РПК), курдской сепаратистской организации, обеспечены и обучены американским спецназом «Дельта форс». Еще в декабре 2003 г. США дали 125 млн. долл. РПК и ракеты «Стингер» Месуду Барзани для борьбы против Турции. Изменение США и курдскими организациями демографической обстановки Киркука и принуждение к переселению туркмен в Талафаре посредством бомбардировок являются частью плана создания Великого Курдистана. А последнее нападение РПК на Турцию через Северный Ирак доказывает главную роль США в этом проекте. В этой ситуации зарубежная операция турецкой армии вопреки воли США стала неизбежной для того, чтобы сохранить территориальную целостность Турции. Здесь я хочу отметить, что турецкая армия очень внимательно следит за территориальной целостностью Ирака.

Надо подчеркнуть, что контроль США в Северном Ираке угрожает не только Турции, но и пространству от Западной Европы до Восточной Азии, потому что Северный Ирак является не только опорой США для контроля над энергоресурсами, а еще и плацдармом для военной операции против Евразии. Учитывая главную американскую стратегию, которая представляет собой захват Средней Азии, само собой разумеется, что это марионеточное государство угрожает не только территориальной целостности Турции, Сирии и Ирана, а еще и стабильности всей Евразии.

Можно сказать, что США в Северном Ираке придерживаются того же сценария, что и в Чечне.

Другое направление территориального расширения атлантизма осуществляется на Кипре. США и Израиль ведут в отношении Кипра политику, угрожающую Турции, а также угрожают Турции снять контроль за ситуацией в Северном Ираке. Тот факт, что в Европарламенте турецкую армию на Кипре назвали оккупационной, доказывает, что атлантизм может использовать оружие против Турции. США стараются осуществить контроль над Кипром через Европу. Американская администрация хочет превратить весь Кипр в военную базу, как и базы «Агротур» и «Дикелья» на Южном Кипре. Поэтому единый Кипр и Великий Курдистан ознаменуют разделением Турции.

Но обязательно нужно добавить, что единый Кипр также угрожает всей Евразии. Если весь остров будет под контролем США через присоединение Северного Кипра к Южному, тогда он станет стратегической военной базой США, как Грузия на Кавказе.

– Фальсификация истории.

Американская администрация часто прибегает к фальсификации истории для того, чтобы угрожать странам и создавать предлог для вмешательства. Так называемый армянский геноцид – один пример подобной тактики. Атлантизм опять поднял этот вопрос как средство разделения Турции. Очевидно, что он связан с марионеточным государством в Северном Ираке. В последние дни проблема сепаратистского террора стала очень актуальной. Атлантизм нажимал кнопку РПК. А когда Турция станет принимать решительные меры против террора, на Западе поднимут шум, что Турция совершает новый геноцид. Таким образом, США используют так называемый армянский геноцид как психологическую войну против Турции и создадут юридическую почву для вмешательства. В заявлении американского конгресса проблема геноцида армян в 1915–1923 гг. была поднята для того, чтобы

бросить тень на Ататюрка и освободительную войну Турции, которые являются основой идеологии турецкого государства.

Конечно, решение украинского парламента о геноциде украинского народа со стороны России или обвинения армянской диаспоры в адрес России о ее сотрудничестве с Турцией в деле геноцида армян являются частью одной игры.

– Поддержка религиозных сект.

Турция окружена не только со стороны Северного Ирака и Кипра. Со времен холодной войны внутри нее атлантизм активно поддерживает религиозные реакционные секты, чтобы заложить взрывчатку в почву национального государства и нации. Через эти секты («Фетуллах», «Нахшибанди» и т.д.) США создают свои агентурные сети в политической, культурной и экономической сфере не только в Турции, но и в странах Евразии, особенно на постсоветском пространстве.

– Греческий патриарх и миссионеры.

США и ЕС объявили греческого патриарха Варфоломея в Стамбуле вселенским патриархом всего православного мира вопреки Лозаннскому договору. Патриарх Варфоломей по закону зависит от администрации уезда Фатих в Стамбуле. Но после этого объявления патриарх постепенно уйдет из-под административного контроля Турции и станет краеугольным камнем в операции атлантизма в Евразии. С другой стороны, идея США и ЕС по открытию греческого духовного училища в Стамбуле также принадлежит к стратегии Великого Ближнего Востока. Таким образом, планируется принимать туда иностранных студентов и потом присылать их в балканские страны и Россию для ведения проамериканской политики в религиозной сфере.

Одновременно мы видим, что миссионерские сети атлантизма в Турции стали активнее. Работа по превращению музея Святой Софии в церковь, отмена закона о том, что греческий патриарх должен быть гражданином Турции, являются проектом византизации Стамбула.

* * *

Конечно, у Евразии есть ответ на стратегию атлантизма. Это евразийство. Не соперничество, а сотрудничество евразийских стран в политической, экономической, военной и культурной сферах будет обеспечивать национальную безопасность, экономическое развитие, сохранение национальной культуры наших стран. Мы знаем это даже из исторического опыта – сотрудничество между Ататюрком и Лениным.

К.В.Вертяев

КУРДСКИЙ ВОПРОС И ИНТЕРЕСЫ ТУРЦИИ В ИРАКЕ

Политические изменения на Ближнем Востоке позволяют говорить о возрастании роли курдского фактора в этом регионе. В условиях военного и политического кризиса, охватившего Ирак после американской оккупации, реалистическая оценка перспектив возникновения курдской государственности как мировыми, так и региональными державами станет важным шагом на пути обеспечения стабильности в этом регионе.

Опора американской администрации в Ираке на курдов столкнула интересы Турции и США, став началом затяжного политического кризиса в двусторонних отношениях. Кризис в отношениях между Турцией и курдским автономным районом (КАР), достигший наивысшей точки к концу 2007 года, ясно дал понять, что Турция не собирается находиться в стороне от тех процессов, которые происходят сейчас в Ираке. У октябрьского кризиса было множество причин, главная из которых – это фактическое отстранение Турции, крайне незаинтересованной в создании независимого Курдистана, от участия в урегулировании иракской проблемы. Результаты политики американцев в курдском вопросе выразились не только в предоставлении курдам широких прав автономии и избрании на пост президента Ирака курдского лидера, но и в закреплении в 140-й статье новой иракской конституции статуса Киркука, находящегося в сфере влияния курдской автономии и являющегося важным стратегическим и экономическим узлом для всего Ирака.

Не секрет, что вопрос о разведанных нефтяных запасах Ирака является краеугольным камнем при возможном делении государства на три независимых образования. Хотя представители курдской автономии и не отрицают, что запасы могут использоваться на федеральном уровне, они всячески настаивают на том, что Киркук – это неотделимая часть Курдистана. Похоже, что курды находят в этом поддержку у Соединенных Штатов. Турция же

рассматривает Киркук входящим в сферу своих геополитических и стратегических интересов и опирается на созданный в середине 90-х годов при поддержке Анкары Иракский Туркоманский Фронт – политическое объединение, используемое для лоббирования интересов Турции в регионе. Еще на заре создания Турецкой Республики, в 1926 году, от Турции был отторгнут нефтеносный Мосульский вилайет и Киркук, что оставалось ощутимым ударом по геополитическим амбициям страны на протяжении долгого времени. Поэтому в случае распада Ирака Турция будет активно выдвигать тезис о необходимости своего участия в переделе карты Ближнего Востока. Угроза курдского сепаратизма используется в этой связи как нельзя кстати.

Вторым моментом, играющим на руку Анкаре, является наличие в спорном районе значительного числа туркоманов, чью карту и старается разыгрывать Турция в борьбе за курдистанскую нефть. Поддержка Турцией населяющих север Ирака туркоманов заметно активизировалась после начала американцами операции в 2003 году. При этом всячески акцентировалась этнокультурная обособленность этого этноса от проживающих здесь курдов. В этой связи примечательно мнение известного журналиста и драматурга Авни Озгюреля, который задался справедливым вопросом: почему Турция никак не реагировала на репрессии режима С.Хусейна против иракских туркоманов в середине 80-х годов, когда были казнены несколько высокопоставленных генералов иракской армии или когда в один день, 28 марта 1991 года, были убиты 67 туркоманов просто для того, чтобы проверить, какова будет реакция Анкары. «Почему же теперь реакция Анкары на притеснения этноменьшинства началась только после свержения режима?», – справедливо замечал автор.¹ По мнению многих экспертов, туркоманы не довольны реализацией положений 140-й статьи новой иракской конституции, принятой в 2005 году и направленной на «преодоление последствий арабизации курдских районов», которая осуществлялась во времена правления Саддама Хусейна. Положения этой статьи вызывают резкую критику проживающих здесь туркоманов, которые считают, что эта статья конституции принята исключительно в интересах курдов с целью распространения их суверенитета на нефтяные месторождения Киркука.

Сейчас турецкие СМИ весьма активно освещают тезис о том, что из Киркука выдавливается арабское население, и при этом всячески актуализируют факт наличия в этом районе значительного числа туркоманов, численность которых явно завышается. Сим-

птоматично, что столкновения на этнической почве в Киркуке начались практически сразу после американской оккупации – в августе 2003 года. В курдских средствах массовой информации высказывались опасения, что беспорядки могли быть спровоцированы турками, однако прямых подтверждений этому не было, если не считать инцидент с задержанием американскими военными в Сулеймании группы турецких военнослужащих, которые якобы подозревались в незаконной деятельности на территории Ирака. Несмотря на то, что вскоре военные были отпущены, этот факт существенно омрачил турецко-американские отношения, а тогдашний глава Генерального штаба Турции Хильми Озкек назвал этот случай «кризисом доверия» между военными двух стран².

Интересы Турции в северном Ираке заключаются не только в предотвращении распространения курдского сепаратизма и защите прав этнических туркоманов. Вопрос о сроках референдума в Киркуке, который, как планировали курды, должен был отойти под юрисдикцию Курдистана, стал камнем преткновения между региональным курдским правительством и Турцией. На протяжении всего периода, прошедшего с момента оккупации Ирака войсками союзников, Турция требовала сохранения статуса-кво Киркука.

Видимо, вопрос о статусе этого богатого нефтью региона был одним из главных на стадии переговоров американской администрации с турецкими властями еще при подготовке операции в Ираке в 2002–2003 гг. По сообщениям ряда турецких газет, такие переговоры велись заместителем министра обороны США Полом Вулфовицем еще с правительством Бюлента Эджевита в 2002 году³. Тогда переговоры увенчались успехом для американцев, и было получено предварительное согласие правительства Турции на перемещение по ее территории 90-тысячной американской армии. Но поражение Демократической левой партии на выборах 3 ноября 2002 года и приход к власти новой силы – «умеренных исламистов» в лице Партии справедливости и развития заставили Вулфовица снова нанести визит в Турцию в начале декабря для согласования позиций по переброске американских войск в Ирак. Эти переговоры продолжались вплоть до февраля 2003 года. В конце концов удалось договориться о цене лояльности турок: им был предложен выгодный заем в размере до 24 млрд. долларов США, при этом от американцев было получено принципиальное согласие на возможность введения Анкарой своей армии в Северный Ирак для борьбы с курдскими повстанцами из Рабочей партии Курдистана (РПК).

В феврале 2003 года, перед самым началом военной операции в Ираке, американские военные и политики уверяли турецкий истеблишмент в том, что американская оккупационная администрация будет всеми силами препятствовать созданию федеративного государства на месте Ирака и приложит максимум усилий для сохранения автономного статуса курдского региона. Американцы по-прежнему давали обещания, что не будут препятствовать туркам вводить свои войска на север Ирака для того, чтобы контролировать разоружение курдских вооруженных формирований. Единственным условием для осуществления этого плана было предоставление «коридора» для прохождения войск союзников по территории Турции и использование военных баз в Турции для проведения этой операции. Подразумевалось, что турецкие войска вместе с союзниками пересекут иракскую границу и продвинутся вглубь территории Ирака приблизительно на 12,5 миль с целью обеспечения стабильности в этом регионе, и для того, чтобы воспрепятствовать потоку возможных беженцев на территорию Турции.

При этом турецкие официальные лица особо оговаривали, что для Турции необходимы гарантии от американцев, что в случае предоставления Турцией своей территории для прохождения войск, курдская автономия ни при каких условиях не должна преобразоваться в какое-либо независимое политическое образование при распаде централизованной системы управления в Ираке. Турецкие политологи мотивировали эту позицию тем, что независимый Курдистан станет своеобразной силой притяжения для курдов Турции и это неминуемо приведет к отторжению от Турции юго-востока страны, населенного курдами. Немаловажным фактором является и то, что Курдистан, обладающий большим запасом энергоресурсов, станет претендовать на статус одной из ведущих держав Ближнего Востока, пользующейся к тому же поддержкой США и Израиля.

Сейчас Турция гораздо больше своих соседей опасается за целостность государства в случае образования независимого Курдистана. По мнению турецкого политолога Хасана Унала из анкарского университета Билькент, любая попытка создания на севере Ирака независимого Курдистана будет рассматриваться как исключительная опасность для целостности страны. В этом случае Турция не будет отстраненным наблюдателем и предпримет все необходимые шаги, чтобы не допустить этого.

Вопрос о возможной военной интервенции турок в Ирак как в 2003 году, так и четыре года спустя стал важным элементом

внутриполитической борьбы в Турции. В 2003 году находящаяся всего лишь два месяца у власти Партия справедливости и развития, которую оппозиция нещадно клеймила как «исламистскую» и противоречащую секуляристским конституционным устоям страны, стояла перед необходимостью принять, не без давления США, непопулярное в обществе решение о вовлечении Турции в иракский конфликт. В феврале-марте 2003 года в Турции проходила волна многотысячных митингов, подчас стихийных, против участия Турции в военной операции. Премьер-министр страны Реджеп Тайип Эрдоган стоял перед нелегким выбором, тем более, что даже военный генералитет не был заинтересован в этой операции, опасаясь дестабилизации ситуации в стране. Традиционный для Соединенных Штатов расчет на Турцию как на своего стратегического союзника на этот раз не оправдался, тем более, что многие аналитики рассматривали явную ангажированность политического решения Турции, которое должно было бы удовлетворить американцев. Теперь Турция уже не могла рассчитывать на ратификацию подписанного с США соглашения о предоставлении привилегированного кредитного транша в размере от 6 до 24 млрд. долларов. Это транш должен был покрыть расходы Турции, связанные с ростом процентов по внешним долгам страны, что связывалось с ростом цен на нефть и падением доходов от туризма в стране. Подобная зависимость политической лояльности Турции от финансовой помощи Запада все больше и больше раздражала как политиков, так и граждан страны. Однако, несмотря на вето меджлиса, Турция все же продолжала вести переговоры и консультации с американцами по вопросу возможного участия турецких войск в наземной операции. Главным тезисом турецкой стороны на этих переговорах была необходимость контролировать центростремительные процессы возможного распада Ирака с целью воспрепятствовать созданию независимого курдского государства.

В результате наложения парламентом вето на участие Турции в операции против Ирака турок стали постепенно отстранять от участия в переделе ближневосточной карты, что в свою очередь вызвало резкое недовольство Анкары. Такая реакция была понятна еще и на фоне идеологической пропаганды, которая велась в СМИ иракского Курдистана и была направлена на закрепление в общественном сознании идеи курдского суверенитета. Очень часто в курдских СМИ стало акцентироваться отсутствие политических прав и свобод курдского населения в Турции ввиду

существующих там многочисленных ограничений. Более активно стало вестись радио- и телевидение на турецкую часть курдского ареала. Это не могло не раздражать турецкие власти, как и заявления из Эрбиля о том, что курды примут все меры против турецкой оккупационной армии, если она пересечет границу Ирака, даже в составе коалиции союзников.

Фактор военного присутствия турецких войск на юго-востоке страны, готовых в любой момент перейти границу Ирака, становился не только инструментом политического давления на курдскую автономию и США, но и своеобразным козырем при принятии политических решений. Начиная с 2003 года заявления «о неминуемом вводе турецких войск в Ирак» шли параллельно с переговорами с США и МВФ о предоставлении Турции выгодного кредитного транша. При этом официальные лица страны всячески отрицали связь предоставления Турции заемных средств с ее намерением ввести «мирный контингент» в Ирак для помощи американцам. Когда же надежды на участие турок в иракской кампании в составе коалиции не оправдались, Турция стала активно разрабатывать сценарий собственного вторжения на север Ирака, а турецкий генералитет заявлял при этом, что у Турции имеются для этого все основания. Чем активнее курдские элиты говорили о неминуемости создания курдского государства, тем негативнее становилось отношение Соединенных Штатов к перспективе ввода турецких войск. Америка имела все основания опасаться, что ввод турецких войск станет причиной эскалации напряженности в неуправляемом Ираке. Связано это также и с сотрудничеством Ирана и Турции в подавлении курдских националистических группировок, а также с тем, что Иран и Сирия, традиционно включаемые Штатами в «ось зла», дали понять, что не будут препятствовать вводу турецких войск в Северный Ирак, если это все-таки случится. Возможно, поэтому в политическом истеблишменте Турции живой отклик вызвало предложение посла Ирана в Турции Фируза Даулатбади в мае 2006 года о координации действий по вопросу о курдской государственности трех сопредельных стран: Ирана, Турции и Сирии, которым государственность курдов крайне невыгодна. Основная цель такого сотрудничества – это противодействовать политике США по «перекройке» карты Ближнего Востока⁴.

За последние пять лет в Турции проходил достаточно болезненный процесс формирования гражданского общества, совмещенный с попытками привести реалии внутренней политики в со-

ответствие с общеевропейскими нормами. Связывалось это, помимо прочего, и с ограничением роли и влияния военных на политику страны. Фактическое отстранение Турции от иракского урегулирования во многом болезненно сказалось на авторитете военных, и, несмотря на отмену в конституции Турции статьи об исключительной роли армии в стране, военные всеми силами пытаются доказать, что бразды правления все еще находятся в их руках. Это наглядно показал политический кризис весны-лета 2007 года, когда общество разделилось перед возможностью избрания представителя партии «умеренных исламистов» Абдуллы Гюля новым президентом страны. Несмотря на резко негативную позицию военных, междлис все же утвердил кандидатуру бывшего главы МИДа на высшем должностном посту страны. Роль армии сильно пошатнулась, а октябрьский кризис 2007 года в отношениях между Турцией и США здесь пришелся как нельзя кстати. Генштабу Турции требовались политические рычаги, которые помогли бы ему удерживать контроль над внутривнутриполитической ситуацией после того, как ключевые должности в стране заняли умеренные исламисты. В такой обстановке повстанцы из PKK – это скорее союзники, чем противники турецких военных, которые склонны рассматривать факт присутствия апочистов на территории Северного Ирака достаточным поводом для ввода туда войск.

Американская администрация на протяжении всего 2007 года старалась всеми силами нивелировать эти противоречия и настойчиво уговаривала главу автономии Мосуда Барзани отказаться от планов форсированного проведения референдума в Киркуке, чтобы предотвратить возможную негативную реакцию Турции. Тогда США надеялись, что сменится тон турецких политических элит, которые постепенно выходят из-под опекунского влияния военного генералитета.

В конце лета 2007 года иракский парламент, не без давления США, принял решение о переносе даты проведения референдума в Киркуке до мая 2008 года. И хотя, как было пояснено курдскими парламентариями, решение об откладывании референдума было принято по чисто техническим причинам, верховная избирательная комиссия исключила возможность проведения референдума по Киркуку и перспективу каких-либо выборов в стране до мая 2008 г. Настаивали на этом в первую очередь США, обеспокоенные возможностью распространения беспорядков на севере Ирака и военного вмешательства Турции.

Курдский вопрос, таким образом, стал главным камнем преткновения в отношениях между Америкой и Турцией и уже привел к затяжному кризису в отношениях между двумя странами, о чем свидетельствуют многочисленные антиамериканские митинги в стране, что, собственно, и неудивительно. Недавно проведенный опрос телекомпании Би-Би-Си среди респондентов из разных стран показал, что Турция вышла на первое место в мире (82%) по степени недоверия к администрации Буша. Очевидным для многих в Турции является и то, что американцы стараются потеснить позиции Турции как транспортера нефти, используя возможный независимый Курдистан в качестве своеобразного буфера на пути распространения геополитического влияния Анкары на Ближний и Средний Восток, а также в Закавказье.

Важнейшей причиной для опасений США является безусловный военный конфликт Турции с иракскими курдами, который возникнет в случае ввода Анкарой войск в Ирак, что будет означать еще большую дестабилизацию региона. Сложная геополитическая обстановка побуждает Турцию действовать сейчас крайне осторожно, стараясь не испортить до конца отношения с иракскими курдами, все еще надеясь на их поддержку в борьбе с партизанами из PKK. После встречи Эрдогана с президентом Бушем в ноябре 2007 года Анкара по сути получила картбланш на проведение точечных операций на территории северного Ирака и для этих целей будет осуществлен обмен разведанными между Америкой и Анкарой.

Что же касается самой Рабочей партии Курдистана, то основной костяк группировки располагается в Кандильских горах, на севере Ирака (численность боевиков здесь составляет, по разным подсчетам, от 3 500 до 5 000 человек). Американские источники, подчеркивая террористический характер Рабочей партии Курдистана в переговорах с турками, всячески стараются акцентировать тот аспект, что активность апочистов за последние годы заметно уменьшилась. При этом Турции предлагается любая помощь для вывода этих войск с территории Ирака для продолжения борьбы с повстанцами уже на своей территории.

Роль Рабочей партии Курдистана в противоречиях между США и Турцией остается весьма заметной, если не решающей. Для турок – это главный козырь своего присутствия в Ираке, поэтому «зверства» апочистов так активно позиционируются в турецких масс-медиа. В середине 2005 года в Турции произошла серия крупных терактов, ответственность за которые взяла на

себя ранее неизвестная организация – так называемые «Ястребы освобождения Курдистана», распространяющие свою политическую агитацию через Интернет. В турецких, а затем во многих западных СМИ эта группа была названа военизированным крылом PKK, между тем представители самих апочистов неоднократно заявляли, что эта организация не имеет к ним никакого отношения. Однако скорее всего это свидетельствует о сильной дезинтеграции внутри партии и отсутствии единого центра управления.

Роль Рабочей партии Курдистана в отношениях Турции и США достаточно неоднозначна. Турция недовольна непоследовательностью США в отношении курдских повстанцев. Больше всего Турцию раздражает примиренческая позиция, с которой американцы подходят к решению проблемы терроризма на территории Турции. Анкара склонна считать, что США хотят сохранить потенциал PKK для возможного использования в зависимости от ситуации в регионе. С другой стороны, апеллируя к нежеланию США заниматься проблемами Турции, связанными с террором, Турция рассматривает деятельность этой организации как достаточный повод для того, чтобы вмешаться в иракские дела и восстановить свою роль в иракском урегулировании. В июле 2007 года прошли совместные консультации турецких и американских военных для планирования и осуществления спецоперации с участием американских и турецких командос по уничтожению руководителей и полевых командиров PKK. Такая операция, по мнению военных, могла предотвратить полномасштабный ввод турецких войск в Ирак. Однако сведения о подготавливаемой операции просочились в печать, и ее пришлось отменить. Ранее в турецкой печати появилась информация о том, что американцы используют каналы PKK для финансовой и военной поддержки повстанцев из так называемой Партии свободной жизни Курдистана и других антииранских курдских группировок. Однако на это последовала реакция посольства США в Анкаре, и в официальном обращении было сказано: «США считают PKK террористической организацией и не осуществляют ее финансовую и военную поддержку. Также США не ведут переговоры с PKK по поводу Ирана и не осуществляют с ней иных контактов. Более того, мы противодействуем ее планам с целью изоляции организации и ее лидеров и предотвращения ее деятельности как в Северном Ираке, так и в Европе»⁵.

В ответ на свою лояльность присутствию турецких военных в Ираке США предложили туркам ускорить процесс реформирования межэтнических отношений в самой Турции, особо указывая

на обеспечение политических прав курдов в стране. Показательно, что основной причиной существования курдского терроризма США считают экономическую диспропорцию в развитии юго-востока Турции, и поэтому продолжают настаивать, что это является внутренним делом страны.

В свою очередь Турция активно настаивала на том, что оккупационные войска должны принимать непосредственное участие и в подавлении вылазок террористов из PKK, однако американские власти не спешили идти навстречу турецким пожеланиям, видимо, не желая ссориться с курдскими элитами Ирака, выступающими за превращение PKK из террористической организации в политическую. Предлагаемая турками стратегия не могла устраивать американцев еще и по той причине, что Курдский автономный район (КАР) – самая стабильная часть Ирака. Для американцев КАР является важным политическим плацдармом в проекте будущего политического устройства Ирака, и, с точки зрения США, проведение военных операций на этой территории и дестабилизация внутривнутриполитической ситуации крайне невыгодна. Жесткая позиция иракских курдов и, в конце концов, посредничество американцев, привели к тому, что Турция не решилась вводить войска в Ирак. Однако начиная с 2004 года, Анкара стала активнее прибегать к давлению на автономию, запугивая ее возможным вторжением в Ирак. По сообщению «Wall Street Journal», в феврале 2004 года турецкие войска находились уже в четырех различных точках внутри Ирака, при этом значительная их часть была сосредоточена в районе аэропорта города Бармани в 25 км к югу от турецкой границы. При этом указывалось, что скорее всего их целью является не столько борьба с апочистами, сколько желание взять под свой контроль нефтеносный район Киркука⁶.

Турецкие власти всячески дают понять, что готовы пойти на самые крайние меры и начать военную операцию, к которой их вынуждают не только продолжающиеся вылазки апочистов, но и желание доказать США, что интересы Турции в регионе все-таки придется принимать во внимание. При этом проблема видится гораздо шире: создание богатого нефтью независимого Курдистана, уже ведущего успешную лоббистскую кампанию в США, полностью противоречит стратегическим интересам Турции. По мнению большинства политической элиты Турции, независимый Курдистан превратится в «центр притяжения» для курдов Турции, став, таким образом, главным источником политической нестабильности на востоке страны. О том, насколько такие опасения

Турции небеспочвенны, можно судить, например, по тому, насколько сильны сейчас националистические настроения курдов на востоке Турции. Помимо военной операции, Анкара заявляет о своих планах запретить гражданские авиаперевозки и закрыть границу, что неминуемо ударит по экономике автономной провинции Курдистан, для которого, кстати, турки сейчас – главные экономические партнеры.

Однако в июне 2004 года апочисты неожиданно объявили о прекращении объявленного 5 лет назад перемирия и наступлении «жаркого лета», во время которого предупреждали о возможных атаках на туристические объекты страны. Такая позиция PKK была достаточно неожиданной, ибо как раз в этот период происходили важные реформы по признанию курдской идентичности в Турции. Более того, активизация апочистов давала Анкаре право требования ввода войск с целью ликвидации баз повстанцев. Начиная с лета 2004 года стычки апочистов и военных на юго-востоке страны возобновились с новой силой. Произошло это в тот период, когда Турция уже, казалось бы, потеряла всякую надежду на вмешательство в процесс перекройки карты Ближнего Востока, а открытая поддержка Штатами процесса суверенизации курдов и, как следствие, их возможные контакты с PKK означали для турок постепенную утрату стратегических и геополитических позиций в регионе. Очевидно, что такое решение о прекращении перемирия было соотносимо с планами Турции насчет Северного Ирака. И в любом случае, активизация PKK на востоке страны стала лишним козырем давления на США и оправдания для военного генералитета страны возможного ввода турецких войск в Ирак.

30 мая 2007 года военное командование Турции приняло решение сконцентрировать на южной границе страны крупный воинский контингент и большое количество тяжелой техники. С марта 2007 года турецкие войска уже вели военную операцию в приграничных районах Ирака, которая рассматривалась многими аналитиками, как желание Турции показать, что широкомасштабная военная операция против курдских повстанцев на территории Ирака не за горами. В дополнение к этому в приграничную с Ираком область было направлено несколько воинских подразделений, танки и бронетранспортеры. В качестве подтверждения своих прав вмешиваться в события в Ираке Турция указывала на активизацию вооруженных формирований PKK, притеснение туркоманов, подготовку к референдуму о независимости Курдского автономного района (КАР).

Противоречия Турции и США по вопросу о будущем КАР носят трудноразрешимый характер. Связано это с желанием Турции всеми силами укрепить свое влияние в Северном Ираке, благодаря чему можно будет участвовать в контроле распределения курдистанской нефти, которая очень важна для экономики страны ввиду отсутствия углеводородных ресурсов на территории Турции. Позиция Анкары сосредоточена на том, чтобы предотвратить появление на ближневосточной карте независимого политического игрока в лице Курдистана, который поставит страну в зависимость от энергетических ресурсов и, как следствие, будет иметь важный козырь давления на Турцию в случае эскалации националистических настроений среди турецких курдов.

Как бы негативно ни относилась Турция к перспективе создания курдского государства, есть в Турции и те, кто считают, что отношения с независимым Курдистаном, если таковой возникнет, необходимо выстраивать не с позиции силы, а с точки зрения налаживания добрососедских отношений. Наиболее «стратегически умные» люди в Турции понимают, что Турция и независимый Курдистан имеют много общего. Обе страны – секулярные, прозападные, в целом демократические и не арабские. Курдистан не только будет зависеть от Турции, но и станет полезным буфером между Турцией и ирано-зависимым исламским (шиитским) Ираком. В связи с этим турецкие и иранские политические эксперты левого и либерального направления неоднократно подчеркивали, что пришло время обсуждать не параметры курдской угрозы и способы ее устранения, а пути сотрудничества с различными политическими партиями курдов, выяснить наиболее благоприятные позиции в отношениях с государством, которое, так или иначе, будет создано в Северном Ираке. Не стоит сбрасывать со счетов и сильные экономические связи КАР и Турции и, самое главное, тот факт, что именно Турция может обеспечить курдам выход к морю, что является немаловажным аспектом двусторонних экономических отношений.

Нынешняя же жесткая позиция турецких политиков по поводу независимого Курдистана – это еще и результат кризиса в отношениях с Западом. Перспектива вступления в ЕС становится все туманнее, а отношения между Вашингтоном и Анкарой остаются весьма напряженными. В этой связи очень важное значение приобретает сотрудничество Турции со своими соседями в деле корреляции курдской проблемы с взаимными геополитическими интересами в регионе. Сближение позиций Турции и Ирана – это

еще один лишний повод для беспокойства в Вашингтоне. Окончание холодной войны заставило Турцию переосмыслить свое геополитическое положение. Новая Турция стремится стать в Евразии крупнейшим игроком, у которого налажены отношения с мусульманским миром, усиливаются связи с Россией и Китаем, есть история отношений с Западом – и это уже не зависит от США. Турция нужна всем – это и партнер в борьбе с терроризмом, и важная страна в региональном комплексе безопасности, в том числе, как посредник в отношениях с Ираном, один из важных участков нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Поэтому по мере усиления влияния Турции в регионе предсказывать ее поведение становится все сложнее.

Очевидным является и то, что полномасштабное турецкое вторжение в Ирак, если бы оно состоялось, было бы чревато большими потрясениями. Местные курды фактически создали свое государство с собственной армией и воодушевлены идеей независимости. Правда, их лидеры прекрасно понимают, что объявлять независимость было бы пока большой ошибкой. Даже несмотря на международное признание, соседние Турция, Иран и Сирия приложат максимум усилий, чтобы вызвать дестабилизацию в Курдистане и задушить идею независимости, поскольку на их территории проживают миллионы курдов, готовых объединить свои земли с «исторической родиной». Поэтому руководство Иракского Курдистана заявляет, с оглядкой на американцев, что безопаснее и выгоднее быть в составе федеративного Ирака, а разделенный Ирак начнет дестабилизировать своих соседей (в Турции считают, что это очень выгодно для США). Но и сами американцы, в свою очередь, опасаются иранского доминирования в Ираке. Теперь, когда на юге страны это фактически произошло, многие американцы надеются на то, что раздел Ирака обеспечит сравнительно быстрый уход США из этой страны. Если целью США перестанет быть сохранение единства Ирака или насаждение в нем демократии западного образца, то не останется никакой нужды в сохранении войск США на шиитском юге или в Багдаде.

Американская администрация как бы инстинктивно придерживается своих обязательств по сохранению нерушимых границ Ирака. Однако не всякий раздел территории является бедствием. Среди политических элит США сейчас все более превалирует мнение, что попытка удержать Ирак от распада, сохранить то государство, которое за его 80-летнюю историю принесло бесконечные страдания большинству населения, была бы неразумной.

Стоит еще раз напомнить, что курды были одной из сил, поддерживавших вторжение американцев в Ирак. Эта поддержка была связана с надеждами на то, что западная держава поможет им реализовать свою давнюю мечту о создании собственного независимого государства. Однако после свержения диктатора, несмотря на надежды иракских курдов, независимый Курдистан на территории Ирака создавать никто не спешил, что неудивительно: после завершения военных действий на первое место вышел вопрос стабилизации обстановки в стране, чему передел границ, очевидно, не способствовал бы.

И, наконец, как уже говорилось, в мае-июне 2007 года в Турции началась крупнейшая за последние годы операция на востоке страны против курдских мятежников, которая по всем признакам должна была бы перерасти в военную спецоперацию против апочистов на территории Ирака. К сожалению, факты и настроения в современной Турции свидетельствуют о том, что цивилизованное выстраивание отношений между курдской автономией Ирака и Турцией становится все более проблематичным. Взгляды всех сторон, вовлеченных в конфликт, требуют существенной модернизации. Связано это в первую очередь с определением политического статуса КАР. Несмотря ни на что, остается надежда на смягчение позиции Турции по курдской проблеме по мере формирования в стране подлинного гражданского общества, независимого от мнения военных, а также продолжения мирных контактов с курдской автономией в Ираке с целью выработки взаимоприемлемых позиций в случае любого развития ближневосточного сценария.

¹ А. Özgürel. Türklük ve Kürtlük meselesi. www.radikal.com.tr

² Hürriyet, 12.09.2003.

³ Radikal, 11.04.2004.

⁴ Radikal, 22.06.2006.

⁵ Hürriyet, 18.01.2005.

⁶ Wall Street Journal, 14.03.2005.

А.Г.Гаджиев

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ТУРЦИИ 2007 г.:
ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ
ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕС**

Краткий исторический очерк

Во время избирательной кампании в Турции известную роль сыграло отношение различных политических партий к проблеме вступления этой страны в Европейский Союз.

Эта проблема назревала в Турции многие годы. В основном, несмотря на многочисленность политических партий и обширность их порой абсолютно несовместимых взглядов, общая тенденция политических предпочтений направлена в сторону вступления в ЕС. Однако не следует забывать о партиях, выступающих против подобной интеграции¹.

В турецкой политической жизни никогда не угасала вероятность того, что Турция выберет восточное направление, но в итоге она всегда поворачивалась лицом к Западу. После Эпохи просвещения турецкие власти были склонны считать, что Запад своей географией, своими политическими режимами, возможностями и цивилизацией был лучше Востока². Тем не менее в Турции имеется заметное течение в пользу поворота на Восток, и существуют даже, по мнению идеологов и сторонников этого течения, тщательно разработанные различные альтернативы, предполагающие поэтапное вхождение в восточную цивилизацию. Стимуляторами подобных шагов в основном выступают следующие идеи: «Исламский мир», «Тюркский мир» (пантюркизм, туранизм), «Евразийство». Однако, по мнению большинства турецких ученых, ни Турция с ее сегодняшним состоянием не способна угодить этим политическим течениям, ни эти идеологии не смогут удовлетворить Турцию в ее стремлении модернизировать свою экономику, право, политические

институты. То есть Турция и Восток не смогут взаимно дополнить друг друга³.

Совсем по-другому дело обстоит с Евросоюзом. По мнению большинства турецких ученых, на фоне европеизации и модернизации все вышеперечисленные идеологии, пусть даже с их радикальными лозунгами, пойдут только на пользу турецкому обществу и важны не как альтернативы Европейскому союзу, а как дополняющие факторы, что, в принципе, и следует ожидать в рамках демократического общества⁴. Турция желает быть среди уважаемых и цивилизованных народов и считает, что такую возможность ей предоставит полноправное членство в ЕС, так как все, что необходимо Турции, по мнению турецких ученых, есть в европейских странах, в том числе технологии и капитал для инвестиций⁵.

После Второй мировой войны Турция стала частью Западного мира. Заняв место в Западной системе коллективной безопасности, Турция внесла значительный вклад в ее организацию, тем самым обеспечив и свою национальную безопасность. Экономика Турции также интегрирована в европейскую. Политическим партнером Турции является Запад⁶.

В 60-х, 70-х и 80-х гг. Турция рассматривала свое вступление в ЕС с идеологической точки зрения. Однако после 90-х гг. стремление Турции интегрироваться с Евросоюзом стало объясняться рациональным подходом⁷.

Демократическая партия (Demokrat Parti, DP), подавшая в 1959 г. официальную заявку на членство в Европейское экономическое сообщество, и продолжившая ее традиции Партия справедливости (Adalet Partisi, AP) были сторонниками ЕС⁸. Сегодня, представляя интересы своих предшественников (DP и AP), Партия верного пути (Doğru Yol Partisi, DYP) поддерживает развитие переговорного процесса.

Подписав Анкарский договор, Республиканская народная партия во главе с Исметом Иненом поддержала вступление в ЕС. Однако в 1970-х гг. РНП скептически относилась к Евросоюзу, тем не менее в 2000-х гг. стала сторонницей интеграции.

Партии, расположенные слева от РНП, особенно такие, как Рабочая партия Турции (РПТ), легальные и нелегальные коммунистические организации, выступали категорически против ЕС и были сторонниками коммунистического блока.

Что касается Партии националистического движения, то следует сказать, что она все еще не определилась со своей позицией по отношению к ЕС. Несмотря на официальные заявления руководства партии о том, что она не против вступить в состав ЕС, большинство ее избирателей не доверяет Евросоюзу⁹.

Созданная в 1983 г. и пришедшая к власти Партия Родина (Anavatan Partisi) во главе с Тургутом Озалом, являясь, в сущности, умеренно-консервативной партией, высказалась за вступление в Евросоюз¹⁰.

Происламистские течения в 1970-х гг. по проблемам внешней политики занимали позицию, несовместимую с требованиями Европейских сообществ. Созданные под руководством Неджметтина Эрбакана Партия национального порядка (Milli Nizam Partisi), Партия национального благополучия (Milli Selamet Partisi) и Партия благосостояния (Refah Partisi), соблюдая заложенные в их программы принципы, были всегда против вступления в ЕС. Эрбакан считал, что место Турции не в христианском, а в мусульманском мире, что вместо Европейского экономического сообщества нужно было создавать Исламский общий рынок, где Турции с ее ресурсами было бы отведено особо значимое место. Эрбакан представляет Евросоюз следующим образом: «Европейский союз – это трехэтажное здание, где на самом верхнем этаже проживают евреи, под ними – американцы, затем европейцы, а нас (турок) хотят засунуть в подвал¹¹».

В 2000-х гг., несмотря на позицию по отношению к ЕС своих предшественников, выходцы из созданных происламистскими партиями молодежных объединений, таких как Ассоциация национальной молодежи (Milli Gençlik Vakfı, MGJV) и Национальный союз турецких учащихся (Milli Türk Talebe Birliği, MTTB), выступили за сближение с Евросоюзом. По сути, являясь сторонниками Национального взгляда (Milli Görüş), который лежит в основе и MGJV, и MTTB, лидер Партии справедливости и развития, вновь избранный премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, а также бывший вице-премьер и министр иностранных дел, занимающий ныне пост президента страны Абдуллах Гюль, радикально изменив свое отношение к ЕС, продолжают вести активную политику по интеграции в это европейское объединение.

Позиции ведущих (по итогам парламентских выборов 2007 г.) политических партий по проблеме вступления Турции в ЕС

В политической программе Партии справедливости и развития премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган отмечал, что отношения Турции с ЕС следовало бы рассматривать не только через призму двусторонних связей, но и в рамках стратегического взгляда на перспективы глобального и регионального миропорядка. Он уверял, что, по мнению Партии справедливости и развития, переговорный процесс с Евросоюзом – это не только интеграция, но и процесс перестройки, повышающий политические, экономические, социальные и правовые стандарты Турции. Подчеркнув, что в 2007 г. ПСР приняла решение ускорить реализацию всех начатых реформ по многим направлениям, несмотря на то, будут ли переговоры официально открыты или нет, Эрдоган заявлял:

«Наш подход не похож на другие, которые предлагаются отдельными кругами. Мы очень хорошо осведомлены по данному предмету.

Экспорт Турции в страны ЕС временами достигает 60–70%. Такая вот сеть отношений, но помимо этого около 5 миллионов наших граждан проживают в странах ЕС. Фактически мы уже стали членом Евросоюза.

Необходимо, чтобы на такой подход Турции страны Евросоюза ответили такой же искренностью. И мы ждем от них именно этого.

Вступление Турции в состав ЕС придаст силы Евросоюзу и избавит его от одиночества. Я говорю это потому, что если Европейский Союз намерен стать союзом цивилизаций, то Турции необходимо быть в этом союзе.

Почему необходимо? Потому что в противном случае ЕС так и останется Христианским союзом. А принятием Турции в свой состав Евросоюз тем самым отправит положительный сигнал всему 1,5-миллиардному Исламскому миру. Турция станет мостом.

Мы заявляем, что те, кто против этого, хотят столкновения цивилизаций. Но мы не хотим этого, это не должно произойти. Мы говорим, что цена такого итога не должна быть большой для человечества. Давайте создадим союз цивилизаций».

Касаясь Кипрской проблемы – одного из важнейших на сегодняшний день препятствий на пути к полноправному членству, Эрдоган в своей программе выступил с поддержкой Турецкой Республики Северного Кипра, убеждая, что Кипрский вопрос не должен рассматриваться в качестве одного из предварительных условий в отношениях Турции с Евросоюзом. «Кипр – это вопрос, который относится к повестке дня ООН. Мы сохраним нашу стратегию по защите наших национальных интересов в Восточном средиземноморье и прав Турецкой Республики Северного Кипра», – отметил вновь избранный премьер¹².

Республиканская народная партия в своей политической программе выступила с критикой в адрес правительства. Отметив, что Евросоюз связал переговорный процесс с Турцией с проблемой на Кипре, РНП заявила, что «уступчивая (tavizci)» и «проигрышная (teslimiyetçi)» политика правительства в кипрском вопросе потерпела неудачу и оказалась безрезультатной¹³.

Сторонники Партии националистического движения во время предвыборной кампании выражали твердую уверенность в том, что решение кипрского вопроса лежит в создании двух отдельных государств. При этом в рамках экономического сотрудничества и торговли между Турцией и Турецкой Республикой Северного Кипра должны исчезнуть все препятствия. В программе отмечалась также необходимость подписания двустороннего договора в области обороны¹⁴.

Партия демократического общества по кипрской проблеме выступила как сторонница военного сотрудничества¹⁵.

В итоге о взглядах политических партий, представленных сегодня в Великом Национальном Собрании Турции (ВНСТ), на сотрудничество с Евросоюзом можно сказать следующее:

ПСР, несмотря на проблемы, связанные с Кипром, упорно, активно и с успехом продолжает проводить технические работы по всем направлениям. ПСР считает, что процесс вступления Турции в ЕС – это восстановительный процесс, повышающий турецкие стандарты¹⁶.

РНП выступает категорически против особенного статуса Турции в Европейском союзе. Цель этой партии: полноправное членство, основанное на равных условиях и на уважении таких принципов, как «национальное государство», «унитарное государство», «светское государство». РНП в своей программе обещала, что обязательно позаботится о сохранении «народной цели» стать полноправным членом Евросоюза на равных

условиях. При этом заверяла, что никакие политические навязывания или предложения, предполагающие особый статус Турции в рамках ЕС, рассматриваться с их стороны не будут.

Лозунгом Партии националистического движения в предвыборной кампании стал: «Европейский союз – не предначертание судьбы». Сторонники этой партии убеждены в том, что отношения с Евросоюзом – это не проблема идентичности и судьбы Турции. ЕС должен раскрыть свою позицию по отношению к требованиям Турции, связанным с национальным единством, терроризмом, сепаратизмом, Кипром, Грецией и Арменией. Изучая политическую программу ПНД, нельзя не коснуться ее проекта по сближению Турции с тюркским миром. Однако, как утверждают аналитики, тюркские государства никак не могут быть альтернативой такому великому проекту, как Евросоюз. Тем не менее некоторые турецкие ученые уверены в том, что переговоры с ЕС могли бы приостановиться или зайти в тупик, если бы на выборах победу одержала Партия националистического движения. Но большинство политологов считает, что ПНД просто не осмелилась бы взять на себя такую историческую ответственность. Так что если даже сторонники этой партии и одержали бы победу на парламентских выборах, то и в этом случае ожидать отступления от основного направления во внешней политике по рассматриваемой проблеме не пришлось бы¹⁷.

Что касается Партии демократического общества, то она в своей предвыборной кампании выступала с инициативой открыть расширенный Форум по Евросоюзу, в котором приняли бы участие представители партий и общественных организаций. «Рамки и содержание отношений с Евросоюзом мы определили бы вместе с нашим народом на этом самом форуме», – говорилось в политической программе ПДО.

Результаты парламентских выборов 2007 г.

В состоявшихся 22 июля 2007 г. в Турции досрочных парламентских выборах участвовали 14 политических партий, которые представляли 7395 кандидатов, а также 699 независимых претендентов. По данным ЦИК Турции, явка избирателей на выборах составила около 80%¹⁸.

Партия справедливости и развития, набравшая 34,42% голосов в выборах 2002 г., 22 июля 2007 г. повысила это соотно-

шение до 46,6%. Таким образом, получив почти половину голосов турецких избирателей, эта партия вновь стала правящей. Мест, которые ПСР получила в новом парламенте, оказалось достаточным для получения вотума доверия новому правительству (276 голосов), однако не хватило для кворума при голосовании по конституционным поправкам и выборам нового президента¹⁹. Такое распределение в парламенте позволило некоторым турецким политическим обозревателям говорить о возможном возникновении политического кризиса во время президентских выборов.

С тем, чтобы избежать политического кризиса, оппозиция выступила с инициативой избрания главы государства из числа независимых кандидатов, а не членов парламента. При этом ее представители напомнили, что кандидатура действовавшего тогда президента Ахмета Недждета Сезера в свое время также была выдвинута как альтернатива представителям политических партий. Эрдоган был категорически против избрания нового президента «со стороны». И вопреки ожиданиям и прогнозам турецких политологов кандидатом от ПСР был снова выдвинут Абдуллах Гюль, занимавший пост вице-премьера и министра иностранных дел. Несмотря на то, что первый тур не дал результатов, бывшему главе МИД все же удалось стать президентом страны.

Республиканская народная партия (РНП) получила 20,8% голосов и стала, таким образом, второй по количеству мест в парламенте партией. Партия националистического движения (ПНД) с 14% голосов смогла стать третьей партией в Меджлисе. ПНД вошла в Парламент после восьмилетнего перерыва, отмечают турецкие аналитики, связывая успех партии с ростом в последнее время в Турции националистических настроений.

Комментируя итоги выборов, лидер правящей партии Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что Турция выдержала важный экзамен по демократии, что может послужить примером для всего мира. При этом он подчеркнул, что возглавляемая им партия будет защищать светские основы Турции. «Мы не пойдем ни на какие уступки в деле защиты основополагающих ценностей светской и демократической Турции», – заявил Эрдоган. Он также объявил, что власти Турции продолжают активные усилия на пути вступления в Европейский союз в качестве полноправного члена, проведения демократических преобразований и экономического подъема страны.

Литература

[Актель, 2003] – *Актель М.* Küreselleşme ve Türk Kamu Yönetimi. Анкара, 2003.

[Арыкан, 2007] – *Арыкан Х.* Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri: Siyasal, Bölgesel ve Ekonomik Boyutlar. Анкара, 2007.

[Билиджи, 2004] – *Билиджи Н.* Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri. Анкара, 2004.

[2004] – Т.С. Anayasası, Ankara – 2004.

[Карлук, 1998] – *Карлук С.Р.* Avrupa Birliği ve Türkiye. Стамбул, 1998.

[Чайхан, 1997] – *Чайхан Э.* Dünden Bugüne Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri ve Siyasal Partilerin Konuya Bakışı. Стамбул, 1997.

[Чакмак, 2005] *Чакмак Х.* Avrupa Birliği Türkiye İlişkileri. Анкара, 2005.

[Эргюн, 1998] *Эргюн Г.* Türkiye Avrupa'nın Eşiğinde. Стамбул, 1998.

[Mülkiye, 2006] – AKP: Bir Dönemin Bilançosu, Mülkiye Dergisi, № 252. Том. 30. Анкара, 2006.

[TCBDAGM, 2001] – Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri Bibliyografyası, Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü. Анкара, 2001.

[TÜSİAD, 1999] – Avrupa Birliği'ne Tam Üyeliğe Doğru: Siyasal Kistaslar ve Uyum Süreci, TÜSİAD Dergisi, № 276. Стамбул, 1999.

[TÜSİAD, 2001] – Türkiye'de Demokratikleşme Perspektifleri ve AB Kopenhag Siyasal Kriterleri, TÜSİAD Dergisi, № 300. Стамбул, 2001.

¹ Чайхан Э. *Dünden Bugüne Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri ve Siyasal Partilerin Konuya Bakışı*, изд. Boyut. Стамбул, 1997, с.52–56.

² Эргюн Г. *Türkiye Avrupa'nın Eşiğinde*, изд. Cem. Стамбул, 1998, с. 73.

³ Чакмак Х. *Avrupa Birliği – Türkiye İlişkileri*, изд. Platin. Анкара, 2005, с.76–92.

⁴ Türkiye'de Demokratikleşme Perspektifleri ve AB Kopenhag Siyasal Kriterleri, изд. TÜSİAD, № 300. Стамбул, Май, 2001, с. 12.

⁵ Чакмак Х. *Там же*, с. 91.

⁶ *Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri Bibliyografyası*, изд. Т.С. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü. Анкара, 2001, с. 81.

⁷ Актель М. *Küreselleşme ve Türk Kamu Yönetimi*, изд. Асиль. Анкара, 2003, с. 156.

⁸ Билиджи Н. *Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri*, изд. Сечкин. Анкара, 2004, с. 417.

⁹ Чакмак Х. *Там же*, с. 91.

¹⁰ Avrupa Birliği'ne Tam Üyeliğe Doğru: Siyasi Kısıtlar ve Uyum Süreci, изд. TÜSİAD, № 276, Стамбул, Декабрь 1999, с. 17.

¹¹ Чакмак Х. *Там же*, с. 91.

¹² <http://turkiye2023.wordpress.com/2007/06/24/ak-parti-secim-beyannamesini-acikladi-hedefimiz-2023/>

¹³ <http://www.abgs.gov.tr/index.php?p=27733&l=1>

¹⁴ <http://www.milliyet.com.tr/2007/07/02/siyaset/axsiy03.html>

¹⁵ <http://www.milliyet.com.tr/2007/07/02/siyaset/axsiy03.html>

¹⁶ *Mülkiye (AKP: Bir Dönemin Bilançosu)*, Осень 2006, № 252, Том. 30, изд. Mülkiyeliler Birliği Genel Merkezi Yayın Organı. Анкара, 2006.

¹⁷ Арыкан Х., Кар М. *Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri: Siyasal, Bölgesel ve Ekonomik Boyutlar*, изд. Сечкин. Анкара, 2007, с. 42.

¹⁸ <http://www.ysk.gov.tr>

¹⁹ Т.С. Anayasası, изд. Seçkin. Ankara, 2004, ст.102, с. 98.

Н.Э.Рагимов

ПРОЕКТ NABUCCO И РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Проект газопровода Nabucco первоначально предполагал поставку газа с месторождений Ирана в Персидском заливе. В 2006 году было принято решение в связи с конфликтом вокруг иранской ядерной программы изменить проект таким образом, чтобы иметь возможность поставлять газ из Туркмении, Узбекистана и Азербайджана. Претворение проекта в жизнь стало особенно актуальным после событий 2005 года, когда Россия на некоторое время прекратила подачу газа в Европу через Украину из-за несвоевременной оплаты поставок последней. Это происшествие вызвало панику среди европейских стран-потребителей российского газа, которым на тот момент наша страна обеспечивала 25% потребляемого газа. В октябре 2002 года после продолжительных переговоров по проекту «Набукко» было подписано многостороннее соглашение о сотрудничестве между организациями пяти стран, отвечающими за поставки газа: OMV Gas GmbH (Австрия), Botas (Турция), Bulgargaz (Болгария), S.N.T.G.N. Transgaz S.A. (Румыния), MOL Natural Gas Transmission Company Ltd. (Венгрия). Изучение технических и экономических аспектов проекта было завершено уже к концу 2004 года. Результаты этих исследований ясно указали, что проект осуществим, после чего, наконец, партнеры решили перейти к активной стадии сотрудничества. Проект «Набукко», оцениваемый в 6,14 миллиарда долларов США, предусматривает прокладку к 2011 году газопровода в Австрию из района Каспийского моря через турецкую территорию. Строительством и эксплуатацией трубы будет заниматься международный консорциум во главе с австрийской нефтегазовой компанией OMV. Максимальная пропускная способность «Набукко» оценивается в 31 млрд. кубометров газа. Совместная деятельность газовых компаний пяти стран, задействованных в этом проекте, определена Брюсселем как «приоритетная».

«Набукко» – один из самых важных энергетических проектов Европы, и он позволит ЕС диверсифицировать маршруты транспортировки газа из стран-поставщиков», – заявил во время подписания этого соглашения в Вене летом 2007 года М. Бартенштейн – президент европейского Совета по энергетике.

26 июня 2007 года министры энергетики Турции, Румынии, Болгарии, Венгрии и Австрии подписали под патронажем комиссара Евросоюза по энергетике А. Пибалгса соглашение о «построении в самом ближайшем будущем трубопровода, который продолжит газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум (БТЭ) вплоть до Баумгартена в Австрии – самого крупного газового узла в Европе.

Считается, что изначально главной целью данного проекта является пуск газопровода в обход России, но как отметил первый заместитель министра иностранных дел РФ А. Денисов, проект «Набукко», предусматривающий строительство трубопровода из Турции в Австрию, не сможет помешать экспортным газовым поставкам из России. Так, в ходе визита премьер-министра РФ В. Зубкова в декабре 2007 года в Будапешт были проведены переговоры с венгерским коллегой Зубкова Ф. Дюрчанем, в результате которых Москва фактически заручилась у венгерских партнеров поддержкой проекта строительства газопровода «Южный поток». Прибывший в Будапешт в составе российской правительственной делегации заместитель главы Минпромэнерго России И. Матеров уверен, что российский газопровод в конечном счете не оставит шансов проекту «Набукко». По словам Матерова, «после ввода в эксплуатацию «Южного потока» судьба «Набукко» станет проблематичной». Работа над технико-экономическим обоснованием газопровода «Южный поток», отметил зам. министра, начнется в 2008 году.¹

Тем не менее, несмотря на мнение ряда российских и зарубежных экспертов о том, что проект «Набукко» станет проигрышным и «Южный поток» является более выгодным для европейских стран, преждевременно говорить о полной его нерентабельности в будущем. «Набукко» – проект, лоббируемый США. На это явно указывают частые визиты высокопоставленных американских чиновников в государства прикаспийского региона. Так, например, 13 января 2008 года в Баку с двухдневным визитом прибыл американский сенатор Р. Лугар. Азербайджанская столица стала очередным этапом в его не-

дельной командировке в Прикаспийский регион. Сенатор начал поездку с Астаны, продолжил в Ашхабаде и Баку, завершив ее в Киеве. По мнению экспертов, в ходе встреч американского политика с руководством посещаемых стран обсуждалась возможность поставки каспийских углеводородов на Запад в обход России. И в Астане, и в Ашхабаде, и в Баку член комитета Сената США по международным отношениям Р. Лугар подробно говорил о маршрутах поставок каспийских углеводородов на мировые рынки. «В интересах США создание в Каспийском регионе многосторонней и эффективной системы доставки нефти и газа в Европу и на другие рынки для снижения зависимости стран Европы, а также Центральной Азии от российской энергетической монополии», – подчеркивал Лугар на встречах с министром иностранных дел Казахстана М. Тажиным, президентами Туркмении Г. Бердымухамедовым и Азербайджана – И. Алиевым. Таким образом, Соединенные Штаты продолжают лоббировать реализацию проекта Nabucco, предусматривающего энергообеспечение Старого Света. Астана, Ашхабад и Баку заверили сенатора Лугара, что готовы участвовать в американских энергетических проектах.²

На семинаре Rose-Roth Парламентской ассамблеи НАТО, начавшемся в Баку 6 марта 2008 г., обеспечение безопасной поставки углеводородов Каспийского региона на мировые рынки стало одной из основных тем. В работе семинара приняли участие делегации из 25 стран мира. Причем из 101 участника около 60 – депутаты парламентов различных стран. Сегодня Запад и США, говоря об энергетической безопасности Европы, имеют серьезные виды на Азербайджан, который не только является поставщиком нефти, но в ближайшее время станет поставлять и газ на мировые рынки. Стремясь диверсифицировать маршруты доставки энергоресурсов, европейцы и американцы разрабатывают различные проекты, которые предусматривают экспорт казахстанских и туркменских углеводородов. Работа в этом направлении активизировалась после того, как Москва запустила новый проект «Южный поток». Челночные поездки в регион совершил координатор по энергетическим вопросам Европы и Евразии Госдепартамента США С. Манн. Как отметили местные периодические издания, основной целью визита американского дипломата в Туркмению и Турцию было обсуждение вопросов, связанных с реализацией проекта газопровода «Nabucco». Сразу после визита амери-

канского дипломата стало известно, что американская компания Kellog Brown & Root (KBR) оказалась победителем тендера Государственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР) на подготовку технико-экономического обоснования (ТЭО) строительства транскаспийских нефте- и газопроводов. Причем эта фирма уже создала альянс с компанией Granherne (дочерняя компания KBR). В качестве субподрядчиков выступят институт «Нефтегазпроект» ГНКАР, компания McDermott, а также предприятия Azekoservis и KazEcoProject. Подготовка ТЭО осуществляется за счет гранта Американского агентства торговли и развития (USAID) в размере 1,7 млн. долл., который выделен ГНКАР в конце прошлого года. Согласно условиям тендера, Kellog Brown & Root разработает предварительное проектирование трубопроводов, включая коммерческий, технический и юридический аспекты. Кроме того, должны быть определены ресурсная база проекта и тарифы для доставки нефти и газа на мировые рынки. Предполагается сотрудничество с соответствующими структурами основных транзитных стран, каковыми являются Казахстан, Грузия, Турция, а также с потенциальными покупателями газа в Европе. Строительство газопровода «Nabucco» для транспортировки газа из Каспийского региона в Европу начнется в 2010 году. Об этом сообщил генеральный директор проекта Р. Митчек. По его словам, дата ввода трубопровода в эксплуатацию согласована с проектом «Шах-Дениз» по разработке одноименного газоконденсатного месторождения в азербайджанском секторе Каспия. «Чтобы соединить эти два проекта, мы избрали датой начала транспортировки газа по Nabucco 2013-й год, когда начнется и вторая стадия разработки «Шах-Дениз», – сказал Митчек. Так же Митчек, совершивший однодневный визит в Баку в марте, подписал здесь ряд соглашений с компаниями, занимающимися добычей и экспортом газа. Однако название компаний, а также содержание документов раскрыты не были. Помимо вышеуказанных европейских стран к «Набукко» решила присоединиться Франция, но впоследствии спустя несколько месяцев после подачи заявки на участие в проекте, она поспешила отозвать ее. Как стало известно, компания Gaz de France отозвала свою заявку на участие в проекте, поскольку встретила активное сопротивление со стороны Турции. Причины такого решения находятся в политической плоскости и связаны, во-первых, с негативным отношением Парижа к вступлению Турции в ЕС, а во-

вторых, с его же проармянской позицией по вопросу признания геноцида 1915 года в Османской империи. Получив отказ на вступление в Nabucco, компания Gaz de France объявила о свободе своих действий в плане обеспечения безопасности газоснабжения Франции и желании подключиться к «Южному потоку». Таким образом, конфронтация между Турцией и Францией может принести дивиденды российскому «Газпрому».

Иначе обстоит дело в случае столкновения интересов Прикаспийской и Транскаспийской газовых магистралей. России выгодно осуществлять среднеазиатские поставки в Европу через свою газотранспортную систему, в пользу этого говорит многолетний опыт таких контрактов, политическая, экономическая и социальная связка Россия – Средняя Азия. В то же время странам Центральной Азии выгодно увеличение стоимости газа, Евросоюзу необходим более широкий доступ к газу, для США же новые коммуникации на Евразийском континенте – это прежде всего объект большой геополитики. Американская дипломатия прямо говорит о поставленной задаче «обуздать» монополию России на ресурсы региона, в том числе – в результате переориентации центральноазиатского газового экспорта. Сам факт этой борьбы дипломатично камуфлируется аргументами энергобезопасности. Страны Евросоюза начали сомневаться в целесообразности строительства газопровода Nabucco, так как под вопросом оказалась возможность наполнить его газом. Европа стала сомневаться в целесообразности строительства газопровода, с помощью которого планирует ликвидировать зависимость от России, но зато будет завязана на газ из Средней Азии. Однако события марта 2008 года, когда «Газпром», испугавшись перспективы потерять ресурсную базу, договорился с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменией о переходе с 2009 года на европейскую цену при покупке среднеазиатского газа, поставили под сомнение надежность Туркмени как поставщика для Nabucco и перспективы Турции как европейской энергетической магистрали.

В прошлом году Ашхабад сделал выбор в пользу маршрута транспортировки своего газа через территорию России. Кроме того, в январе этого года Туркмения продемонстрировала свою ненадежность как поставщика – была приостановлена прокачка газа в Иран.

Остальные потенциальные поставщики газа вряд ли смогут заполнить трубу. Впрочем, вариант, при котором газ для Nabucco сможет предоставить Иран, на долю которого приходится около 15% мировых запасов, до сих пор рассматривается. Однако политическая ситуация вокруг Ирана также не дает гарантий наполняемости Nabucco. Помимо того что Nabucco не может получить гарантий наполняемости, экономические риски проекта повышает его российско-итальянский конкурент – проект «Южный поток». Этот газопровод имеет почти такую же мощность, как и Nabucco, и фактически повторяет его маршрут по территории Европы. И не факт, что европейские страны смогут покупать газ сразу из двух газопроводов.

Для того чтобы начать полномасштабное строительство трубопровода, необходимо получить твердые гарантии от производителей газа, что они будут в достаточной мере заполнять трубу. Однако после того, как «Газпром» достиг договоренности со странами Средней Азии относительно расширения газопровода Средняя Азия – Центр и вскоре приступит к строительству газопровода «Южный поток», возникают опасения, что газа для Nabucco не хватит.³

Комментируя итоги состоявшихся в марте этого года в Анкаре переговоров президента Туркмении с руководством Турции, газета «Джумхуриет» сообщила, что «Набукко» может оказаться под угрозой срыва. Несмотря на усилия турецкой стороны, в Анкаре не было подписано соглашение о поставках в Турцию природного газа из Туркмении. «На переговорах Гурбангулы Бердымухамедова с Абдуллахом Гюлем турецкая сторона заявила о желании получать природный газ из Туркмении для проекта «Набукко», однако туркменская не ответила согласием на это предложение. Без поддержки Туркмении, как считается, проект «Набукко» нереализуем», – отметила «Джумхуриет».⁴ Итак, в России скептически относятся к возможности реализации в ближайшие годы проекта «Набукко», полагая, что проект действительно никоим образом не помешает реализации проектов «Газпрома» по поставкам энергоресурсов. Также можно заключить и то, что строительство «Южного потока» явно завершится гораздо раньше, нежели «Набукко», на это указывает то, в каком быстром темпе «Газпром» завершил переговоры и подписал ряд документов со всеми странами, которые так или иначе связаны с «Южным потоком», чего нельзя сказать сейчас о «Набукко». С другой стороны, уже построен

газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, который некоторые эксперты справедливо называют составляющей частью будущего «Набукко», вследствие чего Турция уже чувствует себя уверенно, не боясь остаться ни с чем. Стоит вспомнить и слова верховного комиссара ЕС по внешней политике и безопасности Хавьера Соланы о том, что «Иран является фундаментальной страной для газопровода "Набукко"»⁵, произнесенные им в марте 2008 года на международной конференции Немецкого фонда Маршалла. Запад на самом деле ждет дружественного режима в Иране, и это лишь вопрос времени.

Таким образом, перспективы реализации двух проектов неоднозначны, как и дальнейшие возможные пути развития двусторонних российско-турецких отношений.

¹ Независимая газета, 07.12.2007.

² Независимая газета, 14.01.2008.

³ РБК, 07.02.2008.

⁴ Джумхуриет, 24.03.2008.

⁵ ИТАР-ТАСС, 16.03.2008.